

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Том 1. Спор славян между собою

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ. Том 1. Спор славян между собою

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ
Том первый. СПОР СЛАВЯН МЕЖДУ СОБОЮ

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

Том первый
СПОР СЛАВЯН МЕЖДУ СОБОЮ

ЭКСМО

МОСКВА

2013

Оформление серии *Е. Савченко*
Серия основана в 2003 году
Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

- Звягинцев В. Д.**
3-45 Большие батальоны : фантастический роман : в 2 т.
Том 1 : Спор славян между собою / Василий Звягинцев. — М. : Эксмо, 2013. — 384 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-63451-4

Параллельные реальности пересекутся, если это потребуется для установления исторической справедливости или если вдруг всеильные Игроки решат начать новый раунд своей бесконечной Игры в Гиперсети. Друзьям и единомышленникам из «Андреевского братства» в очередной раз приходится подтверждать это, сражаясь то по одну, то по другую сторону невидимой границы. Ведь противостоять врагам в России всегда было привычнее всем миром, объединив силы. Тем более нападение спланировано так, чтобы обескровить нашу страну сначала в одной исторической последовательности, а затем, используя ее как плацдарм, — начать атаку на другую! И план этот был почти безупречен. Но помощь пришла! Ведь русские своих не бросают, где бы и когда бы они ни жили...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Большие батальоны всегда правы.

Наполеон Бонапарт

Бог на стороне больших
батальонов.

Вольтер

Они во всём едины,
Они неразделённые,
Они непобедимы,
Большие батальоны.
Они идут, большие,
Всех шире и всех дальше.
Не сбившись, не фальшивя:
У силы нету фальши.
Хоть сила немудрёна,
За нею власть и право.
Большие батальоны
Всевышнему по нраву.
И обретает имя
В их грохоте эпоха,
И хорошо быть с ними,
А против них быть плохо.
Но всю любовь и веру
Всё ж отдал я не Богу,
А только офицеру,
Который шёл не в ногу.

В. Корнилов

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас?
Оставьте: это спор славян между собою.
Домашний, старый спор, уж взвешенный
судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

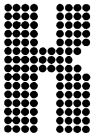
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас.

А. Пушкин.

Клеветникам России. 1831 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

 ак написал бы автор XIX века, и начала XX тоже: «В городе федерального значения М. в последних числах августа 20... года стояла чудесная погода. Только что прошёл бурный, тёплый, по-весеннему радостный ливень».

В таком приблизительно роде.

За окнами вечерело. Наступил как раз тот час, когда электричество (или любой другой источник искусственного света) зажигать ещё рано, но очертания предметов уже начали утрачивать чёткость, в дальних от окон углах комнат стали сгущаться тени. В этот переходный час иногда само собой меняется настроение, вдруг появляется немотивированная грусть и вспоминаются безвозвратно ушедшие мгновения жизни, не всегда значительные, но волнующие. словно бы между страницами старой книги вдруг попался трамвайный билет тридцать лет назад отменённого маршрута или химическим карандашом написанный счёт на четыре рубля с ко-

пейками из кафе на ВДНХ. Да хотя бы и просто засохший ломкий цветок, оставленный здесь ещё до тебя на память неизвестно о каком событии давно покинувшим наш мир человеком...

Место действия — богато, демонстративно старомодно обставленная квартира. Чересчур богато и чересчур демонстративно, на взгляд впервые оказавшихся здесь людей, потому что мало кому из нынешних даже и олигархов придёт в голову столь резко выбиваться из господствующего в их кругах гламурно-постмодернистского стиля. Да и современные дизайнеры не станут заморачиваться, разыскивая подлинные мебельные гарнитуры безвозвратно ушедшего позапрошлого века и все им соответствующие аксессуары — тысячи томов раритетных книг в тиснёных золотом кожаных, муаровых, пикейных переплётах, всяческие антикварные штучки из бронзы, мрамора, нефрита, прочих ювелирно-поделочных материалов. Ну и картины по стенам развешаны достойные долгого и внимательного рассмотрения, примечательные не только сюжетами, но и техникой исполнения. Совсем не те, что ныне оцениваются в десятки миллионов долларов, но у человека наедине с собой, не обязанного «террором среды» изъяслять статусные восторги, вызывают либо смех, либо тягостное недоумение.

Видно, что кто-то старательно воспроизвёл в нескольких комнатах этой обширной квартиры известные сейчас только по фотографиям интерьеры дворцов Юсупова, Рябушинского, Щукина и прочих некогда славившихся одновременно тонким вкусом и любовью к роскоши ныне исторических личностей.

Большинству присутствующих всё окружающее было давно и хорошо известно, но двое — Президент и Журналист — всё не могли освоиться, принять обстановку (в обоих смыслах этого слова) как должное. На только что пережитые, ещё вчера казавшиеся немыслимыми события накладывался и этот интерьер, усиливая ощущение нереальности происходящего.

— Да что это мы всё стоим, господа? — совершенно искренним тоном удивился Фёст, только в глубине его глаз мелькало нечто похожее на насмешку. Людмила, по крайней мере, её улавливала. — Не пора ли?..

Кажется, Вадим сейчас забавлялся не только тем, что принимает у себя приватным образом *взавправдашнего* Президента, а и наблюдая за Секондом, слишком серьёзно вдруг отнёсшимся к своей флигель-адъютантской должности. Лично ему сейчас, наоборот, хотелось валять дурака. Все пули в очередной раз пролетели мимо, вокруг — прелестные девушки, долженствующие своим видом и щебетанием радовать глаз и душу (то, что они только что своими нежными пальчиками отправили к праотцам энное количество людей, не имеет никакого значения, как и то, что не бальные платья на них, а суровые воинские доспехи), погреба ломятся от запаса продовольствия и напитков — чего ещё желать?

Гусар, партизан и поэт Денис Давыдов как раз по такому случаю писал:

«Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные?
Председатели бесед,
Собутыльники седые?
Деды, помню вас и я,

Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами...
...Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает.
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.
Конь кипит под ездоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк, и вечером
Снова ковшик шевелится...»

Фёсту что, он человек совершенно свободный, свободный «от» и свободный «для», ему можно в каждый данный момент времени оставаться самим собой, не заботясь об условностях и необходимости «соответствовать» и «производить впечатление». При том что здесь и сейчас именно на нём лежит *настоящая* ответственность.

То ли дело все остальные присутствующие здесь мужчины (за исключением Воловича, конечно). Они угнетены грузом текущих и предстоящих забот, а двое вдобавок потрясены тяжестью не только фактически проигранного сражения, но и крахом дела едва ли не всей сознательной жизни!

Да-да, проигранного, что уж тут лицемерить? Если они ещё живы и на свободе, так «по независящим от них обстоятельствам». А — «по зависящим»?

Результатом «гуманного и демократического», как им казалось, правления, стал банальный верхушечный заговор с попыткой вооружённого свержения власти. По большому счёту — удавшегося, ибо вмешательство иновременных сил никоим образом не являлось заслугой первого лица государства и его окружения. За одной крошечной оговоркой — это вмешательство стало возможным только пото-

му, что *потусторонним силам* нынешние персоналии показались более симпатичными, чем любые другие. Каприз, если угодно, но никак не результат осмысленной политики Президента и возглавляемой им власти.

А тут ещё Фёст, условный полковник другого государства и всего лишь капитан медслужбы нынешнего, изрёк свою фразу, достойную войти в анналы с ничуть не меньшим основанием, чем многие другие, от цезаревского: «Жребий брошен» до хрущёвского: «За работу, товарищи!»

— Да, господин Президент, не бойтесь друзей! Особенно если они не собираются вас предавать...

— Как это? — приподнял бровь Президент. — Не бойтесь друзей? Оригинально...

— Можно подумать, вы Бруно Ясенского не читали или хотя бы Эренбурга, тоже приводящего эту цитату, — не совсем вежливо ответил Фёст.

— А вот знаете — нет, — развёл руками Президент. — Не пришлось как-то. Очевидно, у нас с вами были несколько разные вкусы и интересы.

Журналист знал, о чём идёт речь, но промолчал. Сам не зная почему. Он вообще чувствовал себя странно. То ли межвременной переход на нём так сказался, то ли затянувшийся на весь невероятно длинный день стресс, да ещё и какое-то странное влияние на его психику присутствия рядом Людмилы Вяземской. Она действовала на него совершенно непонятным образом — не влекла своей необычной красотой, не пугала холодным профессионализмом «солдата удачи», но поселила в душе тревожное беспокойство, никак не относящееся ко всем перипетиям последних дней, вообще к госу-

дарственной политике. Что-то такое, в духе «Мастера и Маргариты», пусть и с другим знаком.

— Ну, это сейчас совершенно несущественно, — усмехнулся Вадим, вполне довольный и вчистую выигранной им партией, начатой не так давно скорее от нечего делать, нежели от надежды что-то в *этой* стране реально изменить, и, главное, тем, как он сейчас выглядит в глазах Людмилы. Смешно, но мнение двадцатилетней девчонки, да ещё и из другого мира, казалось ему чрезвычайно важным. Станным образом сейчас мысли его и Журналиста пересеклись в одной точке, хотя и исходили из совершенно разных предпосылок.

Кроме него на удивление великолепно чувствовал себя Мятлев. Для Контрразведчика всё стало простым и понятным, и в личном плане, и в государственном. Наконец-то, после неудавшегося покушения, чудом (и с его, Леонида, помощью тоже) выживший Президент позволит ему развернуться в полную силу, разрешит (если не попросит!) принять на себя всю полноту власти в его специфической сфере деятельности. А сейчас тот самый момент, когда она, эта деятельность, становится единственным источником власти в стране, и выпускать ли её из рук после «наведения порядка» — только ему решать. Ни Дзержинский, ни Троцкий, ни даже Берия не сумели конвертировать полный контроль над спецслужбами и армией в нечто осмысленное, однозначно целенаправленное. Вышеназванные персонажи, имея собственное представление о текущей обстановке и системе государственного управления в стране, не сумели в нужный момент заявить: «Командовать парадом буду я!» — и проиграли всё, включая и собственные жизни. А ведь

тот же Дзержинский (да и Троцкий тоже) прекрасно понимали пагубность сталинского курса, достаточно разумно рассуждали о необходимости «внутрипартийной демократии» (прежде всего — для себя), боялись «термидорианского переворота» и даже вслух о его, пока ещё теоретической, возможности предупреждали верхушку партии. Только желающих услышать оказалось слишком мало, а использовать нужным образом и в нужное время имеющиеся возможности эти товарищи не решились. Особенно удивлял Леонида в этой ситуации Берия. И дамоклов меч над своей головой видел вполне отчётливо, и о механизме его использования понятие имел, а вот поди ж ты, сидел и ждал целых четыре месяца, пока Хрущёв с силами соберётся и свои козыри на стол бросит.

Пусть сейчас у Леонида Ефимовича с Президентом положение выглядит намного «хуже губернаторского», полностью проигранной партия выглядит, чего тут деликатничать? Упавшую с неба власть удержать не сумели, на чужой территории сейчас бегством спасаются. Так зато и путь к победе ясно виден, и когда наступит эта самая победа, он шанс не упустит. Сосредоточит в своих руках руководство абсолютно всеми силовыми структурами государства и «демократию» будет регулировать лично. В строгом соответствии с потребностями общества. В песочнице детского сада тоже ведь «свобода, равенство, братство», однако воспитательница постоянно рядом присутствует и бдит! Знает, что если один из «равных» другому лопаткой по маковке стукнет, не с него спрос будет. Так и в государственных делах: если «народные избранники» по глупости или из корысти *неправильный* закон воз-

намеряются принять, «всенародно избранные» губернаторы *злоупотреблять положением* начнут — что же, ждать, пока «их жизнь сама накажет строго», а «естественный ход событий» к очередной катастрофе приведёт?

Это — первое.

Второе — обозначилась ясность и в его отношениях с Гертой. Что всё теперь будет в порядке, Мятлев уже понял. После того как они вместе повоевали, и неплохо, он в её глазах проявил себя достойно — обратной дороги нет. Всё у них получится в наилучшем виде, может быть, уже сегодня. А завтра он сделает её своим первым заместителем и консультантом по *нереальным вопросам*. И таким же ответам. Жить они с ней будут *здесь*, а работать *там*...

Генералу как-то совершенно не пришло в голову, что если задуманный им план реализуется в полной мере — всё выйдет совершенно наоборот, это он окажется у Герты заместителем и «зиц-председателем». Исключительно в силу различия типов личностей. Если ей, конечно, вообще покажутся интересными игры в большую политику на уровне Екатерины Великой, тоже начинавшей карьеру в качестве жены племянника императрицы Петра Фёдоровича.

Мятлев, стараясь не привлекать внимания друзей и хозяев, вдоль стенок выскользнул из кабинета, направился по длинному полутёмному коридору в сторону кухни. Там Герта гремела посудой, собирая ужин, хоть в какой-то мере соответствующий важности гостей. И Людмилы здесь не было, к его удаче. Возможно — и сомнительной.

Генерал подошёл к девушке сзади, положил руки на плечи, повернул к себе лицом. Совсем рядом глаза и губы. Прижать к себе «хрупкое» (если смотреть, не прикасаясь руками) тело, начать целовать куда придётся. Ему этого просто неудержимо захотелось. Но «распалившийся воздыхатель» наткнулся на спокойный, не располагающий к сумасбродствам взгляд не соблазнительной девушки, а недавно вышедшего из боя офицера.

— Ты, Леонид Ефимович, держи себя в руках. Не люблю я таких вот истерических порывов. Возьми вон лучше консервы пооткрывай, раз пришёл... Дожили, представь себе — президента великой державы банальными консервами угощать будем...

Ну, консервы были не совсем уж банальные, не «Частик мелкий нерядовой укладки»¹. Крабы нашлись, и шпроты, и мидии со специями, даже «уторь копчёный в кисло-сладком соусе», не считая всяческих колбас и сыров. Нередко здесь по десятку человек без подготовки случалось кормить, на подобный случай и припасы. Но всё равно...

Можно бы, конечно, проявив инициативу, заказать в расположенном напротив ресторане «У дяди Гиляя» полноценный ужин с парой официантов для оформления и подачи блюд, но это не Герте решать.

Самое странное, Мятлев не чувствовал себя задетым или обиженным холодностью девушки. Глав-

¹ Для тех, кто не жил в «наше время». Были такие рыбные консервы, где рыбка размером около спички заливалась каким-то томатным соусом и укладывалась навалом в стеклянные банки, которые пустые стояли больше полных. Эти банки объёма 0,25 л широко использовались студентами и деклассированными слоями населения в качестве стаканов, пепельниц и т. п.

ное, она говорила с ним как с по-настоящему «своим человеком». Ну не сейчас, значит, подождём другого раза, сама по себе идея не отмечена в принципе, и это хорошо. Пожалуй, даже интереснее — дожждаться и посмотреть, как она сама инициативу проявлять будет. Но это вряд ли. Придётся самому в подходящий момент снова инициативу проявить.

Секонд, Фёст, Президент и Журналист остались вдруг одни, Людмила тоже незаметно растаяла в глубине смежных комнат. Волович, судя по дыханию и мимике, видел сладкие наркополитические сны и субъектом действия сейчас не являлся. То есть получилось — два на два, идеальная схема для переговоров, ну, не переговоров в полном смысле слова, но обмена мнениями, предполагающего согласование хотя бы «протокола о намерениях».

— Знаете, Георгий Адрианович, — Фёст впервые назвал Президента по имени-отчеству, причём панибратским тоном, и это ему понравилось, как в своё время нравилось утончённо издеваться (не выходя за пределы статей всевозможных уставов и приказов) над своим полковым и дивизионным начальством. — Вы сейчас находитесь в удивительно выигрышном положении...

— Не совсем понял...

— Да как же? Цитата из Ясенского открывает вам широчайшее «окно возможностей». Стоит объяснить дальше?

— Не стоит, — несколько раздражённо ответил Президент. Ему манера поведения более агрессивного (наверное, потому что «соотечественник» и «современник») из близнецов совсем не нравилась. Но, как писал то ли Эсхил, то ли Софокл, «даже бессмертные боги не могут бывшее сделать

небывшим». Эти парни вели себя выше всяческих похвал и в бою, и, той сфере «высокой политики», в которой им пришлось поучаствовать. По крайней мере, Президент признавал — что и с гораздо большей раскованностью и степенью компетентности, чем он сам в своей должности. Не только сегодня, но и всегда.

— Вот это я и хотел от вас услышать, — удовлетворённо сказал Фёст, беря из коробки сигару. Он тщательно её раскурил, посматривая сквозь дым на своих визави. — Иногда очень полезно человеку взглянуть на окружающее с несколько иной точки зрения. Марк Твена помните?

— Что именно? — нервно спросил Президент.

— Как что? Я думал, вы сразу догадаетесь. «Принца и нищего», конечно. Не находите определённого сходства ситуаций? И послушайте меня, — Фёст попытался применить на практике один из многочисленных усвоенных от Александра Ивановича психологических приёмов, — прекратите вы терзаться всякими глупыми мыслями и мировую скорбь изображать. Здесь не детский сад, никто вас жалеть и успокаивающих слов говорить не будет. Примите одну из двух схем поведения. «Хэмп Ван-Вейден» или «Смок Белью»¹. В первом случае примите случившееся как жестокую данность свыше и начинайте из неё выбираться, перестраивая себя и набираясь сил, которые в вас есть, но о которых вы в силу особенностей вашей биографии не подзревали. Во втором — всё происходящее — просто интересная, добровольно вами выбранная игра.

¹ См. Дж. Лондон. «Морской волк», «Смок Белью», «Смок и малыш».

Вы проверяете свои возможности добывать и есть медвежье мясо, но всегда вольны отказаться от испытания и тут же вернуться в свой прежний мирок, кажущийся вам уютным. Терцио нон датур. При любом вашем выборе мы готовы вам помочь, но не в большей степени, чем вы готовы помочь себе сами. И ещё запомните — о других говорить не буду, но для меня вы сейчас никакой не Президент. Просто человек, с которым я готов делать общее дело. Если вы сами этого хотите. Одно ваше слово — и я верну вас туда, откуда так опрометчиво выдернула вас девушка не нашего мира. Там всё ещё длится ситуация, которую вы сами создали и которую имеете возможность исчерпать до конца. В меру собственных способностей.

Речь получилась слишком длинная, и Фёст признавал, что после неё может приобрести себе в лице этого человека пожизненного врага. Но и на это ему было наплевать. Он ведь не политик, он сейчас снова просто врач, и то, что происходит — обыкновенная шоковая терапия. Он действительно думал именно так, как говорил, и это чувствовали все присутствующие. Только — все по-разному.

Пауза несколько затянулась. В это время предпочитавший без нужды не вмешиваться «в спор славян между собою» Секонд разлил всем по чаркам.

«Или во здравие, или за упокой», — подумал он. Он понимал запал своего брата-аналога и всей душой желал, чтобы Президент понял то, что до него пытается донести Вадим, однако сам воспринимал мизансцену лишь с собственной точки зрения. Если Президента удастся склонить к сотрудничеству на условиях Олега — чего ещё желать флигель-адью-

танту? А Фёсту требовалось совсем другое. Он хотел, чтобы Президент ЕГО страны взял себя в руки и стал тем человеком, который сможет и дальше управлять государством, в совершенно новых условиях. Причём так, чтобы не выглядеть на фоне Императора марионеткой или младшим партнёром. Зачем *этому* Ляхову превратившаяся в протекторат Россия с декоративным лидером во главе?

Самое интересное — Фёст очевидно верил в то, что этот человек способен на преобразование в нужную сторону. В конце-то концов — разве все рыцари Братства не прошли, пусть по-своему, подобный же путь?

Похоже, это уловил и Журналист. Уловил и явно стал на сторону Фёста, хотя и не сказал пока ни слова.

Президент разжал зубы, отпустив невольно прикушенную губу. И вдруг улыбнулся.

— А знаете, хорошо это у вас получилось. И «Принц и нищий» к месту, и остальное. Судьба пытается заставить стать Хэмпом, а я ей назло выберу Смока. Идёт?

И протянул Фёсту руку.

— Идёт. Теперь осталось только добраться до ручья Индианок, и всё у нас будет в порядке...

— За это и выпьем, — продолжил Секонд, которому уже надоело смотреть на полные чарки и слушать чересчур многословные периоды¹ Фёста, пусть и сам он был склонен к риторике не в меньшей степени.

¹ П е р и о д (в риторике) — развёрнутое сложноподчинённое предложение с чёткой интонацией и делением на синтаксически единые группы слов.

Ещё не зная, что обсуждается сейчас высокими договаривающимися сторонами, Герта вдруг решила тоже внести свой вклад в большую политику. Исходя из своего понимания проблемы. Её ведь не на подпоручика роты спецназа учили. В ранге координатора ей полагалось бы, пусть и не слишком часто, принимать самостоятельные решения государственного уровня, используя в качестве инструмента любых подходящих людей, вплоть до коронованных особ. Как, например, работала в викторианской Англии Сильвия, леди Спенсер.

— Слушай сюда, Лёня, — Герта вспомнила свою командировку в Одессу, и ей показалось подходящим такое обращение к генералу, — я тут немножко подумала... Если вашему Президенту так не хочется «засвечиваться» перед Олегом и как бы признавать своё поражение, на поклон идти — можно попробовать провернуть акцию своими силами. Только нужно вызвать остальных девчат с Уваровым оттуда, где они находятся, подключить ещё хотя бы взвод, а лучше всю роту «печенегов». Если Фёст и Секонд с Тархановым договорятся, я надеюсь, и за сегодняшнюю ночь мы легко можем вернуть Президенту *престол* с полностью зачищенными окрестностями. У нас почти все данные по руководству заговора есть, чего не хватает — за час по «Шару» выясним. И вперёд, попросту, в жанре нормальной фронтовой операции. Мы, «печенег», «правовые предрассудки» и собственного государства не слишком почитали, пока Олег к власти не пришёл, а что говорить о чужом? Ну, ладно, — поправились она, заметив непроизвольную гримасу на лице Мятлева, — пусть не «чужом», а «другом».

Леонид Ефимович поначалу несколько оторопел от простоты и даже примитивности высказанной валькирией идеи. То есть действительно, без всяких, даст бог, осложнений в течение ночи произвести самое широкое изъятие и ликвидацию всех, на кого укажет пленный генерал, его бывший коллега Стацюк, кого сам Мятлев подозревает, кто вообще вёл себя «нелояльно», ворует не по чину, по западным посольствам бегают... Даже и ликвидация ни к чему, если все хотят чистые руки и белые ризы сохранить. Пусть «печенег» забирают их к себе и используют, допустим, на сельхозработах где-нибудь в сибирской или даже уссурийской глуши. На перевоспитание к староверам и казакам отдать... Забавно может получиться. «Декабристов» всех мастей — в одну кучу, без различия партийной принадлежности. Кружки дискуссионные будут устраивать, как эсеры, эсдеки, анархисты на царской каторге. То есть в ссылке, конечно.

Мятлев давно был готов «перестроиться» как раз в духе принципов имперской России, только смысла это не имело в прежних условиях. Генерал очень хорошо помнил девяносто первый год, в самом подходящем возрасте был, двадцать лет — и ума уже хватало, и эмоционально всё очень ярко воспринималось. И случившийся тогда «демократический шабаш» с известными последствиями относился как раз на счёт того, что не нашлось в стране по-настоящему подготовленных к катаклизму таких масштабов и, главное, в нужном направлении здравомыслящих людей. Ничего ведь не стоило бы толковому лидеру (существуй тогда такой вообще на российских политических подмостках) вроде Наполеона и, чёрт с ним, даже Сталина вовремя оценить

суть происходящего, возглавить движение и направить ситуацию в нужное русло.

Тогда после нескольких месяцев, ну — года некоторой турбулентности — вполне можно было вывести государственный корабль с минного поля на безопасный и ведущий в сторону благоденствия и процветания фарватер. С огромной выгодой для всех, а не катастрофическими потерями.

Сейчас будет, с одной стороны, потруднее, ибо слом намечается не слабее того, двадцать лет назад случившегося, но и легче тоже — страну придётся подгонять под уже существующий и эффективно действующий шаблон с помощью умелых и знающих людей. И подушек безопасности теперь больше, чем в люксовом «Майбахе».

Но, кажется, чем чёрт не шутит, наклёвывается вариант не хуже.

Судя по словам Герты, нужно совсем мало — заставить Фёста убедить Секонда, потом вдвоём — неизвестного пока Леониду, но, видимо, весьма серьёзного человека Тарханова. Тут, конечно, им все карты в руки. Сумеют — и реформы можно будет начать проводить в самых благоприятных условиях, не спеша, просчитывая каждый следующий шаг и не опасаясь больше никакой оппозиции. Хотя при чём тут оппозиция?

Непонимание, чудовищная умственная ограниченность собственной президентской якобы команды, помноженные на шляхетский гонор и неспособность «верхов» прийти к согласию по любому мало-мальски серьёзному вопросу, если при этом задеваются местнические и финансовые интересы каждого из «кланов» и «центров силы», — вот в чём беда. Ей-богу, Леонид Ефимович никогда не

был упёртым коммунистом, сталинистом тем более, но моментами накатывала такая ярость, причём — бессильная, что сталинская кадровая политика казалась единственным выходом.

Расстрелы и гулаговская каторга — это в большинстве случаев, конечно, лишнее, но тотальная чистка, с полным устранением вороватых, не умеющих и не желающих работать чиновников любого ранга от всех видов государственной деятельности, а при необходимости и конфискация «до нитки», до шести квадратных метров жилья на человека, одного комплекта зимней и двух — летней одежды, и зарплата на уровне прожиточного минимума — это как раз то, что нужно!

«Стоп, стоп, парень, — тут же сказал сам себе генерал, — это тебя понесло! Сначала хотя бы первый шаг сделать надо. Ликвидировать мятеж, организаторов, исполнителей, пособников, и закрепить своё положение, используя в качестве надёжного и беспристрастного инструментов этих самых «печенегов». Это только вообразить — тысяча человек «личной гвардии», и все — такие как Герта с Людмилой...»

Тут, очень вовремя, на кухне появилась Вяземская, сообщить, что стол для ужина она уже сервировала и можно начинать носить закуски и прочее. Отмахнувшись, Герта торопливо изложила подружке свой план. Мятлев, незаметно для девушек опрокинувший большую рюмку коньяка, закурил, отойдя к окну. Теперь какое-то время от него ничего не зависит. Можно спокойно полюбоваться панорамой «другой Москвы». Солнце уже село, от западного горизонта почти до зенита по тускнеющей голубизне разлилось алое, через ряд оттенков пе-

реходящее в малиновое, сияние. Разбросанные по небу отдельные кучевые облака, тоже изощрённо подкрашенные и подсвеченные разными оттенками фиолетового, синего и серого, придавали картине совершенно сюрреалистический вид. Наверняка вся эта давяще-тревожная красота намекала на предстоящие события, судьбоносные и кровавые. Так как там у Салтыкова-Щедрина? «Дорога из Глупова в Умнов лежит через Буянов, а не через манную кашу».

«Хотя, — подумал Мятлев, — происходить-то события будут совсем не здесь, а там, у нас, так к чему же эта иллюминация?»

И тут же сам себе ответил: «Но происходить-то они будут именно с тобой, вот тебе знак и подаётся...»

Чёрт знает, какие глупости лезут в голову по причине сильного душевного волнения.

— А что, — ответила, выслушав самый приблизительный *абрис*¹ плана Вяземская своим мелодично-обволакивающим (вне строя) голосом, — мне нравится. Особенно после всего, что сегодня было. Фёст стопроцентно на нашей стороне (попробовал бы возразить! Сейчас у девушки имелось против него неотразимое оружие, которым из двух влюблённых успешно может пользоваться тот, у кого нервы крепче и выдержки больше), Секонда мы тоже уломаем, ничего сложного. (Людмила воспринимала аналога своего Фёста как человека хотя и героического, увенчанного всеми возможными наградами, кроме того, своего прямого начальника, но при этом гораздо более слабохарактерного,

¹ А б р и с — контур, набросок, прикид, рисунок без теней (с нем. См. В. Даля).

чем «брат», ведомого в этой странной паре.) А вот с Тархановым им самим придётся работать, нам такая фигура не по зубам. Надо бы, конечно, ещё вызвать оттуда, где они сейчас находятся, остальных девчонок во главе с «дядькой Черномором» (Уваровым), ну и Сильвию, конечно. Без неё — никуда.

— А что Сильвия? Ей как раз сейчас здесь делать нечего. С автоматом бегать — не её уровень. Сами справимся. А аналитиков и без неё достаточно, — возразила Герта.

— Да как сказать, — Людмила смотрела на вещи глубже, — не те из нас аналитики. Сегодня мы одно дело сделаем, а что вследствие этого завтра начнётся?

— Что завтра начнётся — завтра и решим, — сказал, отворачиваясь от окна, Мятлев. Ему хотелось немедленных действий, и не только мести (хотя и её тоже), а созидательной деятельности по наведению в стране *настоящего* порядка. Важнее же всего — возможность в последний момент перехватить инициативу, удержать власть и впредь выступать на переговорах с Императором, как самостоятельная, независимая сила. Не изучал Леонид Ефимович как следует историю Варшавского восстания, иначе не повторял бы ошибку Бура-Комаровского¹.

— Нет, так не положено, — уже более жёстким тоном возразила Вяземская. — Одно дело, когда мы там у вас *импровизировали*, действовали в услови-

¹ Генерал Тадеуш Комаровский (кличка Бур), руководитель Армии Крайовой в 1943—1944 гг. Организатор и руководитель Варшавского восстания 1944 г., целью которой было захватить столицу до подхода Красной Армии и передать власть лондонскому эмигрантскому правительству. Восстание было немцами подавлено, Комаровский сдался в плен.

ях крайней необходимости. А самостоятельно в *другой стране* смену государственного строя всемером устраивать... Нет, так не пойдёт. На то верховное главнокомандование имеется.

— Вдвоятером, — машинально поправила Герт, — если Уварова и Фёста считать. А так ты права, пожалуй. Это я погорячилась... — Она выразительно посмотрела на Мятлева. Мол, и ты в моей *горячности* виноват.

— Давай сначала то, что нам непосредственно приказано, исполним. Дипломатический ужин в честь главы сопредельного государства — это тебе не офицерские посиделки. Потом отзовём Фёста и предложим. Как он скажет, так и будет.

Поужинали наскоро, аппетита не было почти ни у кого, адреналин в крови ещё присутствовал в достаточных количествах.

— Я бы предложил прогуляться по вечерней Москве, — сказал Фёст, — ничего более осмысленного мы сейчас предпринять не можем. Времени у нас неограниченно. Можем хоть месяц отдыхать, а там стрелки остановлены, как на шахматных часах. Попросим местных товарищей принять бразды правления и окружить нас заботой «согласно законов гостеприимства».

Насколько мне известно, да вот и Леонид Ефимович подтвердит — этот город, ваше высокопревосходительство, во множество раз безопаснее нашего с вами. Самодеятельной преступности здесь, считайте, нет, только профессиональная, которая уличным хулиганством не занимается, наоборот, сама бдительно следит, чтобы всякие отморозки ей лишних проблем с властями не создавали. Нарко-

мании и наркоманов тоже нет, кокаином, гашишем и опиумом больше в великосветских салонах и на богемных сборищах балуются, как у нас до Первой мировой. Ну и постовые городовые на каждом перекрёстке стоят, в пределах зрительной и звуковой (свистком) связи...

— Прямо рай земной у них здесь, получается, — недоверчиво хмыкнул президент. — Отчего же у нас, что в России, что в США, преступность непрерывно растёт, причём становится всё более агрессивной и немотивированной?

— Ну, Георгий Адрианович, — не выдержал уже Секонд. — Вы же юрист всё-таки, неужели нужно столь очевидные вещи растолковывать? Видно, на вашем факультете чему-то не тому учили. И Маркса с Энгельсом, наверное, на семинарах игнорировали. Вы же успели эпоху тотального марксистско-ленинского образования застать?

— Да практически уже и нет. Во время перестройки, когда я только поступил, на эти науки уже внимания почти не обращали. Другие имена в моде были. Но вы откуда про всё это знаете? Здесь тем более «исторический материализм» и «научный коммунизм» ни к чему.

— Исключительно из чистого любопытства почитывал. Хотелось понять, как такие заумные теории к государственному перевороту и Гражданской войне привели. А когда с *братцем*, — он кивнул в сторону Фёста, — познакомились, пришлось всерьёз заняться. Семьдесят лет вашей советской истории — весьма увлекательный феномен...

— Так не совсем понятно, как вы Маркса с Энгельсом и проблему преступности у нас и у вас увя-

зываете, — задал вопрос до того молчавший Журналист.

— Ничего нет проще, Анатолий. Бытие всё-таки определяет сознание, хотя последнее время политики утверждают, что наоборот, — ответил Фёст. — Если вы помните, царская Россия по уровню уголовной преступности занимала одно из последних мест в цивилизованном мире, и число заключённых на душу населения было ровно в пятнадцать раз ниже, чем сегодня у нас в РФ. Для примера ещё напомним, что при Муссолини мафия в Италии была практически сведена к нулю и на двадцать лет «залегла на дно». А как только американцы Италию освободили, первым из *демократических институтов* возникла именно мафия. Интересный факт, да? Так вот в здешней России с самой Гражданской войны шла целенаправленная борьба не только с «причинами преступности», как это декларировали большевики, а прежде всего с её носителями, поскольку победившая «белая» власть хорошо усвоила, что уголовники для коммунистов — «классово близкие» и являются своеобразной «питательной средой» для советской власти. Так называемые «честные люди» ей невыгодны и политически и экономически. Как, впрочем, и нынешней эрфэшной. Вот мелочь вроде бы, а меня наповал сразила — с появления первых личных автомобилей и по сей момент в СССР, теперь РФ, существует норма — «угон без целей хищения». Кража костюма из магазина — всегда кража, поносить ты его взял или насовсем. А машину, оказывается, можно как бы и не украсть... Всё вокруг народное, всё вокруг моё!

— Хватит, хватит, друзья, — вмешался Мятлев. — Уж это — совсем не тема для текущего мо-

мента. Собрались идти гулять — так пойдёте. Тем более — наши дамы уже переоделись и ждут, нервничая.

Действительно, пока мужчины вели застольную беседу в сократо-платоновском духе, валькирии привели себя в вид, подходящий для намеченной цели.

...Перед выходом Мятлев с Фёстом проверили, в каком состоянии находятся оба пленника, по старой методике приковали обоих в разных ваннных комнатах наручниками к трубам. От жажды не помрут и гадить под себя не будут, остальное несущественно. Пусть думают, тем более что Мятлев, не скрывая злорадства, сообщил своему бывшему коллеге Стацюку, что они все, сам Леонид Ефимович в том числе, находятся в руках людей, для которых понятия прав человека, уголовно-процессуальный кодекс и даже конвенция по обращению с военнопленными (если бы они под таковую попадали) — пустой, неосязаемый чувствами звук.

Эти слова вызвали у генерала очередную презрительную усмешку и короткий нецензурный ответ. Или он словчился перед выходом на переговоры каким-то долгоиграющим наркотиком заправиться, или от природы обладает таким идиотским упрямством, издавека похожим на настоящее мужество.

— Давай-давай, выпускай пар, — поощрил его Фёст. — Часиков через двенадцать весь гонор с тебя сойдёт, тогда и побеседуем. Строго исходя из тех же жизненных установок, которыми ты руководствовался. Так что сиди на цепи и воображай, как бы ты со мной поступил, попади я в твои руки, а потом помножь всё это на два, а то и на три. Про-

сто потому, что я умнее и фантазия у меня богаче... Так что приятной медитации.

Выйдя из ванной, он погасил в ней свет. В темноте обычно лучше думается.

Для начала Секонд решил устроить ознакомительную поездку по Москве на открытых автомобилях. Таксомотры прибыли по вызову минут через десять, до «биржи извозопромышленников» тут совсем недалеко. При размещении возникло краткое препирательство. Секонд предложил в первую машину сесть Президенту, Журналисту, Мятлеву. И он с ними в качестве принимающей стороны и экскурсовода. Во вторую — Фёсту, Людмиле, Герте. Они составят группу сопровождения и прикрытия, на случай если и сюда проникнет какой-нибудь враг. Прецеденты случались.

Мятлев возразил, желая, чтобы с ним ехала и Герта. Вроде логично — эскорт-леди вместе с *подконвойным*, как сострил Фёст, лицом. Журналист хотел, чтобы с ними сел и Фёст, в паре с Секондом они интереснее и полнее вели бы «экскурсию». Используя очередной урок Шульгина (говорить открыто и прямо то, что обычно принято маскировать дежурными словами, правилами этикета, «политкорректности» и т. п.), Ляхов сказал спокойно и с подходящей случаю улыбкой: «Не стоит мне с вами сейчас ехать. Атмосфера и так перегрета. Нам эмоциональный срыв сейчас ни к чему. Лучше катайтесь и Вадима слушайте. Он человек воспитанный, опять же — особа, приближённая к Императору (при всём комизме этой как бы цитаты, она сейчас была истинной правдой, что само собой несколько

снизило взаимное напряжение). Через час-полтора настроение у всех нас будет совсем другое...»

Мятлеву даже без слов, одним взглядом было указано, что он сейчас — член высокой делегации, а не Казанова в увольнении. Ну а насчёт схемы прикрытия он и сам всё понял.

Водителю второго наёмного «Ландо-кабриолета»¹ Секонд приказал держаться на расстоянии 20—30 метров от передней, повторяя все её маневры. Для начала выехали на Тверскую, свернули на Садовое кольцо. Вполне походящий маршрут для первой обзорной экскурсии по новому миру. Президента поразило не столько само Кольцо, такое же широкое, как и в его Москве, но с четырьмя рядами мощных лип вдоль тротуаров и по сторонам идущего посередине бульвара, как весьма разреженное движение и полное отсутствие даже отдалённого намёка на пробки. Бывало, перед красным светофором на перекрёстках сосредотачивалось несколько машин, но и только. Об этом он и спросил Секонда, предварительно уточнив, какое в этой Москве население.

— Миллионов шесть было по последней переписи. А точнее никто не считал, здесь ведь прописки, как у вас, нет, — сказал тот, — кто-то приехал, кто-то уехал. А что касается «пробок» — ничего сложного. Прежде всего — частных авто у нас крайне мало, в сравнении с вашими масштабами, конечно. Во-первых, цены на автомобиле почти запредельные, как в Европе на курево. Человеку со сред-

¹ Ландо-кабриолет — автомобиль, в котором верх открывается только над задними сиденьями, отсек водителя с глухой крышей, отделён от салона звуконепроницаемой стелянной перегородкой.

ним жалованьем нужно лет десять не пить, не есть, чтобы приличную для столиц машину приобрести. Такую вот, — он похлопал ладонью по полированной деревянной окантовке верхнего края автомобильной дверцы. — В провинциях, там наоборот — транспорт для езды в сельской местности крайне дешёв, но ни один уважающий себя москвич «Иртыш» или «Амур» (это такие аналоги ваших джипов-пикапов, только на техническом уровне начала пятидесятых годов), в качестве городского транспорта использовать не станет. Да и полиция не допустит. Ну представьте себе, как в то ещё царское время надворный советник или артист императорских театров на телеге ломового извозчика по Камергерскому переулку на премьеру в Художественный театр едет...

Президент с друзьями представили. Заодно сообразили, что до пресловутого тысяча девятьсот семнадцатого года собственные выезды имелись у крайне узкого слоя населения, прочие довольствовались, в зависимости от общественного статуса, конками, трамваями, извозчиками-ваньками и, наконец, лихачами.

Секонд кивнул, в подтверждение их мыслей, которые разгадал без труда.

— Сейчас то же самое. Наёмные автомобили, такси по-вашему, по-нашему — «моторы», крайне дешёвы и имеются в изобилии. Плюс все прочие виды «общественного транспорта», их больше, чем у вас, и работают лучше. Ну и метро, само собой. Здесь его построили без всякого Кагановича, без «трудового героизма» комсомольцев-добровольцев, но гораздо раньше. Уже к тридцать второму году в Москве имелась Кольцевая линия, в Петрограде —

одна прямая, от Финляндского вокзала до Лавры. А у вас в «Ленинграде» только в пятьдесят пятом, кажется, появилось? Причём станции у нас как в Париже, через каждый километр, а то и ближе. Без сталинского шика, конечно, но целям своим вполне отвечают...

— Ну и информированность у вас, — с недоумением и даже некоторой тревогой сказал Президент. — Это у вас что — специальное направление в разведке, за нашим миром наблюдать?

— Нет, не волнуйтесь, пожалуйста. Такой подкованный, пожалуй, только я. По известной причине. Ещё два десятка человек бывали на вашей стороне эпизодически. Всего о существовании «другой России» осведомлено человек двести, наверное, причём интерес у них либо весьма научный, историко-политический, либо крайне прагматический насчёт военной техники. Так что в случае расширения контактов и моя и ваша сторона находятся примерно в равном положении. Нужно количество ваших дипломатов и разведчиков смогут на нашей учебно-тренировочной базе буквально за две недели пройти ускоренный курс истории, географии и политического устройства Империи. Ну и все открытые документы, библиотеки, дальновидение — к вашим услугам. Нам скрывать нечего... от лояльной к нам элиты Российской Федерации. А опасности распространения «секретной информации» в *массах* теперь практически не существует. Разве какие-то *крайне продвинутые* иностранные специалисты могут заинтересоваться, так на то имеется Леонид Ефимович. Как врагу стратегическую дезинформацию *впаривать*, вас, надеюсь, учить не нужно?

Президент с Мятлевым ещё ничего не успели ответить, как свой вопрос задал Журналист, привыкший к блиц-пресс-конференциям:

— Почему — теперь?

Секонд хитро усмехнулся.

— Вы, Анатолий, в книжные магазины часто ходите?

— Ну, довольно регулярно. Обычно в «Библио-Глобус».

— Обратили внимание, какое буквально за последние год-два появилось количество фантастических романов о параллельных мирах и так называемых «попаданцах»? В смысле — из нашей реальности в вашу и наоборот.

— Видел кое-что, но особого внимания не обращал. Это вам нужно с Писателем обсуждать...

— Обсудим, будет время. Так вот я скажу — за два года у вас опубликовано более пятисот книг на эту именно тему. Все остальные — «космические оперы», «твёрдая НФ», как у вас говорят — почти забыты. Даже фэнтэзи несколько сдало свои позиции. У нас — примерно та же картина, только пишут поменьше, здесь вообще фантастика особого развития не получила. Кто его знает, почему. Возможно, именно ввиду отсутствия семидесяти лет советской власти стремления к эскапизму не развилось. Так что пришлось, секрет открою, многих ваших авторов привлекать. «Втёмную», конечно. Просто предлагают господину-товарищу «Эн» или «Эм» роман, а то и сериал изваять на заданную тему. И гонорарчик вполне себе ничего предлагают. Потом данное творение, если более-менее прилично получилось, и там и тут продают, соответственно адаптировав. Часто — с успехом.

— А какое это вообще имеет отношение?.. — спросил, наконец, Президент.

Секонд рассмеялся.

— Да самое прямое. Классическая операция прикрытия. Это вы Фёсту спасибо скажите. Ему после попадания в имеющуюся бифуркацию особенно делать нечего было, кроме как о дальнейших судьбах Отечества размышлять и доступные изучению реальности сравнивать. Две наших, и ещё две с половиной сильнее отличающиеся. Вот и пришла в голову идея радикального решения вопроса. А всякое дело требует идеологической подготовки, о чём у вас последние двадцать лет как-то подзабыли. Хотя исторический опыт вроде имеется. Им мой аналог и воспользовался. Совсем немного целенаправленной работы с писателями и издателями, не слишком большие финансовые вложения — и пожалуйста. Из того, что ваш друг Генрих двадцать лет назад начинал на отечественную почву прививать, причём не слишком успешно (кстати, и Вадим, и я все его книги прочли), такие вдруг плоды выросли... Теперь любое мало-мальски приличное издательство если десятков книг об альтернативных Россиях не напечатает, так вроде и зря существует...

— Понятно, — сказал Журналист. — Я ведь не договорил. Я действительно специального внимания на этот момент не обращал, а вот Генрих, помнится, ругался последними словами как раз по поводу такой, можно сказать, эпидемии. Мало что саму идею до предела опошлили, так теперь и он, получается, всего лишь один из многих «райтеров» этого типа. Обидно. Думаю, ему будет приятно теснее пообщаться с автором и исполнителем этой *подлянки*. Одним словом, получается, это вы с вашим бра-

том такую дымовую завесу и психологический фон создали. И теперь, начини кто о параллельных мирах всерьёз говорить, сразу диагноз поставят...

— Именно так. Это одна сторона. А вторая...

— Тоже понятно. *Оспенная вакцинация...*

— Сообразительный вы человек, Анатолий. Думаю, вам не только у себя, у нас тоже работа найдётся. Именно прививка. Поэтому мы своими делами ещё очень долго можем спокойно заниматься, а когда время придёт — у широкой публики никакого шока не будет. Параллельный мир? Ну и что тут такого? Про это все давно знают... Мне Фёст рассказывал, как *наш общий отец* в *его* мире отреагировал на сообщение о высадке Армстронга на Луну. Да и большинство окружающих — тоже. Вот полёт Гагарина — это была сенсация, а Луна всего через восемь лет — уже рутина.

Пассажирам второй машины любоваться красотами вечерней столицы было некогда. Девушки наперебой изложили старшему товарищу свою идею, присовокупив, что Мятлеву она очень даже понравилась.

— Чего ж не понравиться, — усмехнулся Фёст, вольготно раскинувшись в одиночку на широком сиденье, расположенном в передней части салона, спиной по ходу движения. Не совсем удобно, но такие уж здесь вкусы — планировка современного автомобиля повторяет схему старых экипажей. Зато девушки устроились просторно, с полным комфортом — ноги вытянуть можно, от встречного ветра спереди защищает водительская кабина, с боков и сзади — сложенный тент. Между сиденьями — откидной столик с пепельницей, мини-баром,

холодильником для воды и соков. Недешёвое удовольствие — нанимать такие таксомоторы, не по километражу, а «на время», но уж чего-чего, а денег Фёст с Секондом не считали, в их распоряжении имелись суммы, ради которых целая толпа олигархов «пошла бы на любое преступление даже под страхом виселицы», как написано у Маркса.

— Ему, конечно, понравилось. Нашими руками завтра власть себе вернёт, с врагами и соперниками рассчитается, после чего тепло поблагодарит за помощь и пойдёт на... Тебя, может, и не пошлёт, — издевательски поклонился Герте, прижав ладонь к сердцу, — а нас — очень даже. Чтобы «начать отношения с чистого листа». Как считаешь? — обратился он к Людмиле. — Или ты тоже обеими руками — «за»?

— Ну, я не знаю, — смутилась Вяземская, — поначалу мне показалось — правильно Герта предлагает. Мы же ведь за них воевать согласились? И я с Журналистом, и вы все потом на даче у Президента... — Она как-то растерянно посмотрела сначала на подругу, потом на Фёста. — А сейчас ты сказал, и я по-другому посмотрела...

— Неужели до вас сразу не дошло, в чём смысл всех наших «подвигов»? — тоном учителя, уставшего вколачивать в головы туповатых школьников какую-нибудь математическую теорему. — А Секонд должен был просветить...

— Это он Уварова с его Настей, может, и просветил, — резковато ответила Герта, поняв, что не просто так Фёст говорит, знает, о чём и почему. А ему после боя на истринской даче она инстинктивно доверяла больше, чем своему непосредственному начальству. Уварова же с Анастасией она приплекла просто так, от досады, невзначай проявив скры-

тый комплекс. Сама она на Уварова никаких видов не имела, но ощущала какое-то раздражение оттого, что Вельяминова, во всём остальном весьма резкая девушка, слишком часто смотрит на подполковника взглядом... В общем, слишком уж откровенно смотрит, добро бы — только за пределами части и служебного времени. Людмила на Фёста, впрочем, тоже. Но здесь всё совсем иначе. После того, как Герта спасла командира, она испытывала к Ляхову-первому несколько своеобразное чувство и, в общем-то, радовалась, что отдала человека, получившего от неё «вторую жизнь», в хорошие руки¹.

— Значит, не счёл важным с вами эту тему поднимать. Да и с Уваровым, скорее всего, тоже не беседовал. Придётся мне. Вы девушки служивые, вам нравственных категорий касаться не по чину, и волновать они вас не должны, тем более, если совсем не вашего мира касаются. Это мне рефлексировать полагалось бы, с общеморальной точки зрения глядя...

Фёст закурил, что всегда делал, когда принимался философствовать или кого-то в чём-то убеждать. Наверное, у Удолина научился, тот даже лекции в университете читал с зажатой в пальцах дымящейся папиросой.

— Державе, которой вы служите, совершенно не интересно, чтобы вы своими силами или с дополнительной помощью помогли властям РФ *самостоятельно* справиться с мятежом. И мне, хотя и тамошнему уроженцу, это тоже не нужно. Подумайте сами — зачем нам восстановление и консер-

¹ В некоторых восточных культурах спаситель несёт за спасённого пожизненную ответственность, если сделал это без его просьбы. Если просьба имела место, получает некоторое вознаграждение — и свободен.

вация имеющегося государственного устройства? Оно хоть и лучше всего, что предыдущие несколько столетий существовало, но уж если начало сыпаться — и бог с ним. Мертвецов обратно с кладбища не носят. Если появился шанс — так надо его использовать с максимальной пользой. Для того и придуман «Мальтийский крест», который ваш господин полковник курирует. Сами подумайте — ну, искореним мы завтра верхушечный заговор, виновников к стенке поставим, всю полноту власти милейшему нашему Президенту и заодно господину Мятлеву на блюдечке с голубой каёмочкой вернём. И что? Думаете, они хоть какие-то уроки извлекут? Крайне сомневаюсь. Даже такой перекладки руля, как после ГКЧП в девяносто первом, не произойдёт. А зачем? И так всё снова хорошо. Крупный бизнес — при своих, чиновники — тем более. Для тех, кто выживет, — даже лучше, вакансий много откроется. А я, можете смеяться, но — идеалист. И хочу, чтобы Россия раз и навсегда таким государством стала, чтобы я им непрерывно и круглосуточно гордился. Вот как вы своим. А для этого нужно, чтобы нынешний господин президент (поскольку лучшего сейчас на примете не имеется), из последних сил, кровью, пардон, харкая, из этой заварушки выбрался, как ваша Россия в девятнадцатом году из Гражданской войны. Тогда, глядишь, поймёт кое-что...

— А не поймёт? — с острым любопытством спросила Герта.

— Тогда пожалеем его и перейдём к следующему пункту нашего плана. Второй Керенский и второй Горбачёв России ни к чему. И тех выше крыши хватило. Уж лучше Корнилов Лавр Георгиевич.

ГЛАВА ВТОРАЯ

То ли волею неких высших по отношению к человечеству и всему историческому процессу сил, то ли из-за сцепления обыкновенных случайностей (которые, по Энгельсу, есть всего лишь «непознанные закономерности») в Замке, в кабинете Арчибалда и прилегающих помещениях, этой ночью собралось множество очень разных людей. Занимавшиеся своими делами и потому не слишком ориентирующиеся во вновь переменившейся обстановке Басманов и Сильвия, Уваров и Анастасия, Катранджи и Кристина, Удолин. Вторую группу образовывали обретшие новый опыт и даже новое самощущение Мария, Марина, Инга, сумевшие самостоятельно или с чьей-то благожелательной (или просто весьма прагматичной) помощью обуздать ставшего вдруг совершенно зомбиобразным Арчибалда. И третья компания — не имеющие никакого отношения к эзотерике, межвременным перемещениям и играм реальностями, отчего и совсем ничего не понимающие Юрий Бекетов, Николай Карташов, три брата Кузнецовых — Егор, Ваня и Саня, да ещё восемь человек вообще статистов — пошедшие с отставным штабс-капитаном на штурм крыйт-камеры крейсера «Гренвилл» безымянные волонтеры. Подобие футурошока они, безусловно испытали, но шок этот был скорее приятный. Любой почти вариант гарантированной жизни заведомо лучше перспективы близкой смерти. Так что едва ли права Долорес Ибаррури со своим: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». С колен так или иначе можно подняться, а из могилы — едва ли.

Вот и здесь — из душных, пахнущих краской, ржавчиной, затхлой трюмной водой отсеков, где

вот-вот предстояло принять неравный бой с экипажем целого крейсера, поставившие жизнь на последнюю карту люди каким-то пока необъяснённым образом перенеслись в просторное, светлое, наполненное заманчивыми запахами помещение сказочной красоты.

Скандинавской мифологией никто из спасённых не увлекался, поэтому нескольких, разных, но одинаково прекрасных, явно дружелюбно настроенных девушек вызвали ассоциацию скорее с гуриями из мусульманского рая, нежели с теми, кем они были на самом деле — валькириями. Правильность последнего тезиса подтверждал и огромный круглый стол, накрытый, как, наверное, в царском дворце для пасхального разговения¹, и за спинками стульев стояли готовые к услугам самые настоящие лакеи.

«Своим» объяснять суть происшедшего пришлось Маше Варламовой, вдруг ставшей моральной предводительницей их независимой троицы, а за счёт успешного освоения пока недоступных другим тайн блок-универсала получившей преимущество и над всеми остальными. В некотором смысле над Сильвией тоже. Если и не за счёт информированности (пределы её знаний оставались девушкам неизвестны), так хотя бы решительности и готовности к неожиданным и «статусом не предусмотренным» действиям.

Они все отошли в дальний угол обеденного зала, так, чтобы их не могли слышать «гости», с которыми теперь неизвестно, что и делать.

¹ Нынешний читатель может получить некоторое впечатление, посмотрев передний и задний форзацы «Книги о вкусной и здоровой пище» 1952 г. издания. Так, по замыслу заказчика книги (И. В. Сталин), должны были питаться все советские трудящиеся.

— Ну-ка, подожди, Мария, — прервала её Сильвия, выслушав больше половины рассказа-доклада. — Хочешь сказать, что просто так взяла и догадалась, как использовать кодовые клавиши? Непонятно. Какие-то вы слишком умные стали. Сначала Анастасия со своим блоком чудеса начала вытворять, теперь ты... А ведь я уже говорила — система управления блок-универсалом активируется только в пределах уровня компетенции владельца. Мало того, что тыкай ты наугад пальцами в кнопки хоть тысячу лет — случайно необходимую именно в данный момент команду не наберёшь. Так даже и случись такая немыслимая флюктуация — блокировка сработает. Не положено — значит, не положено.

— Это мы всё знаем, Сильвия Артуровна, — дерзко ответила Мария, — только вот такая штука, я от нечего делать придумала, как полную таблицу кодов управления блоком открыть...

— Что-о??? — Сильвия была поражена не меньше, чем какой-нибудь Парацельс, на глазах которого нерадивый ученик вдруг взял да и синтезировал из подручных реактивов философский камень.

— Полную таблицу? Её даже я ни разу не видела...

— Места знать надо, — с усмешкой лёгкого превосходства вставила Марина и при этом из-под ресниц просила хитрый взгляд не на Сильвию, а на Басманова.

— Беда в том, — продолжала Маша как ни в чём не бывало, — я агтрианского языка почти не знаю. Так что расшифровала кое-что и кое-как... Правда, и этого хватило.

— Да откуда ты хоть что-то знаешь, такая умная... — снова удивилась-возмутилась Сильвия. Она себя сейчас чувствовала крайне дискомфортно. Сколько служит, а за полтораста лет не узнала того, что эти девчонки за какие-то полгода-год «человеческого» существования. Да и с Арчибальдом! Разыскивала ноутбук с записями Скуратова, сидела, формулы перехвата каналов управления от Замка к роботу выводила, все силы собрала для решающего боя, а тут — на тебе! Враг повержен без твоего участия, причём примитивнейшим образом — нажатием пары кнопок на таком же «портсигаре», что сама она с девятнадцатого века при себе носит... Ощущение куда хуже того, что испытывает человек, с разбега ударивший плечом в отпертую дверь!

— Я не умная, Сильвия Артуровна, я сообразительная. Вспомнила всё, что при мне Лихарев говорил и делал, не считая нужным скрывать свои упражнения и прятать рабочий дневник от «дурочки недоделанной», а оно вдруг и пригодилось.

— И Лихарев многое из того, до чего ты «додумалась», знать не мог. Не должен был. Он на целых два ранга ниже меня...

Сильвия оборвала фразу, нахмурилась, тяжело вздохнула.

— Что-то не то последние годы у нас на Таорэре творилось. Отстала я за сотню лет. И Дайяна мне ничего не сообщала о «новых веяниях». Или это опять последствия «несоблюдения ритуала похорон»?¹ Ну, ладно, хрен с ним, как говорится. Зна-

¹ Сильвия вспоминает конфуцианское умозаключение: «Этот полководец проиграл так много сражений оттого, что не был должным образом соблюден ритуал его похорон». Имея в виду фактор воздействия «информационной бомбы» на предшествующие события (см. роман «Одиссей покидает Итаку»).

чит, сейчас ты на уровне как минимум Дайяны с блоком работать можешь. Не знаю, чем это всё закончится, но пока спасибо тебе. В ближайшее время нам всем очень кисло бы пришлось. *Моя бывшая* система была, конечно, совсем не идеальная, но всё же сумасшедшие железки властелинами мира себя не объявляли...

— Это вы, Сильвия, правильно сказали, — поддержал её Удолин. — Самая лучшая магия иногда бессильна против обыкновенной ручной гранаты.

— Значит, нечего где попало гранаты разбрасывать, — жёстко сказал Басманов. — С этим делом у Андрея Дмитриевича и Александра Ивановича куда больше порядка было, а без них подраспустились...

Возразить полковнику никто не взялся, да и что возразишь? Только Марина в очередной раз подумала, что не ошиблась, обратив внимание на Михаила Фёдоровича. Вот таким и должен быть настоящий мужчина, боевой офицер. В сравнении с ним и Уваров, и даже Ляхов выглядят не так, чтобы очень...

— Это замечание меня касается? — с ангельской улыбочкой осведомилась аггрианка.

— Нет, это я порядке напоминания об основных принципах техники безопасности, — ответил ей Басманов.

— Может быть, оставим эту тему до следующего раза, — спросил Уваров, вообще ничего не понявший в предмете разговора ещё более высокопоставленной, чем он понял вчера, дамы с его подчинёнными. При этом он смотрел на возбуждённо о чём-то дискутирующих «гостей», так и не решающихся без команды сесть за стол, несмотря на страстное желание добраться наконец до крайне заманчивых бутылок и иных сосудов. — Меня куда

больше интересует, что нам делать с этой публикой...

— Что делать? Для начала побеседуй с их старшими, по отдельности. Их, как я понимаю, двое, вон тот и тот, — указала Сильвия рукой. — Намного образованнее других выглядят, да и держатся с достоинством, почти совсем не растерялись. Вон тот, древнеславянский типаж, наверняка офицер. С одним ты, с другим пусть Анастасия с Марией. Их же учили экспресс-допросам в полевых условиях. А мы пока тоже посоветуемся, подумаем, — сказала она, имея в виду себя, Басманова и Удолина. Остальные оказывались как бы вообще ни при чём. Хотя напрямую этого сказано не было, Ибрагим догадался (прирождённый лидер мирового уровня всё же), и почувствовал себя задетым.

— Что тут советоваться, я уже знаю, как быть, — деловым тоном сообщил он, с какой-то восточной насмешкой глядя на леди Спенсер.

«Интересное дело, у них тут с этим турком какие-то свои счёты, — подумал полковник Басманов, — Но меня они не касаются. Для меня сейчас Катранджи — официальное лицо, а Си — просто заехавшая в гости знакомая. Пусть меня в свои разборки не втягивают».

— Я тоже с гостями побеседую. Интересно, что там и как у них случилось... — сказал он.

— Хорошо, — не стала спорить Сильвия. — Занимайтесь. Тогда мы с Константином Васильевичем и Ибрагимом Рифатовичем сосредоточимся на нашем милом хозяине. Вся сложность в том, чтобы лишить его всяческих намёков на «свободу воли» и желания реванша, но сохранить в целостности структуру личности, оперативную память и, так сказать, интеллект.

Совершенно случайно получилось так, что один из двух «предводителей», именно тот, кого Сильвия назвала «древнеславянским» и с которым Маша переглянулась, ощутив памятный по первой и последней встрече с Александром Ивановичем укол в сердце (наверное, тоже одна из составляющих его «подарка»), достался для допроса ей и Уварову, а второй — Анастасии и Басманову. Прочим Михаил Фёдорович, в котором все «гости» мгновенно почувствовали «настоящего» начальника, предложил рассаживаться, наконец, выпивать, закусывать, вообще чувствовать себя «в увольнении».

— Но чтоб не упиваться, а то сразу вернётесь, откуда пришли, — завершил свои слова Михаил ровным, даже несколько рассеянным тоном, но каждый сразу понял, что так и будет. Сделает и не поморщится.

— Ты — за старшего будешь, — указал он пальцем на Егора Кузнецова, привычно угадав в нём и неформального лидера, и бывшего унтера. Послужив с его, ещё в «старой армии», любой толковый офицер этому бы научился.

На флоте нынешней Российской Державы, как и в армии, офицеры обязаны были обращаться к нижним чинам на «вы», но «у себя» Басманов с младшей роты кадетского корпуса привык к другому, оттого это «ты» прозвучало для Егора вполне естественно и протеста не вызвало.

— Есть, господин ...?

— Полковник. Вольно. Отдыхайте...

Юрий Бекетов, когда к нему подошла давешняя девушка в коротких шортах, на всю длину открывающих до чрезвычайности изящные ноги, и в жел-

товато-зелёной рубашке навывпуск, непроизвольно сглотнул слюну. Одно дело — таких красавиц и в обычной жизни не каждому за всю жизнь удаётся встретить, а другое — обстоятельства, при которых эта встреча произошла. Лежать бы ему сейчас под куском брезента с простреленной головой. А он в дворцовом банкетном зале с ноги на ногу переминается, испытывая непреодолимое желание как следует угоститься, да вдобавок и на натянутую на высокой девичьей груди рубашку пялится. А девушка такая, что прямо вот сейчас пошёл бы за ней, как бычок на верёвочке, не спрашивая, куда и зачем.

— Назовите себя, — мягким, деликатным, но исключаяющим всякие сомнения в её полном праве задавать любые вопросы голосом сказала красавица. — Имя, фамилию, воинское звание, если есть...

Юрий назвал свой подлинный чин штабс-капитана морской пехоты ТФ, хотя все, кроме Карташова, знали его как бывшего фельдфебеля. Нестыковка может выйти. Да вон, у Егора уже лицо вытянулось и глаза округлились. Но сказать неправду этой девушке не получилось, да и незачем.

Правда, подумал при этом: «Как военнопленного спрашивает. Ещё номер части потребует назвать и личный номер...»

— Ну, пойдёмте, поговорим...

Высокий загорелый парень, года на два постарше Бекетова, представился подполковником Уваровым, а девица — подпоручиком Варламовой, чем немало Бекетова удивила. Менее всего эта красотка, которой бы на дальновидении дикторшей работать или в театре-варьете выступать, походила на строевого офицера. Хотя — почему строевого? Такая «нимфа» (явно ошибся Юрий с определением)

и непыльную штабную работу себе найдёт, благоволение начальства любого уровня ей обеспечено. Ещё и передерутся господа штаб-офицеры и генералы.

Коротко, но чётко Бекетов изложил свою историю, от момента увольнения с флота и вплоть до последних секунд пребывания на крейсере.

Похоже, подполковника его рассказ не столько удивил, как расстроил.

— Надо же, стоило на три дня отлучиться, а там опять большой войной запахло. Везёт нам, Маша...

— Да что вы, войной уже целый год пахнет, как будто сами не знаете, — вроде бы искренне удивилась Варламова.

— Запахи, моя дорогая, разные бывают. Иногда «Шанелью», тоненько так, а иногда дерьмом, прошу прощения, во всю силу потянет...

Юрий до сих пор не понимал, где они находятся, кто эти люди и каким образом он сам с товарищами перенёсся неведомо куда из корабельного отсека. Но приобретённая за время службы привычка не задумываться о посторонних вопросах, пока не выполнена ближайшая задача, помогала сохранять душевное равновесие и даже некоторый кураж. Уваров это заметил и оценил.

— Отвага морпехов всем давно известна, — сказал он с необидной усмешкой, — только ведь у вас думать не принято. Начальство указало, где высаживаться, начальство и заберёт, если будет кого. А вам главное — ура, вперёд, за берег зацепиться...

— А вы-то сами из каких будете? — напрягся Юрий, готовясь дать отпор. Будет ещё неизвестно кто морпехам отметки выставлять.

— Мы, братец, из таких, что ты, может, и не слышал. Спецназ разведуправления гвардии «Печенег». Не в обиду будь сказано, мы бы вот с Машей да с Настей втроём весь комсостав крейсера повязали, и ни одна сволочь вякнуть бы не успела...

— Про вашу службу я кое-что слышал, — осторожно сказал Юрий. — Может, и сказки, поскольку вас официально как бы вообще не существует. Ну, вот взяли бы и показали, как у вас дела делаются... Кстати, мы вообще где и что в натуре приключилось? Знаешь, больше всего это на съёмки кино похоже, только артистам об этом сказать забыли. А так всё один в один: декорации, злодеи, невозможные красоты и всё такое...

— Так это ещё Шекспир сказал: «Мир театр, и люди в нём актёры». Или не Шекспир? Не суть важно. Объяснения, где мы, отчего и для чего, займут гораздо больше времени, чем практическое решение наших проблем, — сообщил, усмехаясь, Уваров. — А вот насчёт показать... Идея не лишена, как думаешь, Маша?

Маша в это время была занята не только непосредственным делом, то есть фиксацией мимической и прочей моторики «объекта» на предмет определения степени его откровенности и наблюдением за наличием или отсутствием в словах Бекетова явных и скрытых противоречий. С этим пока всё было в порядке. Но она ещё и пыталась сообразить, что есть в этом парне такого, что сразу привлекло её внимание, выделило из группы достаточно разгорячённых и возбуждённых людей. Это всегда необъяснимо, но обычно и мужчины, и женщины в течение нескольких секунд если не определяют, то ощущают, имеет ли предстоящее знакомство

перспективы. Именно *определённые*, потому что в девяносто девяти с десятыми долями процентах люди, начиная и поддерживая деловые, дружеские или какие-то ещё отношения, заведомо знают, что с этим партнёром *того самого* не будет. Возможна связь, даже длительная, возможен «брак по расчёту», нередко — удачный, но всё это — совершенно не то. Только в тех самых десятых долях процента случаев получается, и двое догадываются, что могут быть вместе не для каких-то банальных, отчего-то считающихся важными и необходимыми дел, а просто так. Потому что больше никто другой не скажет: «Мы — вдвоём, спина к спине против всего мира», и «До тех пор, пока смерть не разлучит нас».

Мария пока не поняла, относится ли отставной штабс-капитан к категории «её» мужчин, но то, что никто из тех, с кем сводила валькирию здешняя жизнь, не вызывал самой необходимости подобных размышлений, — это факт. «Медицинский факт», как говорил главный герой недавно прочитанной ею книги.

...Обстановка складывалась так, что вполне можно было бы завершить незаконченную Бекетовым и его командой акцию. Причём Басманов исходил из того, что если помочь людям можно, то и нужно, вполне резонно заметив, что никаких нежелательных последствий их вмешательство иметь не будет. Они просто помогут ребятам справиться с сопротивлением команды крейсера, после чего уйдут, позволив событиям развиваться естественным образом.

Уваров, полностью принадлежа только собственному миру, считал, что они просто обязаны сделать

всё возможное для захвата крейсера и передачи его в руки Российского флота. Исходя из политических, военных и научных соображений. Одно только изучение установленного на нём неизвестного оборудования может серьёзно изменить общее соотношение сил в нашу пользу.

Тут же было решено, что всю честь захвата крейсера нужно предоставить Бекетову и его команде. Тут и ордена воспоследуют, и всякие другие блага (пленение корабля такого класса, со всем экипажем — крайне редкое событие в морской истории и, несомненно, будет отмечено достойным образом). А факт вмешательства со стороны, напротив, нужно тщательно замаскировать. Не столько от своих, как от вероятного противника и его союзников. Так что Юрию следует доходчиво объяснить свои компаньонам, что первая же попытка рассказать командованию эскадры, вообще кому бы то ни было, «как всё происходило на самом деле», не приведёт ни к чему, кроме как к длительному разбирательству и, возможно, закончится для «героев» не триумфом, а психиатрической клиникой.

Был ещё один вопрос, чисто практический, обращённый Басмановым к Сильвии: «Вы сумеете, не выпуская это чучело из-под контроля, заставить его всех нас переместить на крейсер и после завершения операции беспрепятственно вернуть обратно?» Под «вы» он имел в виду её саму и Марию, девушку, в одиночку победившую Арчибальда.

— Надеюсь, что смогу, — без иронии в голосе ответила леди Спенсер. — Мы с ним уже практически обо всём договорились. Он, как мне кажется, в обмен на сохранение за ним большей части «человеческих качеств, возможностей и способностей» в

сферах, не соприкасающихся с нашими интересами, готов продолжить службу в прежней роли «материализованного духа Замка». Обеспечивать его функционирование, исполнять наши желания, вообще делать всё, что при Антоне входило в обязанности нематериальной субстанции, лишённой физического облика.

— Неужели ты готова так просто поверить? — почти ужаснулся Басманов. Ему, человеку, рождённому в позапрошлом веке, удалось, почти без потерь нравственного характера и сохранив душевное здоровье, вписаться в реалии века двадцать первого, он, пожалуй, и в 2056 году, в реальности Ростокина, сумел бы адаптироваться, но признать «договороспособность» механического устройства, только что чуть не уничтожившего их всех и, вдобавок, едва не ввергшего мир в очередную глобальную войну... Это было чересчур! Он и «перевоспитавшемуся» вдруг врагу-человеку поостерёгся бы верить, а тут...

Сильвия поняла его настроение.

— Не бойся, Михаил. В том и дело, что Арчибальд — не человек. Просто Антон не предусмотрел возможности такой вот *персонализации* управляющих структур Замка. Он в своё время дал ему понять, что готов выполнить приказ своего «центра» о ликвидации земной базы и тем самым прекратить функционирования этого псевдомыслящего артефакта. Замку, «привыкшему» существовать на Земле именно в данном качестве и заниматься тем, чем он занимался тысячу лет, а, возможно, и гораздо больше, эта перспектива не понравилась. И он начал меняться так, чтобы своей ликвидации не допустить. Тут вдруг случилась история с отстранением и арестом Антона. Наверняка были предприня-

ты силовые попытки извне разделаться и с Замком. Ну, тому не осталось ничего другого, как с нашей помощью вообще прервать связь со своими «Ста мирами». Благо у него уже имелся опыт, так сказать, *экстирпации*¹ целой галактической цивилизации «аггров» из подконтрольной ему реальности. Сделать-то он сделал, что намеревался, но без Антона его функционирование пошло *как-то не так*. Вот Замок и создал из самого себя собственное воплощение, *нераздельное, но неслиянное*, вроде как Бог-отец взял, да и придумал себе воплощение в Боге-сыне, заодно предусмотрев и вариант автономного существования «Святого Духа». Смысла вроде никакого, но новые ипостаси расширяют *горизонт возможностей* для якобы и без того всемогущего существа, повышают его *боевую устойчивость*. Доходчиво?

Сильвия обращалась непосредственно к Басманову, Удолин стоял рядом и посмеивался, прикрывая рот согнутой ладонью. У него, кажется, были какие-то собственные соображения на эту тему.

— Вполне доходчиво, — вежливо кивнул полковник, не став обращать внимание дамы на элементы кощунства в её рассуждении.

— Теперь я поняла и знаю, как позволить Арчибальду существовать почти в прежнем качестве и исключить с его стороны всякую самостоятельность. Не зря мы с тобой потрудились...

Басманову, воспитанному в строгих правилах и до сих пор не избавившемуся от некоторых *архетипических стереотипов*, показалось, что фраза прозвучала несколько двусмысленно. Он машиналь-

¹ *Экстирпация* — удаление, вырывание, даже — выдирание чего-либо (лат.).

но поморщился. Сильвия это заметила и в ответ улыбнулась самым невинным образом. Впрочем, кроме них двоих, никто на зацепившую полковника фразу внимания не обратил. Разве что Удолин ощутил небольшое возмущение в контролируемых им сферах.

— Великий теоретик, знаток нечеловеческих логик Скуратов не успел догадаться, как с Замком и его «эффектором» бороться, — продолжила как ни в чём не бывало Сильвия, — а я — придумала. И никакого насилия не требуется, как мы раньше планировали, всё будет тихо и вежливо...

Судя по голосу и мимике леди Си, она сейчас была собой чрезвычайно довольна.

— Да тут, собственно, ничего странного и нет, — подумав, сказал Басманов, — профессора педагогики сотни томов написали насчёт воспитания «гармонической личности», а иной сверхсрочный унтер один раз новобранцу по зубам засветит, в нужный, разумеется, момент, и такой потом солдат получается — любо-дорого смотреть.

— Умеешь ты, Михаил Федорович, комплименты говорить, — она с ещё более милой улыбкой похлопала полковника ладонью по плечу, — а по сути ты прав, конечно. В конце концов, большинство великих открытий сделаны чисто эмпирическим путём, а не по утверждённым планам ТРИЗа¹.

— Причём, что очень интересно, догадались о том, как применить против Арчибальда свой блок-универсал, отчего-то не вы, а эти девушки. Не первый за истекшие сутки раз, прошу отметить, — вме-

¹ ТРИЗ — теория рационализации и изобретательства, разработана в 60-е годы XX века Г. Альтшуллером (он же советский писатель-фантаст Альтов).

шался Удолин, — из чего следует, что не в вашей вообще технике дело. Просто кому-то потребовалось, чтобы в нашей истории именно эти прелестные создания сыграли главную роль, для чего он и наделил их соответствующими дарованиями. В противном случае...

— Не хочу с вами спорить, Константин, только скажу — у меня на генетическом уровне существуют крайне мощные предохранители — то-то и то-то я не имею права делать ни при каких обстоятельствах, а девчонки этих предохранителей не получили. Дайяна ли тут виновата или Лихарев — не знаю, и разбираться сейчас не имею никакого желания. У нас есть дела практические и неотложные... — ответила Сильвия резче, чем имела обыкновение говорить со старшими рыцарями Братства.

— Не имею никаких возражений, только не упускайте из внимания, что ваши «предохранители» один может поставить, а другой — снять. Вот в чём все дело, а «техника» сама по себе — тьфу! — по привычке оставил за собой последнее слово некромант.

И Сильвии вдруг всё стало понятно. Профессор будто убрал пелену, не с глаз, а с мыслей. «Один — поставить, другой — снять!» Вот в чём дело. Она как-то в своё время совершенно не придавала значения словам Наталии Воронцовой о том, что три девушки из семи успели близко пообщаться с Шульгиным, Новиковым и Левашовым. А уж те, точнее — Александр с Андреем, вполне могли наградить «недоделок» подобными способностями. В собственных целях, естественно, и только при условии, что почувствовали в случайных партнёрах эти самые, *латентные* тогда способности. Крайне

опрометчивый, на её взгляд, шаг, но разве можно противиться воле «кандидатов в Держатели Мира»? Она лично один раз попробовала — того урока до сих пор хватило¹.

— Ну а как всё же работать будем? — спросил Басманов, чтобы прекратить не совсем ему понятный и явно неуместный спор между представителями двух противоположных «философских систем».

— Можно, конечно, прямо отсюда нейтрализовать, парализовать и вообще сделать что угодно с экипажем крейсера. Русская эскадра подойдёт и захватит корабль, с командой в семьсот идиотов и двести неизвестно как оказавшихся на нём русскоязычных штатских (тоже в состоянии *острой инфекционной деменции*²). Но выглядеть это будет крайне... неубедительно, — Сильвия вопросительно посмотрела на Михаила, словно действительно была обычной женщиной, ждущей ответа и решения от куда больше понимающего в таких делах военного мужчины.

Басманов принял игру. Он окончательно решил напроочь забыть то, что на шестой год знакомства спонтанно случилось между ним и агтрианкой (пусть и оставило самые яркие и глубокие впечатления) и отныне держать себя с ней не иначе как с женой хорошего друга и старшего товарища.

— Совершенно верно, миледи. Поэтому, если Арчибальд или ты организуешь нам возвращение туда, — он махнул рукой в сторону кабинета с «разрезным макетом крейсера в натуральную ве-

¹ См. роман «Бульдоги под ковром».

² Пародийное выражение, поскольку деменция, то есть слабоумие, чаще всего старческое, ни острым, ни заразным не бывает.

личину», — в тот самый момент и тот отсек, где находились наши гости, мы сумеем несколько удивить гордых бриттов...

— Конечно, сделаем. Дальше?

— Дальше я, Уваров, девушки и гости немного там побезобразничаем. Чтобы бритты не вздумали в приступе исторического героизма взорвать крейсер, к примеру, или избавиться от аппаратуры и лишних свидетелей...

— А зачем тебе «гостей» с собой брать?

— В качестве проводников, консультантов и для убедительности, само собой. Пусть как следует постреляют, пропахнут порохом, в нужное боевое настроение придут. Тогда им и врать не придётся, что это они всё сами учинили. Через неделю так в свои подвиги уверуют — хоть на детекторе лжи проверяй. А мы вроде как на подхвате побудем. Опять же — отработка легенды на местности. Когда за них дознаватели возьмутся — не растеряются, сумеют рассказать и показать, где кто стоял и что делал...

— Неплохо бы, для той же убедительности, чтобы у них хоть какие потери были, а то уж слишком театрально выйдет... — вполне серьёзно сказала Сильвия и на негодующий взгляд Басманова, едва не успевшего достойно ответить, что он по поводу таких идей думает, спокойно продолжила: — Ты, может, не в курсе, но в самом начале Второй мировой, когда немцы уже доколачивали французов, маршал Петэн приказал бросить во встречный бой совершенно неподготовленную танковую бригаду. На недоумённый, как у тебя сейчас, вопрос де Голля, тогда комдива, ответил: «Не может же Франция всю войну нести потери только пленными!» Вот и в

нашем случае подобная ситуация, хотя и с обратным знаком. Ну кто поверит, что десяток, даже сотня, штатских захватили боевой корабль без единой потери...

— Можешь сама этим и заняться, — скривил губы полковник. — Прикинь, сколько покойников создадут достаточную убедительность — и действуй...

— Не передёргивай, *Миша*, — жёстко ответила Сильвия, — а то я подумаю, что у тебя нервы не в порядке. Главное, ты сам с девочками под пули не подставляйся, а остальное пусть будет, как будет. Или вообще бросаем эту затею... Тогда уж точно всё будет исключительно по *высшей справедливости*.

— Ладно, оставим, — махнул рукой Басманов, подумав, что действительно нахватался последнее время всяких *либеральных идей* вроде тех, что всё чаще звучат в Югоросской прессе: «Права личности выше интересов государства» и в том же духе. А ведь сам шесть лет подряд не стеснялся людей и в разведку боем посылать, и в прикрытиях на верную смерть оставлять, вообще убивал без счёта, и немцев, и австрийцев, и своих, русских, — всё равно ему было, кто «в то время» в поле зрения бинокля попадался, когда он батареею на огневые позиции выводил. И после той войны — тоже. Чего уж теперь? Правда, на настоящей войне всё звучит и выглядит не столь цинично.

— Ладно. Действительно, кому что на роду написано... А ты отсюда наблюдай и в соответствии убедительную для флотских командиров и тамошних контрразведчиков легенду конструируй. Чтобы все подозрительные прорехи в легенде, какие в от-

ветах наших подопечных на допросах непременно выплывут, превентивно заткнуть. Тут всё учесть придётся — кто за кем бежал, кто куда стрелял и из чего. Ладно, я уже кое-что придумал, потом помогу...

Он махнул рукой Уварову, приглашая его к себе, вместе с Марией и допрашиваемым.

— Ну, как у вас отношения складываются? — спросил Басманов Валерия.

— Да нормально складываются, обстановка в общем и целом понятна, рассказанное штабс-капитаном Бекетовым вопросов не вызывает.

— Это хорошо. Но слова словами... Как вы, господин капитан, к делу относитесь? Начатое обычно следует доводить до конца... — обратился он к Бекетову, излишне напряжённому, на его взгляд.

— То есть вы хотите сказать — обратно туда? — не дрогнув лицом, спросил Юрий. — Оружие приличное дадите — пойдём.

— С оружием проблем никаких. Только ведь из ваших, кроме унтера Кузнецова, военных людей нет? Как же вы их на убой вести собираетесь? Я вам предоставляю что угодно, вплоть до ручных огнемётов, а кто ими пользоваться будет? Вы чем последнее время командовали?

— Ротой.

— Ну, значит, должны понимать. На такие дела и из кадровой роты не каждого возьмёшь, так?

— Правильно говорите, а что делать? Если суметь дверь без шума открыть, штук пять гранат в отсек закинуть, так дальше справимся...

— Ну-ну, — с сомнением сказал Уваров. У него тоже имелся весьма солидный опыт, в том числе и с бросанием гранат куда придётся. Эти гранаты ему

надолго запомнятся¹. — Я бы не проявлял такой самонадеянности. Тебе-то воевать приходилось?

— Да нет, бог миловал. Я только на своём театре служил. У нас японцы после восемнадцатого года ни разу не высаживались и с китайцами без моего участия в «Харбинском инциденте» управились.

— Тысяча девятьсот? — счёл нужным уточнить Басманов. В его реальности японцы тоже заняли российский Дальний Восток в апреле этого года. Значит, до этого момента реальность и с этими парнями у них точно общая, не какая-нибудь четвёртая или пятая.

— А какого же ещё?

— Да много в истории восемнадцатых годов было, — с неопределённой усмешкой сказал Басманов.

Бекетов не понял командирской иронии, не до тонкостей сейчас было. Но вообще, нутром и костным мозгом Юрий ощущал, что этот полковник — какой-то не такой. Вроде всё на месте, и по-русски говорит правильно, видно, что офицер, причём боевой, с огромным опытом, а в то же время странная от него исходила аура. В этом смысле подполковник Уваров был чист и прозрачен до донышка. Спецназ — он и есть спецназ, но — свой, и обращаться Бекетову было куда проще и удобнее к нему, чем к Басманову.

— Ну, когда-то начинать всё равно придётся, — с оптимизмом сказал Уваров. Оружие мы вам попробуем найти. Стрелять и гранаты бросать будете не когда захочется, а когда прикажу. Девушки, имей в виду, тоже все офицеры, и их команды столь же обязательны, как мои. Всё правильно сде-

¹ См. роман «Дальше фронта».

лаете — ещё поживёте и дырки для орденов вертеть будете. В случае самодеятельности — не гарантирую. Доходчиво?

— Так точно, господин полковник, — щёлкнул каблукми и вытянулся Юрий.

— Тогда построй свою братию, инструктаж проведу. Ты, Варламова, забирай весь личный состав, бегом переодеться, и в полной боевой — сюда. Господину капитану и его гвардии тоже чего-нибудь подберите...

— Так я не знаю, господин полковник. У нас лишнего ничего нет, разве свои пистолеты можем отдать, и гранат штуки по три. Остальное — наше штатное. Разве у лётчиков забрать?

Уваров впал в задумчивость, о том, что оружия может не хватить, совсем не подумал. Да и у него самого, кроме служебного «Воеводина», ничего. Положился на слова Ляхова, что всю охрану возьмут на себя люди Басманова. Девушек по привычке заставил прихватить с собой полный полевой комплект снаряжения, а сам отправился налегке, в летней полевой форме да с «тревожным чемоданчиком». А теперь вот — проблема.

— Вот это как раз не вопрос, — вмешался Басманов. — С оружием в Замке полный порядок. Вы что из стрелкового предпочитаете, капитан? — обратился он к Бекетову.

— Честно говоря — пулемёт РПД...¹ Но в отсеках с ним поворачиваться сложно. Так что устроит хоть ППД, хоть ППС. В наших условиях лучше ППД с круглым диском. Если возможно, конечно.

¹ РПД — ротный пулемёт Дегтярёва, образца 1955 г., калибр 7,62, конструктивно напоминает пулемёт РП-46 нашей реальности.

★ Гранаты любые, но побольше. Предпочитаю ФК¹. Ну, а пистолеты у нас есть свои. В предстоящем бою вряд ли пригодятся. Так, на крайний случай...

— Молодцом, капитан, чувствую профессионала. Сильвия Артуровна, прикажите нашему «домоправителю», пусть найдёт и принесёт три ППД, шесть полных дисков и полсотни гранат указанной системы. Ещё — одиннадцать ППС и по четыре магазина, — попросил Басманов агтрианку.

— А почему не всем ППД? — спросил Бекетов.

— Вы со своими орлами хоть одно занятие проводили? Уверены, что хоть кто-то знает, что делать, если в диске утыкание патрона произойдёт? А с ППС любой справится, только покажите, где нажимать спуск и когда отпускать...

— Извините, не подумал, господин полковник.

Сам Басманов тоже собирался «сходить на дело». Повоевать как следует, в роли рядового бойца, а не старшего командира, ему давно хотелось — вспоминалась Гражданская и занятия с инструкторами в школе рейнджеров «имени А. И. Шульгина», да всё никак не получалось. Приходилось больше планировать и осуществлять операции масштаба полк — дивизия, как на недавней англо-бурской войне. А лет-то полковнику всего тридцать три, самый возраст для таких развлечений. Когда-то давным-давно, в двадцать семь, Михаил считал, что четырёх лет Мировой и двух — Гражданской ему хватит на всю оставшуюся жизнь, а вот, оказыва-

¹ Ручная граната ФК-2, аналог всем известной Ф-1, но в керамическом корпусе и с двумя взрывателями, «нормальным» и ударным, мгновенного действия.

ется, не хватило. Так, недавно родившие женщины горячо всем доказывают, что никогда больше таких мучений переживать не собираются, и, главное, сами в это свято верят, а проходит некоторое время — и снова испытывают к этому делу непреодолимую тягу.

Тем более сейчас у полковника появился ещё один важный стимулирующий фактор — Марина. Где и «проявить себя» перед нравящейся девушкой, как не на «короткой, победоносной войне»? Какими они все — подпоручики, корнеты и мичмана «царского выпуска» четырнадцатого года¹ — были бы молодыми героями и завидными женихами, закончись та война «до осеннего листопада», как и планировалось что в Русском, что в Германском Генштабах!²

Сейчас Михаил, выбросив из памяти образ «Сильвии в постели», как и раньше умел забывать свои ничего не значащие короткие, часто одноразовые «связи», смотрел на девушку ясным и честным взором, предполагавшим самые серьёзные намерения.

¹ В предвидении начала Мировой войны специальным царским приказом в июле 1914 г. юнкера старших рот военных училищ, Морского и Пажецкого корпусов были досрочно произведены в офицерские чины без выпускных экзаменов. Басманов, окончивший Михайловское артиллерийское училище третьим по успеваемости и дисциплине, был выпущен в Гвардию.

² Все стороны предстоящей Мировой войны рассчитывали на скоротечную, двух-трёхмесячную маневренную кампанию, отчего и боеприпасов было заготовлено в расчёте на эти сроки и на указанный характер боевых действий. В результате Россия уже к началу пятнадцатого года столкнулась с жесточайшим «патронным и снарядным голодом». Германия тоже, но в меньшей степени, благодаря более развитой военной промышленности.

Он решил в предстоящей схватке всемерно прикрывать Марину, не допуская ни малейшего риска для её драгоценной жизни, и не подозревал, что именно ту же задачу поставила себе валькирия, преклоняющаяся перед боевым опытом и героизмом полковника, но считая, что её подготовка в предстоящем деле больше соответствует обстоятельствам, нежели его фронтовые навыки.

Арчибальда, уже приведённого к нужному знаменателю, поручение нисколько не затруднило, он вышел из зала и вернулся буквально через пять минут в сопровождении трёх слуг, несших автоматы, сумки с дисками и рожковыми магазинами, ящики с гранатами и запалами. А также необходимое количество поясных и плечевых ремней. Жаль, что в мире Уварова ещё не додумались до жилетов-разгрузок и всю амуницию, включающую штыки или ножи, патронташи, лопатки, фляги и пистолетные кобуры носили на «адриановском снаряжении»¹.

Пока мужчины разбирались со своим вооружением и амуницией, девушки бесшумно исчезли и вернулись уже «по полной боевой». Вызвав восхищённое удивление (или удивлённое восхищение) даже у Бекетова, который в принципе имел представление о существовании где-то в столице подобного спецназа. Что уж говорить об остальных! Валькирии и раньше, полуодетые в штатское, выглядели привлекательно, но всё же не очень, не

¹ «Адриановское снаряжение» — по имени русского офицера Адрианова (он же изобрёл армейский компас с делениями лимба в градусах и артиллерийских «тысячных», каску защитную образца 1916 и т.п.) — всем известные по фильмам и картинкам кожаный поясной ремень с двумя портупоями, спереди параллельными, сзади перекрещивающиеся через центральное металлическое кольцо.

принципиально отличались от прочих симпатичных девиц с хорошими фигурами. Сейчас же перед ними предстали именно девы-воительницы, чем-то даже страшные в своей грозной боевой красоте. Не должно быть в природе такого сочетания. Разве что в животном мире, точнее — в мире насекомых, такое встречается — красота форм и раскраски в сочетании с приспособлениями для быстрого и эффективного убийства. Причём беспощадного и одновременно равнодушного. Волк или леопард терзает свою добычу с очевидной яростью, рычанием, азартом, а какая-нибудь ярко раскрашенная паучиха перекусывает жука, муравья, а то и своего недавнего партнёра — паука мужского пола — чисто по Маяковскому, «чувств никаких не изведав».

По крайней мере, что-то подобное подумал Бекетов, когда увидел привлекающую его внимание девушку в изящно подогнанном по фигуре камуфляже, с перетянутой ремнём тонкой талией, при автомате и прочих аксессуарах, рационально пристёгнутых и прицепленных именно там, где нужно и наиболее удобно. И всё это смертоубийственное снаряжение сочеталось с прекрасными волосами и большими бирюзовыми глазами, в которых нельзя было прочесть и намёка, что их владелица через несколько минут будет смотреть через прицел или поверх, стрелять и гарантированно попадать.

Юрий ещё отметил, что у всех пяти девушек глаза были похожи. Величиной, живостью, яркостью и, главное, цветом. У всех — необычным: бирюзовые в голубизну у Марины, сапфирововые у Маши, насыщенно изумрудные у старшей, Анастасии. Так ведь не бывает! А где нормальные — голубые, серые, карие?

Унтер Кузнецов подобными мыслями не заморачивался. Женщины, с его точки зрения, имели одно, всеобъемлющее и конкретное предназначение, а если им ещё и воевать вздумалось — пусть. Посмотрим, что получится. Больше его волновало другое. Он негромко сказал Юрию, которого сейчас стало как-то неудобно называть на «ты», раз они вроде бы возвращаются на службу, а тот — в офицерских чинах:

— Слышь, командир, я-то в автомате не очень. За всю службу три раза в руках держал. Может, пистолетом и гранатами обойдусь?

— Ни хрена, справишься, — легкомысленно махнул рукой Бекетов. — Тут всех делов — стреляй в сторону противника, очередями патронов по пять, не больше, но часто. Счёт выстрелам простой — спуск нажал, быстро про себя «раз» сказал — и отпустил. Как раз те самые пять-шесть и выйдут. Осечку даст — затвор передёрни, и дальше... Да ты не переживай, судя по всему, вся наша забава от силы пару минут займёт, и «мама» сказать не успеешь, то ли мы их, то ли они нас...

Николай Карташов слегка обиделся, что его в штурмовую группу не взяли. Вроде всё вместе делали и всё нормально получалось. Но подумал и решил, что если за дело берутся специалисты — нечего дилетантам соваться. На верфи или в конструкторском бюро его тоже никто из присутствующих заменить не сможет. Он во вторую очередь пойдёт, когда профессиональные знания потребуются. А вот девицы его в отличие от друга Юрия почти не впечатлили. Что в штатских нарядах, что в военных. Приходилось читать и слышать и о красотках-телохранительницах, и о снайпершах — на-

ёмных убийцах, а также и о китайских женских бандах, превосходящих своей жестокостью любого закоренелого садиста из бандитов-рецидивистов.

Что же до их физических статей... Николай относился к тому довольно распространённому (только не все об этом догадываются) типу мужчин, что абсолютно безразличны к так называемой «красоте» или «модельной внешности». Все женщины для них, кроме законченных уродок, примерно одинаковы, как цвета на палитре для дальтоника. Некоторые чем-то выделяются — та борщ вкуснее варит, та в постели изобретательнее, у той выраженные способности к черчению, но и не более. С «красотками» просто мороки больше. А общий набор определяющих признаков и функций у всех примерно одинаковый. «Базовая комплектация». Не зря французы поговорку придумали: «Даже самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет». Оттого, что существуют такие, как Николай, большинство совсем не примечательных девиц и ухитряется не только замуж выходить, но потом и по несколько любовников иметь, а казалось бы...

— Ну, что, готовы? — спросил Басманов. Он, как и Уваров, и Бекетов с Егором, был в нейтрально-штатской одежде походного стиля, то есть при необходимости могли сойти за тех самых «героических волонтёров», даже предстать перед флотским командованием при передаче трофея морякам. Вот валькириям, тем придётся исчезнуть сразу же после завершения «горячей фазы» операции. Видеть их не следует не только англичанам, но и своим тоже. А если кто из британцев невзначай увидит «прекрасное видение», так оно станет воистину последним в его жизни приятным впечатлением.

Четверо мужчин и пять девушек ударной группы были готовы, стояли на краю неразлично узкой щели между паркетом кабинета Арчибальда и палубой крейсера. Ширина щели — несколько километров и одновременно неизвестно сколько тысяч километров и, возможно, десятки, а то и сотни веков. Никто из здесь присутствующих, кроме Сильвии, не выходил за пределы замковых стен хотя бы на те несколько километров, что аггрианка проезжала с Антоном и Шульгиным верхом или на «Виллисе». А там, в окружающих Замок лесах и прериях, был какой угодно год кайнозойской эры, скорее всего — эпохи голоцена¹. Возможно, вообще до заселения Америки прямоходящими гоминоидами. Очень удобное, кстати, место и время для размещения форзейлианской базы. Никто опаснее гризли к стенам Замка не подойдёт. Правда, нашлись в последнее годы *мыслящие существа*, наловчившиеся, вроде блох, запрыгивать и туда, где их присутствие совершенно неуместно.

По кивку Уварова, стоявшего в короткой цепочке десантников первым, Сильвия что-то, по подсказке Арчибальда, переключила на большом настольном пульте.

Шаг — словно из-за кулис на сцену, в окружение фанерных декораций, под влиянием «волшебной силы искусства» преобразующихся в реальность подлиннее настоящей. И вокруг уже только стальные переборки, рифлёный пол под ногами

¹ К а й н о з о й — (греч. — «новая жизнь»), — новейшая эра геологической истории, охватывает и современность. Началась 66 млн лет назад. Г о л о ц е н (греч. — «совсем новый») — послеледниковый период, составляющий последний пока не закончившийся отрезок четверичного (антропогенного) периода.

вместо ковров и навощённого паркета, спёртая сырая духота и вибрация корпуса от работающих турбин.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Уваров на секунду приостановился перед стальным трапом, крутым, почти отвесным, упирающимся в площадку с водонепроницаемой дверью. С левого края — крестообразная задрайка, покрашенная суриком. Пол-оборота — и откроется.

А там — два десятка британских морпехов, специально сюда присланных, предупреждённых о возможности внезапного штурма оружейной комнаты, а точнее выражаясь — корабельного арсенала, крюйт-камеры в терминологии парусного ещё флота. В ней хранится личное оружие всего экипажа крейсера, положенное по штату, плюс средства огневой поддержки для высадки десантов, и масса самых разнообразных боеприпасов. Крейсер ведь автономная боевая машина, предназначенная решать самые разные задачи в любом конце света, от захвата чужих баз и обороны собственных до подавления мятежей туземного населения и организации таковых, если потребуется. И всё — в условиях полной невозможности пополнить запасы или затребовать средства усиления до возвращения в собственный порт.

Но пока «Гренвилл» не подвергся abordажу превосходящими силами с вражеского судна, попытаться захватить арсенал могут лишь несколько внезапно исчезнувших человек из числа завербованных бродяг. Их всего пятеро, если даже вообразить, что к ним присоединились недавние охранники, — максимум восемь. Ничего, кроме пистолетов,

они на борт пронести не могли. И, значит, двадцать человек, хорошо вооружённых и подготовленных, в том числе и к бою внутри корабельных отсеков, справятся с террористами без малейших усилий. Пусть только осмелятся и попробуют появиться поблизости...

Очень хорошая (для его противников) мысль пришла в голову кэптану Эвансу — не заморачиваться, разыскивая беглецов по всему кораблю, а поставить ловушку там, куда они непременно придут, если захотят учинить на борту серьёзные беспорядки. Если не захотят, предпочтут прятаться до берега по «крысиным норам», тем лучше. А морской пехоте всё равно где службу нести.

Но с точки зрения серьёзного специалиста решение предельно глупое, самоубийственное, пожалуй. Собрать в одном изолированном помещении, легко блокируемом извне и исключаящем какую-либо возможность манёвра, практически всех боевых способных солдат, предоставив противнику инициативу и полную свободу маневра! Да, конечно, огневой перевес на стороне морпехов, но отчего бы не подумать, что в таких именно условиях может предпринять неприятель, какое нестандартное решение принять?

Остальные члены экипажа заняты своими, весьма конкретными и сложными матросскими и офицерскими делами, отвлечься от которых после сигнала боевой тревоги практически невозможно: ведут корабль, стоят у орудий, котлов и турбин, обеспечивают живучесть и непотопляемость, наблюдают за далёким горизонтом, а не за тем, что творится у них за спиной и под ногами. На это поставлены совсем другие люди.

А этих «других» — всего полсотни. Тридцать распределены по прочим предписанным уставом и приказом местам, от бака до юта и от кия до клотика, причём — всего по два-три человека, зато два полных отделения полного штата, во главе со своими сержантами. Да ещё и ротный командир вдруг решил, что должен находиться в самом угрожаемом и важном пункте, то есть здесь. Не там, откуда удобнее принимать решения и руководить, а там, где с врагом можно встретиться лицом к лицу. Как говаривал Козьма Прутков: «Усердие всё превозмогает. Порою и рассудок».

Каждый боец штурмовой группы держал перед внутренним взором картинку — план батарейной палубы, как и где расположился в её выгородках каждый из вражеских морпехов. Точнее — где кто находился минуту назад. Вряд ли за истекшее время дислокация могла сильно поменяться.

Уваров покачал руками с четырьмя гранатами, по две в каждой, поставленными «на удар», как бы примериваясь перед броском. Снова вдруг вспомнилась Варшава, дворец Бельведер, такие же гранаты... И что было потом¹. За ним стал унтер Кузнецов, тоже с четырьмя «ФК». Басманов удовлетворил его просьбу. Остальные взяли на изготовку взведённые автоматы.

— Давай! — выдохнул Уваров.

Бекетов, имеющий привычку обращаться с судовыми дверями и запорами, изо всех сил толкнул запорный рычаг, потянул на себя дюймовое броневое полотнище. Дверь раскрылась на половину

¹ См. роман «Дальше фронта».

своего запаха, и в метровый просвет полетели все восемь гранат. Кидали не просто так, куда придётся — Уваров швырнул свои на всю глубину отсека, до самого заднего траверса палубы, с расчётом на рикошеты, а Егор — аккуратно, как сеятель зерно из лукошка, чтобы все легли веером, от борта к борту, но не дальше десятка метров от входа.

Бекетов, только мелькнули мимо него сероватые рубчатые яйца, навалился на дверь, чтобы успеть захлопнуть, пока и им не досталось.

Успел!

Восемь взрывов громыхнули вроде бы разом, но на самом деле вразнобой, с полусекундными интервалами, гранаты рвались «по готовности», в зависимости какая раньше долетала до переборок и палубного настила.

По Варшаве Уваров помнил, как выглядит эффект гранатного залпа в замкнутом помещении. Так в Бельведере хоть огромные, от пола до потолка окна были, и двери деревянные, взрывной волне было, куда уходить. А здесь — со всех сторон глухой металл, даже иллюминаторы, небольшие, человеку не пролезть, задраены. Вся энергия почти килограмма флегматизированного гексогена в доли секунды несколько раз отразилась от переборок, да и сотни осколков, рикошета, несколько раз перекрестили внутренний объем палубы во всех направлениях. Да ещё существует такое понятие, как «кумуляция взрыва», когда ударные волны, догоняя и перекрывая друг друга, значительно усиливают собственную мощь.

Боеспособных солдат после этих мгновений грохота, пламени, визга осколков по стали, мгновенного, неосознанного ужаса и инстинктивных вскри-

ков в палубе не осталось. Десяток был сразу убит наповал, остальных разбросало по сторонам, посекало неровными, острыми на изломе осколками некоего подобия фарфора, того, что идёт на изоляторы линий электропередач. Гораздо более противная вещь, чем старый добрый чугун, да вдобавок рентген этот материал показывает очень плохо.

— Всем стоять! — командовал Уваров своим бойцам. Сам шагнул через комингс во вновь открытую Юрием дверь, за ним — Кузнецов, имевший привычку к работе в таких вот закрытых, тёмных, задымлённых, поражённых вражескими снарядами или торпедами внутренних помещениях корабля.

Здесь действительно было темно, все плафоны и распределительные щиты разбило, открытую проводку порвало, нестерпимо воняло сгоревшей взрывчаткой, и оченьгодились бы изолирующие противогазы. Но — чего не было, того не было.

— Фонари сюда! — крикнул Уваров, высунувшись наружу и глотая сравнительно свежий воздух.

В комплектах снаряжения валькирий компактные и мощные фонари имелись, хотя здесь большегодились бы ноктовизоры с подсветкой.

Марина и Инга проскользнули мимо командира, их организмы легче переносили ядовитый дым, начали шарить фонарями вокруг. С затянутыми втутую задрайками иллюминаторов возиться было некогда.

— Живых вытаскиваем!

К двум девушкам присоединились остальные.

Басманов с Уваровым и Бекетов открыли тамбур трапа, ведущего с батарейной палубы на спардек. Сразу стало светлее, сквозняк потянул дым в подпалубные помещения.

— Слава богу, пока без стрельбы обошлись. Теперь лучше всего — рывком на мостик. Оттуда и отстреливаться удобнее, и командира заставим по громкой связи приказать команде сдаваться.

— А не захочет? — спросил Юрий.

— Захочет, — коротко бросил Басманов, и, глянув ему в лицо, любой бы понял, что сомнения здесь неуместны.

Он предполагал, что, как и в истории с «другим» английским флотом, случившейся для него пять лет назад, по другому счёту — девяносто, а на самом деле, может быть и миллион лет вперёд¹, всё командование окажется, как ему и положено, в боевой рубке или на ходовом мостике, и взять их всех можно будет разом, быстро и без проблем.

На самом деле всё обстояло гораздо сложнее, и, если так можно выразиться в данном случае — дискретнее². В том смысле, что сейчас теоретически единоличная власть командира оказалась расщеплена между несколькими «центрами силы», каждый из которых имел свои цели и свой интерес. И все находились в разных, достаточно удалённых местах.

Коммодор Честер, командир крейсера, имел приказ адмирала — в случае невозможности отремонтироваться своими силами и очевидной угрозе захвата русскими, уничтожить корабль со всем сверхсекретным оборудованием. В идеале он должен был уничтожить и обслуживающих технику специ-

¹ См. роман «Вихри Валгаллы».

² Дискретность — разделённость, прерывистость, прерывность (лат.).

алистов, поскольку любому ясно — попав в плен, они непременно станут давать показания. Если о принципах устройств они, эксплуатационники, и не имеют представления, то уж всё касающееся тактико-технических данных и методик применения аппаратуры выложат дочи́ста. А русским учёным, да и разведчикам с дипломатами, этого будет совершенно достаточно. И в практических целях, и для развязывания «разнузданной пропагандистской кампании». Сам коммодор после завершения этого плана намеревался застрелиться, поскольку русский плен с последующим возвращением на родину, судом и смертной казнью, что пообещал адмирал Хиллгарт, его совершенно не устраивал. Умирать всё равно когда-нибудь нужно, так отчего не сейчас? По крайней мере, он будет лишён сомнительного удовольствия читать и выслушивать то, что напишут о нём газетчики и изложит в своём приговоре военно-морской суд. Да и совестью всю оставшуюся жизнь мучиться не придётся, за погибших по его вине и убитых по его приказу.

В данный момент коммодор Честер шёл по кормовому коридору вслед за начальником «научной группы» кэптэном Френчем, надевшим флотский мундир только по случаю именно этого похода, и, чуть успокоив вдрызг раздёрганные нервы полупинтой¹ хорошего виски, прикидывал, удастся ли «профессору» придумать что-нибудь стоящее для их общего спасения или всё же придётся ставить его со всей компанией к стенке? На этот случай командир отряда судовой военной полиции — самый

¹ 1 английская пинта = 1/8 галлона = 0,568 куб. дм. Американская = 0,473 куб. дм.

★ подходящий человек. Приведёт приговор в исполнение, не задумываясь.

Профессор Френч думал о вещах прямо противоположных. Он со слов самого командира знал, что живым ему в плен попасть не позволят. И хотя Честер признался в этом только для того, чтобы заставить «научника» старательнее думать о способе их общего спасения, цели он достиг прямо противоположной. Теперь доктор философии, физики и математики Гилберт Клеменс Френч стремительно перебирал в голове варианты — как наиболее эффективно нейтрализовать капитана, после чего сдать его русским и сдать самому. Хорошие учёные везде нужны, сибирская каторга ему не грозит, а лаборатории Москвы или Петербурга ничем не хуже кембриджских.

Контр-адмирала военно-морской разведки Эванса, личного представителя одного из лордов Адмиралтейства, а через него и самого мистера Боулнойза, для маскировки носившего в этом походе такой же, как у Френча, мундир фальшивого кэптэна, тоже занимали жизненно важные проблемы. Уничтожение секретной аппаратуры вместе с персоналом и у него стояло на повестке дня, но не главным пунктом. Оно должно было произойти почти автоматически. В каюте у Эванса имелся некий тумблер, подключенный к отдельной от общесудовой электрической цепи. Один щелчок — и вся аппаратура сразу превращается в пыль. Персонал, соответственно, тоже, поскольку должен по боевому расписанию находиться на местах. Гораздо важнее было сообразить, как спастись самому. Вариантов, в принципе, всего два. Первый — сдать в своём залегендированном качестве, то есть — прикоман-

дированного к отряду для получения морской практики сотрудника совсем незначительного гидрографо-метеорологического отдела штаба флота. Здесь можно рассчитывать на кратковременное интернирование и спокойное возвращение на родину, поскольку войны всё-таки не объявлялось.

Второй — присоединиться к толпе русских «волонтеров». Их язык он знает вполне прилично, небольшой акцент легко можно отнести на счёт длительной разлуки с родиной и «языковой заражаемостью», завербованные, размещавшиеся в разных кубриках, в массе своей друг с другом не знакомы. Документы исчезнувших «надзирателей» лежат у него в сейфе, а фотографии... По личному опыту он знал, что на них пристально смотрят лишь в особых случаях. В этом варианте его, скорее всего, отпустят на все четыре стороны при заходе в первый же нейтральный порт.

О том, что и в первом и во втором случае русская контрразведка может оправдать свой пугающе высокий авторитет, то есть разоблачить его, Эванса, думать не хотелось. Но надо. Значит, необходимо поискать третий вариант — безопасный и безусловно выигрышный. Могут ему каким-то образом помочь «гипногенераторы» Френча? Интересно... Всех их возможностей Эванс не знал, джентльмену не по чину вникать в технические подробности, но если с помощью своей аппаратуры Френч собирался «загипнотизировать» и послать на смерть две сотни человек, то возможно ведь сделать и ещё что-то?

И, наконец, капитан-лейтенант (лейтенант-командер) Строссон. Он, доверенное лицо адмирала Гамильтона-Рэя, назначен в поход присматривать за

★

деятельностью Эванса и реализацией плана с русскими «волонтёрами». Сам он имеет особое мнение по этому вопросу, но подчиняется своему начальнику. Сейчас внезапное изменение ситуации полностью подтвердило его правоту. Русские (хотя бы несколько человек) повели себя именно так, как он предвидел. Догадались ли о сути происходящего самостоятельно или кто-то подсказал — неважно. А вот то, что они мгновенно перешли к «партизанской войне» на вражеской территории — факт безусловный. Похоже, свой выбор Строссон сделал ещё в тот момент, когда Эванс сообщил ему об исчезновении нескольких «волонтёров» и охранников-коллаборационистов. Нетрудно было предсказать, что столь решительные люди (да вдруг — ещё и специально подготовленные?) способны наделать на крейсере очень много всяких неприятностей. Так оно и случилось. Сначала — сообщение Эванса об исчезновении нескольких русских и приставленных к ним надсмотрщиков, его попытка сделать капитан-лейтенанта своим помощником, а точнее — пособником. Потом — непосредственно диверсия, простая в исполнении и весьма эффективная. Только хороший морской инженер мог догадаться, что уничтожение рулевой машины — самый простой и надёжный способ превратить великолепный боевой крейсер в несамоходную баржу.

Строссон оказался совершенно прав, хотя и не знал о подобном прецеденте, когда сильнейший и новейший линкор «Бисмарк» бесславно погиб из-за всего лишь заклиненного в положении «на борт» руля. Вот и «Гренвилл», лишённый хода и управляемости, бессмысленно болтается на волнах, а неустановленное число русских террористов наверня-

ка приступило к выполнению следующего номера своей программы.

Остин Строссон не то чтобы заслужил какое-то особое доверие Гамильтона-Рэя, но был им использован именно за умение не поддаваться господствующему мнению, «террору среды» и доводам каких бы то ни было авторитетов, собственного начальства в том числе. Даже демонстративно пренебрегая карьерой. Гамильтон-Рэй сам был человек подобного типа, только поумнее (то есть не готовым рисковать положением и жизненными благами ради абстракций вроде «собственного мнения»). Оттого он понимал и пользу таких, как Строссон, и их потенциальный вред. Поэтому в перспективе капитан-лейтенанту светила ещё одна (максимум — две) нарукавные нашивки¹ и должность вечного консультанта «по общим вопросам» или вообще архивариуса. Адмиралами такие, как он, не становятся по определению.

По тем же самым причинам Строссон, оказавшись «на воле», очень легко выпал из-под влияния своеобразного обаяния «своего» адмирала и особого рода внушения, под которым находились все, входившие в круг интересов Арчибальда. Более того — он начал догадываться о некоторых вещах, как бы и невозможных, но, тем не менее, имеющих место. Поэтому сейчас капитан-лейтенант серьёз задумался о том, как бы ему не оказаться случайной жертвой происходящего (что очень и очень не исключено), по возможности вступить в контакт с кем-то из руководителей «русских партизан», а через них — с командованием Российского флота. Честный офицер и далеко не глупый человек отлич-

¹ По-нашему — капитан третьего или второго ранга.

но понимал — интересы всего человечества явно преобладают над интересами некоей группки заговорщиков, пытающихся захватить власть в Великобритании и втянуть мир в новую тотальную бойню.

Цель была крайне трудная, её достижение связано с огромным риском, а в итоге зависело прежде всего от удачи. Но смысл попробовать был. Капитан-лейтенант сейчас как раз пытался смоделировать действия «террористов» или, лучше сказать, диверсантов, так, чтобы пересечься с ними в достаточно удобном месте, избежать почти гарантированной пули и, главное, успеть быстрее, чем Эванс, Френч или сам коммодор Честер совершат непоправимое. О приказе на самоликвидацию в случае угрозы захвата оборудования он тоже знал.

Такой вот психологический расклад образовался на текущий момент, а географически персонажи этого трёхмерного пасьянса перемещались в пределах двухсот метров по горизонтали и пятнадцать — по вертикали, непрерывно при этом принимая и либо реализовывая, либо тут же отменяя некие микрорешения, которые должны были сложиться в единое судьбоносное МНВ¹.

Юрий Бекетов и Егор Кузнецов достаточно хорошо ориентировались в общей планировке палуб и надстроек кораблей подобного класса. Но именно на этом крейсере найти оптимальный маршрут к ходовому мостику и боевой рубке и тому и другому было затруднительно. Особенно в боевой обстановке и условиях острого дефицита времени. Тут

¹ МНВ — минимально необходимое воздействие. См. А. Азимов. «Конец вечности».

пришла пора военному кораблестроителю Николаю Карташову в дело вступать. Пока он стоял рядом с Сильвией у стола Арчибальда и жадно наблюдал за разворачивающим действием. Точно как из первого ряда партера за пьесой из морской жизни, вроде «Разлома» или «Оптимистической трагедии»¹.

Вот до верхней палубы добрался авангард абордажной партии, пятеро — Анастасии Уваров велел оставаться в тамбуре, между стальной дверью, выходящей на правые шканцы², и трапом в батарейную, наблюдать за подходами с кормы, осуществлять непосредственную связь между группами, руководить действиями остальных валькирий и команды «волонтёров». Закончить разбираться с ранеными, оказать помощь, кому требуется, проследить, чтобы сохраняющие боеспособность пленные не смогли ею (боеспособностью) воспользоваться. Вскрыть оружейную комнату и приготовиться вооружать добровольцев из остающихся в кубриках соотечественников, за которыми уже послали Саню и Ваню, братьев Егора Кузнецова. Автоматы у них в руках должны прибавить убедительности их словам и доверия к ним. Распределить прибывших по груп-

¹ Интересно отметить, но обе эти пьесы имели место и в описываемой реальности. Авторы, Б. Лавренёв и Вс. Вишневский, родились, как и положено, на рубеже веков в общей для всех России, служили на Российском Императорском флоте, от природы обладали литературно-драматургическими талантами и написали почти то же самое, что и в советской реальности, только с несколько иными политическими акцентами.

² Шканцы — часть верхней палубы от грот-мачты до бизань-мачты. Шканцы считались на корабле почётным местом, там проводились построения, зачитывались приказы, принимались вышестоящие начальники. Конкретно размещение шканцев на каждом корабле определялось особым приказом по Мор. Ведомству (на русском флоте).

пам сообразно их знаниям и способностям. Подходящая работа для взводной командирши.

Никто не заметил, каким образом Марина, ещё до того, как прозвучал касающийся валькирий приказ, успела очутиться рядом и даже несколько впереди мужчин. Она вообще обнаружилась, только когда короткой автоматной очередью положила показавшегося на сходном трапе кормового мостика британского офицера с пистолетом в руке.

— Верещагина, мать твою... Куда лезешь?! А ну, вниз! — запоздало выкрикнул Уваров, но Марина уже взлетела вверх по трапу, ударом ноги отправила за борт упавший рядом с простреленной головой офицера пистолет.

Но это было уже в пустой след. Девушка, убедившись, что больше на мостике, окружающем основание грот-мачты, нет никого, приоткрыла неизвестно куда ведущую дверь, на всякий случай бросила туда гранату.

— Давайте сюда, у меня чисто! — крикнула она. Когда к ней первым поднялся Уваров (сухопутный подполковник отнюдь не владел привычкой бегать по трапам вверх как обезьяна, а вниз слетать по поручням, не касаясь ступеней), она встретила его едва заметной иронической усмешкой в углах губ и довольно вызывающим взглядом.

— Куда тебя чёрт понёс? Ты что, команды не слышала?

— Не слышала, — честно ответила валькирия. — Нечего было слышать, вы с Настей очень тихо говорили! — И усмехнулась несколько вызывающе. Мол, я уже здесь, и ничего ты мне, граф, не сделаешь!

Она видела, как командир что-то приказывает Вельяминовой, даже примерно догадалась, что именно, и сработала на опережение. Как и планировала с самого начала.

— А! — обречённо махнул рукой Валерий. Девушка формально права, а начинать с ней спорить совсем не время. — Потом поговорим. Держи правый сектор. От трапа и докуда видишь. При любом шевелении стреляй. А мы ещё выше попробуем...

Эта диспозиция тоже не устраивала Марину, она ведь собиралась идти впереди, в случае чего грудью прикрывая Басманова, и если её вдруг убьют, пусть он видит... В общем, несмотря на чин и кое-какой боевой опыт, мысли у неё в голове бродили подходящие какой-нибудь штатской шестнадцатилетней девушке. Но тут уж ничего не поделаешь, сейчас-то приказ отдан ей лично. Придётся выполнять, защищая товарищей с тыла.

Наградой ей был одобрительный взгляд полковника, взбежавшего мимо неё на следующую кольцевую площадку, окружающую двухметровый в диаметре ствол мачты. По крайней мере, Марине показалась, что одобрительный. Но и этого достаточно.

— Теперь я пойду, — бросил Сильвии Карташов. — Они там сейчас запутаются, незачем вверх лезть, по шканцам надо! — и тоже шагнул как бы из-за кулис на окружённую броневыми декорациями сцену.

Из двадцати британских морпехов и троих артиллеристов, дежуривших при судовом арсенале, убитых, при тщательном осмотре, оказалось одиннадцать. Ещё четверо ранены так, что без экстрен-

ных операций в береговом госпитале вряд ли выкарабкаются. Значит, для них вся надежда, что русские корабли подойдут вовремя и их после квалифицированной врачебной помощи¹ эвакуируют вертолётом. А может, и на одном из тяжёлых крейсеров есть умеющие делать полостные операции врачи и должным образом оборудованный лазарет.

Восемь человек, в том числе и ротный командир, отделались контузиями и непроникающими ранениями. Этих наскоро перевязали, вкололи шприц-тюбиками что положено и сковали всех вместе их же собственными, положенными по должности наручниками.

У убитого британского главстаршины с широкими шеvronами за пятнадцать лет службы Инга обнаружила связку ключей на специальной кожаной петельке у пояса. Хорошо смазанные замки броневой двери открылись легко и бесшумно, несмотря на свою внешнюю массивность и грубость. За дверью — ряды пирамид с винтовками, автоматами и ручными пулемётами, стеллажи с разнообразными боеприпасами. Где-то дальше должны быть и десантные скорострельные пушки, которые берут с собой при высадке на вражеский берег. Богатство, одним словом, приятное глазу военного человека.

— Ну вы, гвардия, — обратилась девушка к ото-звавшимся на призыв братьев Кузнецовых полутора десяткам мужиков, успевших слегка пораскинуть мозгами и сообразить, что, получив настоящее оружие и под командой доказавших своё право ру-

¹ Медицинская помощь на войне подразделяется на доврачебную (поле боя), первую врачебную (ПМП), квалифицированную (медсанбат-эвакогоспиталь) и специализированную (профильные госпитали).

ководить специалистов, бунтовать сподручнее, чем с противопожарным инвентарём. — Вооружайтесь, чем бог послал и кто в чём разбирается. Кто совсем ни черта не знает, я объясню.

Таких, чтобы «совсем», не оказалось, народ в большинстве своём подобрался бывалый. Каждый по-своему, но человек, не имеющий *понятия*, добровольно на подобное дело не вызовется.

Хватило десяти минут, чтобы восемь «бойцов первого призыва» и четырнадцать «новых», даже имён которых ни Карташов, ни Инга не спросили, превратились в несколько даже избыточно вооружённое подразделение.

— Молодцы, — продолжала Вирен исполнять самостоятельно принятую на себя должность, — теперь я — ваш командир. Следовать за мной, и всё исполнять мгновенно и беспрекословно. Тогда мы им покажем...

Анастасия не возражала против такой инициативы подружки, до этого, в силу характера и темперамента, предпочитавшей оставаться в звании рядового, хоть и при офицерских погонах. Ей же проще, не нужно самой об этой сомнительной публике заботиться.

— А вам, господин инженер, — обратилась она к Николаю, — приказано вслед за вашими товарищами выдвигаться. Они боевую рубку брать решили. Я с вами подпоручика Варламову пошлю, она за вами присмотрит.

Карташов не возражал. Хоть и вооружился он штурмовым автоматом «Стерлинг», похожим на короткую дырчатую трубу с пистолетной рукояткой и торчащим вбок магазином, а явно опытная девица, обвешанная оружием, прикроет его куда надёжнее,

чем он сделал бы это сам. Да и помощник в том деле, что он задумал, лишним не будет.

— Как они пошли?

— А вот прямо по этому мостику, потом вниз по трапу и снова вверх, позади трубы. Дальше я их из виду потеряла. Но ваш товарищ сказал, что дорогу вы найдёте, а путь они вам расчистят...

У Николая тут же нарисовался в голове собственный план действий. Чего ради поверху бегать, где тебя со всех сторон видно и ничего не стоит пулю получить хоть снизу, хоть сверху? Можно и не просто на пулю нарваться, а на очередь из зенитной пулемётной спарки, если найдётся при них сообразительный сержант или лейтенант. Он, например, прямо отсюда видел целых восемь огневых точек пулемётов и сорокамиллиметровых «Бофорсов» на четырёх ярусах носовой надстройки. Другое дело, что едва ли сейчас расчёты интересуют какие бы то ни было люди, бегающие по палубам. У зенитчиков всё внимание на небо и горизонт, согласно боевому расписанию.

— Нормально. Тебя, подпоручик Варламова, как зовут?

Карташов был старше девушки лет на десять и имел звание «старший помощник судостроителя», равное классному чину коллежского асессора, а также, по знакам различия, положенным к парадной тужурке — армейскому капитану или старшему лейтенанту флота. По-любому она на три чина ниже, и разговаривать с ней можно исходя из этого.

— Мария.

— Маша, одним словом. Хороша Маша, да не наша, — решил сразу установить со своей напарницей непринуждённые отношения инженер. —

Значит, так, госпожа подпоручик, — тут же переключился он, заметив в её глазах намёк на протест против панибратства, — идёшь за мной в трёх шагах. Бдительно смотришь по сторонам и назад. Желательно — одновременно. При любом подозрительном шевелении — огонь на поражение, своих у нас на пути по определению быть не может. Вперёд смотреть и путь выбирать я сам буду. Не отставать, по трапам — только бегом, и вообще темп нам потребуется, чтобы всё как надо сделать и друга моего удивить. Пошли!

Марии этот мужчина тоже понравился. Весёлый, отчаянный, похоже, никаких признаков страха или растерянности не проявляет. Опять же — близкий друг Юрия. Если все живыми до места дойдут, через него, как через боевого товарища, легко будет и со штабс-капитаном поближе познакомиться. Непростой человек, понятное дело. Но на неё *обычными* глазами смотрит, а Бекетов сразу — *особому*!

Карташов знал что делал. По той части крейсера, что он успел изучить, сложилось отчётливое представление и об остальной его архитектуре.

— У тебя фонарь есть, Варламова? Это хорошо. Приготовь. Возможно, кое-где не слишком светло будет. Имей в виду, кстати — на кораблях чёртова уйма всяких торчащих железок, высоких порогов, низких потолков и так далее. Наблюдай за мной, ворон не лови. Лбом приложишься — кричать и ругаться не надо. Терпи. Особо внимательна будь, спускаясь по трапам — коварная штука. Сколько на них рук и ног сломано — ужас.

— Всё поняла, — без иронии кивнула головой Мария. — По-моему — стоит поторопиться...

— Поторопимся. Но без инструктажа по технике безопасности — никак.

Николай повёл девушку вниз, вниз и вниз, почти до самого второго дна. Там они попали в длинный узкий коридор, где было ужас как жарко. И гудело через металл сильно, и пол под ногами мерно вибрировал.

— Это у нас тут котельные и машинные отделения, — пояснил инженер. — Потерпи, мы быстро. Дальше легче будет.

Действительно, через полсотни шагов они оказались в узком цилиндрическом помещении метров трёх в диаметре. Вверх уходил вытертый сотнями рук и ног до блеска скобтрап. Здесь было уже не жарко, а весьма прохладно, и переборки на ощупь холодные и влажные. Николай предостерегающе поднял руку:

— Здесь — тихо. Слева и справа посты энергетики, живучести и центральный артиллерийский. Человек двадцать в них обычно отирается. Но мы их обойдём, и очень надеюсь, что никто оттуда случайно не высунется...

За очередной, вопреки уставу не заdraенной водонепроницаемой дверью от борта к борту шёл поперечный коридор, имеющий, в свою очередь, «Т-образные» ответвления справа и слева. На «перекрёстках» — ведущие вверх нормальные трапы. Их обилие и кажущаяся беспорядочность расположения уже начали Марию утомлять. Хорошо, что сама она не на флоте служит.

— Сейчас будет самое интересное, — сказал Карташов спутнице. — Если ни с кем не столкнёмся — по этой вот шахте поднимаемся прямо в главный командный пункт, по традиции именуемый бо-

евой рубкой. И имеем приличный шанс обогнать наших друзей и встретить их там с распростёртыми объятиями.

Мария понимающе кивнула, приподняла на уровень груди ствол автомата, пошевелила пальцем на спусковом крючке.

— А вот ты это, по возможности воздержись стрелять, без самой крайней необходимости. Труба — она и есть труба. Звук хорошо передаёт. Если в рубке услышат — люк прикроют, и всё! Нам с тобой всё, — счёл он нужным пояснить, хотя подпоручику смысл его слов был и так вполне понятен. — Лучше кинжалом твоим, — он указал на пристёгнутый у девушки вдоль бедра штурмовой нож.

— Можно и без, — согласилась Варламова. Поставила автомат на предохранитель, отстегнула страховочную петлю на ножнах. Карташов этого делать не стал, здраво рассудив, что если вдруг возникнет критическая и, естественно, мгновенная ситуация, снять оружие с предохранителя лично он может и не успеть, а рукопашному бою не обучен вообще.

В следующий момент так оно и случилось. Слева послышались близкие голоса, и из-за угла коридора появился коренастый мужчина в синем кителе с четырьмя золотыми нашивками на рукавах. Английских знаков различия Николай не знал, но по аналогии сообразил, что этот тип никак не меньше чином, чем российский кап-два. Офицер как раз сейчас, обернувшись, говорил что-то идущим за ним.

«Живым бы взять, — мелькнуло у Карташова, — важный дяденька, не ниже стармеха или старарта».

Мария поняла его без слов. Дальнейшее произошло мгновенно. Николай, собственно, ничего больше и сообразить не успел, не то чтобы сделать. Был бы один, мог, наверное, крикнуть «Хэндз ап!», а при попытке сопротивления наверняка бы выстрелил, чисто машинально.

Варламова же, перейдя, как показалось инженеру, в какой-то иной темп (тем более что так оно и было), левой рукой отстранила его с дороги, метнулась вперёд, правой схватила англичанина за толстую красную шею, дёрнула на себя, навстречу выброшенному вперёд и вверх колену. Удар получился впечатляющий и если бы пришёлся в переносицу или ниже — несколько недель лечения в госпитали были бы моряку обеспечены, и это — в лучшем случае. Но Маша ударила в лоб, в самую крепкую кость черепа, за которой, к тому же, никаких жизненно важных центров не размещалось. Лобные доли за другие функции отвечают. Зато сознание «объект воздействия» потерял сразу, но, что важно, ненадолго и без вредных последствий. Нечто вроде обычного нокаута.

За углом коридора, в двух шагах позади офицера, шли ещё двое, с нашивками поуже и числом поменьше. С этими церемониться ни команды, ни оснований не было. Одного подпоручик ударила, сменив ногу, носком ботинка в район печени, второго, почти одновременно, затыльником автомата снизу вверх, под угол правой челюсти.

«Этим, пожалуй, помощь уже не потребуется», — краем сознания подумал Николай, сам придя в некоторое ошарашивание от только что увиденного. Да, какие уж тут кинофильмы, где персонажи обмениваются десятками подобных ударов, в самые

чувствительные места, никоим образом от них не страдая, а лишь приходя в необходимый для окончательной победы кураж. Здесь мгновенное, почти не воспринимаемое глазом движение, негромкий звук — и нет человека, явно не успевшего додумать свою последнюю мысль.

Карташов, с автоматом на изготовку, сделал пару шагов. Нет, всё тихо. Дверь поста энергетики закрыта, оставшиеся там занимаются своими делами, никто ничего не слышал.

Он оттащил обоих не то старших лейтенантов, не то лейтенант-коммандеров за поворот. Посмотрел на девушку с уважением пополам с недоумением.

— Как ты их лихо приложила...

Мария ничего не ответила, только чуть дёрнула щекой.

— А этот как? — он кивнул на первого офицера.

— Скоро очухается...

Валькирия присела рядом с оглушённым, сноровисто хлопала его от щиколоток до плеч, рывком оторвав одну пуговицу, расстегнула китель, запустила рукав во внутренний карман. Вытащила офицерскую книжку, открыла, взглянула, присвистнула. Протянула Карташову.

Тот прочитал: «Джером Лесли Макдоннел. Кэптэн. Старший помощник командира корабля Его Величества «Гренвилл».

Да уж. Везёт так везёт. Лишь бы сэр Джером Лесли дуба не врезал раньше времени. Очень интересно, что он именно на этом посту именно сейчас делал? Корабль не в бою, повреждений не имеет, борьбу за живучесть вести пока рано. И есть люди, непосредственно за это отвечающие. У старпома сейчас куда больше неотложных дел имеет-

ся, он всегда там, где нужнее всего. Например — в румпельном отделении ремонтную бригаду подгонять и понукать. Уж не крейсер ли свой топить собрался кэптэн Макдоннел? По согласованию с командиром или по собственной инициативе. Если да, то начинать нужно именно отсюда. Автоматические приводы кингстонов и клинкетов на этот пост выведены, перепускные клапаны цистерн и отсеков и многое другое, что можно использовать для экстренного затопления корабля. Самый быстрый способ, конечно, это взрыв артиллерийских и минных погребов, но тогда жизни и комсостава и команды отнюдь не гарантированы. На этот случай экипаж сначала или в шлюпки садится, или в одних спасжилетах за борт прыгает.

— Как скоро?

— Не знаю, минут через десять-пятнадцать обычно. Но вдруг какие осложнения, гипертонией страдает, например, тогда вообще может не очнуться, — ответила Мария, щупая пульс «пациента». Лучше всего ему бы хоть ненадолго гомеостат надеть, но при постороннем человеке делать это вряд ли стоит. Можно пока ограничиться уколом из стандартного шприц-тюбика.

— Ты это брось, он нам живой нужен. Одним словом, наблюдай за ним и по сторонам смотри, я на минутку отлучусь, дело есть...

Едва ли Мария нуждалась в его советах, но — мужчина есть мужчина, да ещё старший по званию, что-то руководящее изречь должен.

Для непосвящённого человека любой отсек боевого корабля представляет собой непостижимое нагромождение труб всевозможного диаметра и цветов,

кранов, клапанов, силовых щитов, распределительных коробок и прочего, и прочего и прочего. Причём конструкторы, создавая рабочий проект корабля, совершенно не заботятся о комфорте людей, которым предстоит на нём служить и с техникой работать. Всё подчинено исключительно своеобразно понимаемой рациональности, зачастую несовместимой не только с эргономикой, но и с житейской логикой. Оттого в офицерской кают-компании среди кожаных кресел и мебели красного дерева спокойно размещают торпедные аппараты и скорострельные пушки, в салоне адмирала устраивают горловину элеватора из погреба снарядов зенитной артиллерии и даже в госпитальный отсек могут воткнуть пару совсем неуместных там приводов водотливных насосов.

Вот и пост энергетики и живучести представлял собой обширное помещение с низким, чуть больше двух метров подволоком, сплошь загромождённое устройствами, даже названия которых не сразу выразишь, не то чтобы назначение понять. Глухие, без иллюминаторов переборки завешаны стрелочными циферблатами, манометрическими трубками, телефонными аппаратами, стальными и громоздкими, как небольшие сейфы, квадратными и продолговатыми коробками, от которых отходят пучки проводов и гнутые медные трубки, кнопками всех размеров и цветов, целыми блоками блестящих тумблеров и пакетных выключателей. Всё это лишено видимой системы, и как со всем этим разбираются полтора десятка матросов, уорент-офицеров и три техник-лейтенанта — абсолютно непонятно было бы очень многим, девушкам-валькириям в том числе. Но для Карташова этот пост, как и любой

★

другой на любом корабле, был как открытая книга, выражаясь в стиле XIX века. Правда, чтобы запомнить устройство и назначение всех систем, приборов и приспособлений, научиться пользоваться ими при любых обстоятельствах, в том числе в темноте, дыму и под шум льющейся в пробоины забортной воды офицеру-выпускнику училища требуется примерно полгода, матросу-новобранцу — полтора.

Несмотря на гудящие вентиляторы, в посту было довольно жарко, сильно пахло нагретой краской, машинным маслом и озоном.

«Какой-то щит сильно искрит», — привычно определил Николай, но его английское разгильдяйство сейчас не интересовало. Чтобы привлечь внимание занятых своим делом моряков, он дал короткую очередь в дальний верхний угол, чтобы избежать ricochetов и раньше времени никого не задеть.

Все взгляды, естественно, повернулись в его сторону.

— Всем сохранять спокойствие, вы не сопротивляетесь — я не стреляю. And on the contrary¹. Если поняли, отойти к правой переборке, — указал стволом место, где весь личный состав был бы на виду и лишён какой-либо свободы маневра, — руки выше плеч. За пистолеты и иные подручные предметы не хвататься. Командир поста — ко мне!

Всё случилось так быстро, вид незнакомца, а главное — его автомата были так убедительны, что ни у кого не мелькнуло и мысли о сопротивлении. Да и вообще в подобных обстоятельствах сопротивляться как-то странно даже. В чистом поле, с ору-

¹ И наоборот (англ.).

жием в руках — есть шансы и стимул, а если так, как сейчас — принято не дёргаться и ждать дальнейшего развития событий. Моряки послушно отошли в указанное место, вперёд выдвинулся лейтенант-коммандер в расстёгнутой рабочей тужурке поверх белой майки.

— Можете не представляться, — усмехнулся Карташов, — я тоже не собираюсь. Отвечайте быстро, зачем старпом приходил? Приказал топить крейсер? Не врать, — не люблю. Быстро, я сказал!

Отличное, в том смысле что очень близкое к врождённому, диксилендовское¹, гнусавое и с множеством почти до неузнаваемости искажённых английских слов, произношение Николая направило мысли офицера на противоположный от истинного направления курс.

— Разве мы воюем и с вашей страной? — спросил лейтенант-коммандер.

— Мне кажется, что вы уже ни с кем не воюете. Но и это меня не интересует. Ваш нынешний статус определяют другие. Я задал вопрос — приказал Макдоннел готовиться к затоплению корабля?

Сообразить, что всё это чистый блеф, лейтенант-коммандер не успевал. Чисто физически. Незнакомец назвал фамилию старпома и цель его прихода. Кэптэн с сопровождающими покинул пост две минуты назад. Захватить его и ещё двух офицеров без всякого шума, при этом успеть допросить — за это время нереально. Значит, человек с автоматом и алабамским акцентом всё знал заранее. Подождал, пока старпом уйдёт, и вошёл после него. Кто этот человек — думать тоже некогда. Слишком нервно

¹ Диксиленд — разговорное наименование южных (бывших рабовладельческих) штатов Америки.

пошевеливается его палец на блестящем спусковом крючке английского автомата. Дёрнет чуть сильнее — и всё. Своей цели налётчик добьётся в любом случае, а лейтенант и его люди просто перестанут жить. Причём — навсегда. В загробную жизнь офицер не очень верил, да и в любом случае *там* существовать будет уже не это тело, не эти мысли и не эти желания. А прожить ещё хотя бы лет сорок, а лучше — пятьдесят офицер очень рассчитывал. У него в роду никто из мужчин раньше восьмидесяти не умирал, даже когда не было никакой современной медицины, гигиены и прочего...

— Да, приказал... — ответил офицер.

— Могли бы и «сэр» добавить, я старше вас по званию.

— Мне это неизвестно.

— Да и мне честно говоря, наплевать. Это я просто к тому, чтоб вы знали — не с сомалийским пиратом дело имеете. А с человеком, наверняка превосходящим вас в квалификации. У ваших людей нет оружия?

Николай вёл этот, как со стороны могло показаться, чересчур длинный и якобы никчёмный разговор отнюдь не из склонности к пустой болтовне. Постоянное общение с самыми разными людьми, от флотского и собственного заводского начальства до последнего разметчика или сварщика научили его многим психологическим приёмам. Сейчас, например, он заставлял собеседника рассеять внимание между несколькими, как бы не слишком связанными, но кажущимися одинаково важными темами, не позволял ему сосредоточиться на какой-то одной. Этим он как бы интеллектуально обезоруживал партнёра, заставлял исполнять приказы

и отвечать на вопросы быстрее, чем тот мог их от-
рефлектировать.

— Откуда у нас оружие? Матросам оно вообще не положено, кроме как в карауле, а у офицеров пистолеты в ящиках столов ржавеют, — позволил себе криво улыбнуться офицер.

— Знакомо. Что ж, тем лучше для вас и спокойнее мне. Руки можно опустить. Кто здесь электрик?

Мужчина средних лет в куртке без знаков различия обозначился шагом вперёд и наклоном головы.

— Уорент-офицер Томлинсон, сэр.

— Очень хорошо, Томлинсон. У вас есть приличный аккумуляторный фонарь?

— Так точно, сэр.

— Подайте мне его.

Уорент-офицер командовал ближайшему матросу, и тот мгновенно принёс требуемое.

Николай проверил. Нормально светит, ярко.

— А теперь, Томлинсон, возьмите какую-нибудь приличную железку с изолированной рукояткой подойдите к главному распределительному щиту, откройте и закоротите подводящую шину.

Электрик растерянно посмотрел на своего командира.

— Я неясно выразился? Может быть, вон те две штуки, где «саплей»¹ написано, у вас называются как-то иначе? Это неважно. Действуйте.

Голос и облик Карташова, никак не согласующиеся с представлением о жестоком и грубом террористе, пирате, или как там ещё можно назвать, плюс взведённый автомат, направленный прямо

¹ Supply — в данном случае «электропитание» (англ. тех.).

в грудь лейтенант-командеру и на группу моряков позади него, производили требуемое гипнотическое впечатление.

Уорент-офицер взял из ящика большой, сантиметров в сорок напильник, как-то механически пошёл к шкафу и сделал то, что требовал Николай. Полыхнуло настолько здорово, что в мгновенно наступившей темноте перед глазами запульсировали алые, голубые и зелёные пятна. Ещё более остро запахло озоном и горелой изоляцией.

Карташов включил фонарь. Электрик выглядел контуженным и тупо смотрел на свои руки. Напильник вырвало из них и отбросило далеко в сторону.

«Наверное, и прожгло насквозь», — подумал инженер. Когда-то, в студенческие ещё годы, с ним самим случилась подобная штука, только он заколотил шины высокого напряжения и с очень приличной силой тока случайно.

— Вот наверное и всё пока, — спокойно сказал он в пространство. Теперь сидите здесь и ждите дальнейшего развития событий. Никаких попыток выполнять предыдущий приказ не предпринимать. Я его отменяю. А на всякий случай повешу на дверь снаружи пару гранат, так что и выбираться самостоятельно не советую...

Пост был выведен из строя основательно, поскольку блоки предохранителей, из соображений большей надёжности, находились совсем в другом месте, а выйти из отсека эти «лаймы»¹ едва ли рискнут.

¹ Жаргонное, ещё с времён парусного флота наименование английских моряков, поскольку им для борьбы с цингой выдавали лимоны или лимонный сок.

В коридоре Мария так и сидела рядом со старпомом. Тот, похоже, начал постепенно приходить в себя. Довольно быстро, если учесть, что посещение поста и все действия там заняли меньше пяти минут.

— Способен этот просвещённый мореплаватель подняться на десять метров по трапу? — спросил Карташов, ожидая, пока сердце перестанет колотиться и отпустят напряжённые нервы. Ему это представление далось нелегко. Одно дело — проигрывать такие сюжеты в голове, совсем другое — держаться и говорить, как супермен, отнюдь не будучи им на самом деле. Хорошо хоть, во время путешествия с Юрием вокруг половины «шарика» кое-какие навыки появились и характер окреп, а то бы ничего у него не вышло. Устроил бы никчёмную мясорубку с перепуту, а так чисто получилось, вроде как «детский мат» невзначай опытному игроку поставил.

— Попросим — пойдёт, — коротко ответила Мария и чувствительно толкнула кэптэна стволом под лопатку. — Поднимайся. Дойдём живыми — отлежишься.

Удивительно, но моряк, выглядевший не совсем вменяемым, с кровоподтёком, быстро разливавшимся на лбу и вокруг глаз, слова девушки понял, не совсем уверенно встал и, как сомнамбула, начал карабкаться по скобтрапу, ведущему по узкой, чуть шире плеч крупного мужчины, шахте, ведущей прямо в главный командный пункт. Впереди поднимался Карташов, за ним англичанин, замыкающей — Мария. Подстраховывала, хотя сорваться здесь было практически невозможно — чуть отклонился назад — и упёрся спиной в сталь трубы.

В боевой рубке, люк в которую по боевому расписанию был открыт, не оказалось никого, кроме сигнальщика, дежурившего у телефонов. Да и правильно — зачем тесниться в глухой коробке с узкими прорезями-бойницами, через которые почти ни черта не видно, если этажом выше, в так называемой «оперативной рубке» куда просторнее, с четырёх сторон большие остеклённые окна со подвижными створками и целых три выхода на обширный мостик. На его крыльях — два четырёхствольных «Эрликона» в полусферических вращающихся башенках.

Сначала Николай направил на сигнальщика автомат, а потом Мария одним движением *выключила* парня, недоумённо таращившегося и на неприятное, когда смотрит тебе в грудь, дульное отверстие, и на недавнего «царя и бога» — старпома, выглядящего как после драки в портсмутском борделе, и на молодую ведьму, тоже с автоматом и очень неприятно прищуренными глазами. Этот взгляд и вспомнится ему первым, когда он придёт в себя после долгого беспомыслия.

— Не сильно ты его? — спросил Карташов, когда матрос сполз по переборке на рифлёный настил рубки.

— Раз не убила — значит, не сильно. Очнётся, только шеей долго будет больно двигать.

Тут наверху послышался шум, крики, даже выстрел громыхнул, пистолетный, вообще как-то неуместный на столь грозном корабле, где положено грохотать только пушкам главного калибра и зенитным скорострелкам.

Николай рванулся к трапу, но Мария его опередила, оттолкнула довольно невежливо.

— За этим смотрите!

Взлетела вверх, будто пантера какая-то, или — строевой матрос по пятому году службы, почти не коснувшись ни поручней, ни ступенек.

И лоб в лоб столкнулась с Мариной, так же как она решившей проверить — нет ли её подопечным какой-нибудь угрозы снизу.

Девушки остановились и в один голос рассмеялись. Ситуация и вправду получилась несколько комичная.

— Что у тебя, Верещагина? — крикнул Уваров, наклоняясь к люку, и тут же сам увидел ещё одну свою подчинённую.

— О! А ты откуда взялась?

— Стреляли! — не отказала себе в удовольствии процитировать всем им очень понравившийся фильм Маша. И только потом ответила по сути: — Командирша послала. Вы все целы?

— Да, слава богу, на британском флоте офицеров из пистолетов стрелять не учат. Нашёлся один дурак, даже в воздух не попал из своего браунинга...

Он указал на распластавшегося ничком человека в синем кителе. Из-под головы расплывалась алая, быстро густеющая лужаца.

— Прикладом схлопотал. Хорошая реакция у нашего унтера, — счёл нужным пояснить подполковник, кивая на Кузнецова, как ни в чём не бывало сгоняющего в один угол всех находившихся в рубке англичан.

Басманов с Бекетовым, очутившись на мостике, одновременно, не сговариваясь бросились к зенитно-артиллерийским точкам. Происходило всё гораздо быстрее, чем здесь описывается, и расчёты «Эрликонов», по пять человек в каждом, вообще ничего

не видели и не слышали, пока в задних проёмах полубашен не появились неизвестные, но весьма решительно настроенные, хорошо вооружённые люди — в одной руке незнакомой конструкции, но явно автомат, в другой — граната.

— Или я сейчас эту штуку брошу, или — выходите по одному, не делая резких движений, — на хорошем оксфордском предложил артиллеристам выбор Юрий, а полковник вообще не стал ничего говорить, просто сделал стволом недвусмысленный жест. «То escape»¹, мол.

Эффект был совершенно однозначен.

— И куда их? — спросил Уваров у Юрия, самого авторитетного для него во флотских делах человека.

Действительно, число пленных, считая комендоров и доставленного снизу старпома, составило уже семнадцать человек. На мостике становилось тесновато.

«Кинутся кучей — и перестрелять не успеем», — подумал Егор Кузнецов, сделав три шага назад и уперевшись спиной в леерное ограждение.

— Да ничего хитрого, — ответил Юрий. — Пусть все лишние по одному лезут вверх по мачте, на пеленгаторные площадки, и сидят там, как обезьяны. Кто первый увидит, что наши крейсера появились, пусть крикнет. Тогда ему — банан.

Это было сказано специально по-английски, чтобы два раза не повторять. Слова отставной штабс-капитан подтвердил ставшим уже универсальным знаком на все случаи — движением автоматного ствола.

¹ В данном случае приблизительно — валите отсюда (англ.).

В рубке Бекетов оставил только действительно нужных людей — старших судовых специалистов. На вопрос, где командир, старпом, вахтенный начальник, очередной лейтенант-коммандер с типично британским (то есть, на русский взгляд слегка лошадиным и порядочно глуповатым лицом), ответил, что, очевидно, занимаются теми делами, которые считают важными. А ему они не докладывали.

— Хорошо. Будем вместе разбираться. Уже по-нашему...

Мария крикнула вниз:

— Можно выводить.

Через несколько секунд собравшемуся в рубке и на мостике довольно пёстрому обществу явился так до сих пор окончательно не пришедший в себя кэптэн Макдоннел.

— С этим разобрались. Повторяю вопрос — где ваш командир? — спросил, обращаясь ко всем сразу, Юрий. Сейчас некогда было считаться чинами, кто был уверен, что в данный момент справится лучше, тот и брал на себя инициативу. В том, как разговаривать с вражескими моряками, Бекетов разбирался, и ему легче было уловить ложь или умолчания. — Ему бы следовало сейчас находиться здесь, отважно руководя своим крейсером в его последние минуты службы под британским флагом. А он вместо этого... Старпома мы поймали в низах, где он собирался, не выслушав мнения офицерского совета, потопить корабль, командир, боюсь, тоже какую-нибудь гадость затеял. Кто сейчас ответит на мой вопрос...

— Получит самое тёплое место в Сибири? — попытался сострить на порядочно избитую тему

★ старший артиллерист, судя по фиолетовым просветам между нашивками.

— Я всегда считал английский юмор несколько туповатым, — не остался в долгу Юрий. — А имел в виду — снимет с души грех за гибель сотен ни в чём не повинных людей. Если один ваш начальник втихаря собрался вас топить, отчего бы вышестоящему не попытаться заодно и взорвать крейсер? Вы же тут всякую ерунду с собой возите, — он указал на загромождающие всю корму, задний мостик и боевые марсы решётчатые конструкции.

— Кроме командира есть и ещё более вышестоящие, — мрачно сообщил вахтенный начальник, которому слова Бекетова весьма не понравились. Действительно, войны пока нет, а на эскадре творится чёрт знает что. Сначала грузят на крейсер две сотни подозрительных штатских, говорящих исключительно по-русски, потом ни с того ни с сего затевают бой с не проявлявшими никаких агрессивных намерений русскими же гидропланами, да ещё история с этими, якобы пиратскими катерами... Нормальному, аполитичному моряку такие игры элементарно противны. А теперь, значит, ещё до появления русской эскадры, без всяких переговоров (войны-то по-прежнему не объявлялось) — крейсер топить! Шлюпок, как обычно, и на половину экипажа не хватит, а уж на пассажиров тем более... Одним словом, честному офицеру в этом лучше не участвовать.

За этими мыслями офицер как-то не нашёл времени задуматься — а откуда вдруг появились на крейсере эти люди, а особенно — вооружённые и весьма недурно владеющие ухватками настоящих рейнджеров «мисс».

— Всем тут заправляют представитель адмиралтейства и его научный помощник. По чину оба кэптэны, только видно, что это так, для маскировки. Офицерские мундиры словно вчера надели. Самых элементарных понятий не знают. Тот, что «учёный» — по трапу задом наперёд спускается! — в глазах офицера это было крайней степенью непрофессионализма и обыкновенной трусостью. — Я, в конце концов, никакой подписки никому не давал, — лейтенант-коммандер с некоторым вызовом посмотрел на окружающих.

Возражать никто не стал, хотя и были на мостике три офицера старше него чином и должностями. На необъявленной войне умирать и среди них желающих не нашлось, тем более — настоящей войны уже почти сто лет не было. И только прадеды этих офицеров имели настоящее представление, каково это — когда в эскадренном бою один за одним взрываются от вражеских снарядов могучие линкоры, а крейсера и эсминцы с всеми экипажами — просто расходный материал. С тех пор ощущение ценности собственной жизни выросло обратно пропорционально степени готовности к героической смерти «За короля». Этого в своих расчётах Арчибальд как-то не учёл, находясь под впечатлением информации о битвах Нельсона и сражениях Мировой войны. Как и того, что гипнотическое обаяние его личности распространяется только на членов «Хантер-клуба» и тех сухопутных и флотских начальников, с кем он контактировал непосредственно, да и то на расстоянии и со временем утая. Прочие просто подчинялись воинской дисциплине, сохраняя собственную индивидуальность.

— Насколько я знаю, командир в сопровождении вестового отправился как раз к этим так называемым «учёным». Кэптэн Френч со своей компанией располагается в запасном командном пункте под кормовым мостиком и в адмиральских помещениях, это палубой ниже, на самом юте. Когда он туда направлялся, вид у него был... так себе. И виски от него сильно пахло.

— Очень нехорошее сочетание, — как бы только стоящему рядом Уварову, но довольно громко сказал Басманов, так что слышали все. — В таком состоянии глупости как бы сами собой делаются.

— Вас понял, — тут же среагировал подполковник. — Варламова, и вы, пожалуй — повернулся он к Карташову и унтеру Егору, — быстренько туда. Действовать по обстановке, но названных персонажей задержать и изолировать до выяснения. Втроём справитесь?

— По обстановке, — ответил Уварову его же словами Николай. — Если никто сильно сопротивляться не будет.

— Об этом мы позаботимся, — ответил вместо Валерия Бекетов. — Господин старший помощник, возьмите микрофон и по громкой связи скамандуйте отбой боевой тревоги. Офицерам прикажите в полном составе немедленно собраться в кают-компанию. Никаких активных действий без специальной команды с мостика не предпринимать. Ничьих команд, кроме ваших, не выполнять. Командир тяжело заболел и госпитализирован...

Старпом смотрел на него бессмысленным взглядом и едва ли был способен всё это связно, да ещё и с нужным металлом в голосе пересказать. Или

действительно Мария повредила ему лобные доли мозга, заведующие как раз ориентацией и творческим мышлением, или он мастерски симулировал, уходя от всякой ответственности. Он перевёл глаза на вахтенного начальника, который фактически, по причине отсутствия командира и явной недееспособности его заместителя, до конца своей вахты оставался высшей властью на корабле.

— Придётся вам отрепетовать¹ мои слова, раз господин Макдоннел в отключке. Не нужно пояснять, что невыполнение этого приказа будет иметь самые тяжёлые последствия, ибо нам и всей нашей десантной группе придётся действовать по законам военного времени и в условиях крайней необходимости? Вся ответственность за возможные жертвы ложится на командование корабля, на здесь присутствующих. Вы поняли?

Лейтенант-коммандер, да и все прочие англичане, после всего уже случившегося предпочли вести себя «по факту», отлично уловив содержащийся в словах русского офицера *месседж*². Что интересно, присутствие на мостике двух красивых, как морские ведьмы, тяжеловооружённых девиц способствовало ещё лучшему усвоению ситуации, поскольку до сего момента никаких женщин на корабле не было, это раз, и автоматы у них были явно не английские, это два.

¹ Отрепетовать сигнал — повторить полученный от флагмана флажный сигнал, чтобы подтвердить, что он понят, и передать его следующим в кильватерной колонне мателотам.

² Message по-английски обозначает одновременно «сообщение, донесение, послание, поручение и т. п.». В зависимости от контекста. Такой уж бедный словарным запасом язык.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Командир крейсера коммодор Честер в этот момент вошёл вслед за учёным в его рабочий кабинет, под который тот самым бесстыдным образом использовал запасной адмиральский салон. Большую часть службы почти любого корабля эти роскошные апартаменты пустуют, поскольку адмиралы довольно редко переходят с привычного *флагмана* на корабли второго и третьего ранга, но даже командиры не осмеливаются его занимать, поскольку *идеи* (а точнее — капризы) у носителей широких нашивок возникают спонтанно и воплощаются в жизнь мгновенно. Да и вообще традиция. Но для этого «яйцеголового» сделали исключение. Вроде бы пустяк, но и он на фоне водопада неприятностей, обрушившихся на коммодора, усиливал общее раздражение.

— Скажите, — требовал Честер, стоявший, широко расставив ноги, на тёмно-бордовом ковре, притом, что сам Френч, несмотря на знаки различия младшего по чину, плюхнулся в обширное кресло перед заваленным бумагами, рулонами магнитофонных плёнок и перфокартами столом, — есть какой-то способ обратить возможности вашего *устройства* для спасения крейсера и победы над врагом?

Он уже объяснил профессору суть полученных им от Хилгарта распоряжений и инструкций Адмиралтейства.

— Выбор у нас с вами крайне невелик, хотя мне отвратительно вам это говорить. Или мы как-то сумеем выпутаться, или... Ни один носитель сверхсекретной информации, ни один ваш прибор не должны попасть в руки противника. Меня это тоже

касается, следовательно, мы с вами в равном положении, я могу не чувствовать себя виноватым...

— Было бы неплохо, если бы вы смогли несколько чётче изложить ваши представления о том, чего вы ждёте от меня, — осторожно ответил Френч. Он видел, в каком состоянии капитан, и опасался, что его нервы могут не выдержать раньше, чем профессор найдёт выход, устраивающий всех или в крайнем случае хотя бы его лично.

— Я знаю, что вы можете своими машинами не только помехи ставить, вы загипнотизировать любого способны, как этих русских собирались. Думаете, если с Эвансом от меня таились, то я на своём корабле не знаю всё, каждый шаг, слово и поступок любого? Большая ошибка. Сделайте так — прямо сейчас — усыпите или иным способом обезвредьте всех русских, что здесь находятся. Второе — внушите командованию русской эскадры, что нас здесь просто нет. Что мы идём, как и положено, четвёртыми в кильватере «Тайгера». Разве это так сложно?

Голос капитана прозвучал почти жалобно и с последней надеждой. Действительно, что стоит профессору устроить такой пустяк? Он, в той мере, что ему сочли нужным сообщить, знал и о миссии отряда, и о назначении изуродовавших его корабль антенн и прочих устройств. А остальное выяснил сам, распорядившись установить скрытые микрофоны в жилых и рабочих помещениях незваных гостей, в том числе и Строссона, личного порученца Гамильтона-Рэя, приставленного им наблюдать за этой компанией.

Они воображали, что простодушные моряки понятия не имеют о подобных штучках. Доверенный шифровальщик, уорент-офицер, с которым Честер

отплавал вместе больше десяти лет, круглосуточно писал на магнитофон все разговоры и выкладывал на стол командира краткие, но информативные сводки.

Выслушав коммодора, профессор решил, что *просто словами* доказать ему что-то едва ли удастся.

— Пойдёмте со мной, — предложил Френч наиболее убедительным и внушающим расположением тоном, на какой был способен. За многие годы преподавания в лучших университетах «старой доброй Англии» кому только не приходилось внушать не только знания, но и стиль мышления. От особ королевской крови до полусумасшедших вундеркиндов «из низов общества». — Вы всё увидите и поймёте сами. Тогда и будем решать...

Почти все отсеки кормовой части крейсера, от ЗКП¹ до подбашенного колодца башни «D»², на три палубы, включая верхнюю, были заняты техникой, безраздельным хозяином которой был профессор, сменивший университетскую кафедру на ненадёжную зыбкость корабля.

Невероятные возможности этих устройств, полученных, нужно сказать, при странных обстоятельствах, нельзя было познать в полном объёме, экспериментируя «на белых мышах», условно выражаясь. Хорошо, что нашлись люди, богатые и могущественные, давшие возможность проводить «полевые испытания» в практически неограниченных масштабах.

¹ ЗКП — запасной командный пункт, находится в надстройке позади второй трубы, под кормовым мостиком.

² Башни главного калибра на английском флоте обозначаются буквами латинского алфавита последовательно от носа к корме.

Первый раз Френч под руководством и покровительством очень серьёзного, но и благожелательного джентльмена достаточно успешно применил свою аппаратуру в миллионном мегаполисе год назад. Или — полтора, воспоминания о прошлом странным образом *плыли*, их не удавалось привязать к конкретной дате, а документальных подтверждений, увы, не осталось. Френч несколько позже понял, почему так случилось, но предпочёл оставить эту догадку при себе. То казалось, что работать пришлось в Москве ранней осенью, то — выюжной зимой. И в какой-то странной Москве, не той, где он много раз бывал на симпозиумах и конференциях. Что особенно интересно — в прессу о тех событиях ничего не попало. Совсем ничего. О причинах такой информационной блокады у него тоже имелись соображения. Не вина Френча и его помощников, что всё предприятие (какую бы цель оно ни преследовало) закончилось полной неудачей. Нет, не его, организаторов. Сам профессор получил совершенно сказочный гонорар, а теоретические расчёты и техническое воплощение замысла продемонстрировали высочайшую согласованность¹.

Сейчас — вторая попытка. С учётом всех предыдущих ошибок. Правда — ошибки учитывали те, кто затеял очередную операцию. Самому профессору нужно было только подготовить новых людей взамен потерянных прошлый раз и перестроить алгоритмы под новые планы. И вот сейчас — не хочется об этом думать — эксперимент грозит закончиться значительно хуже первого. Тогда Френч был именно исследователем, сидящем в тепле и уюте

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

и отдающим распоряжения лаборантам и аспирантам.

Профессору только сейчас начало казаться, что дело в неудачном выборе темы и *материала*. Если бы сначала потренироваться на какой-нибудь Колумбии или Сомали — результаты могли бы получиться куда более впечатляющими. А тут чёрт дёрнул согласиться с условиями, выдвинутыми всё тем же сэром Арчибалдом и адмиралом Гамильтоном-Рэем. И как бы ни пришлось расплачиваться головой за научное любопытство и желание хоть на шестом десятке забыть о столь низменной, но, увы, необходимой субстанции, как деньги. Пожить, как подобает джентльмену, избавленному от материальных забот.

Они шли по казавшимся бесконечными отсекам, забитыми снизу доверху лабораторным оборудованием в зелёных и серых металлических ящиках. Мимо людей в белых и синих халатах, трудящихся за письменными столами, пультами вычислительных устройств, у круглых экранов осциллографов и радиолокаторов, по которым бежали колонки цифр и переплетение разноцветных кривых совершенно непонятных графиков.

Сейчас эта спокойная, несмотря на то что происходило на крейсере и за бортом, *академическая* обстановка вызывала у коммодора крайнее раздражение. Сначала ради этой ерунды испоганили его честный боевой корабль, а теперь из-за неё скорее всего придётся умирать. Один повод для горького удовлетворения — не одному ему умирать, всем *этим* — тоже. Даже стрелять не придётся, хотя Френча он с удовольствием пристрелил бы своей рукой. Достаточно по любому телефону передать

условную команду на минно-торпедный пост, и полтонны эластита сделают своё дело, превратят в огонь и пепел все эти «творения высокого разума». Вместе с его, «разума», носителями.

Иногда коммодор Честер умел подниматься до истинно высокой поэзии, почти не уступая своим японским коллегам, успевавшим на гибнущих кораблях сочинять изысканные прощальные хокку, не заботясь, увидит ли кто-нибудь не всегда каллиграфически выписанные иероглифы.

— Уилки! — позвал Френч сорокалетнего мужчину с внешностью боксёра-средневеса, лишь золотые очки и глаза за их стёклами опровергали первое впечатление.

— Мистер Сэм Уилки, — представил его профессор коммодору, — заведующий лабораторией, доктор философии и физики. — Сэм, командир крейсера хочет знать, в состоянии ли вы ввести двести человек из девятисот присутствующих на этом корабле в полную прострацию, мышечную и умственную? Никаких более сложных эмоций, на которые настроены излучатели, не требуется.

— Легко, шеф. Соберите их в подходящее помещение, где мы развернём рефлекторы, желательно так, чтобы они стояли плечом к плечу и не двигались, и всё займёт у меня от силы минуту, — ровный тон Уилки показался Честеру издевательским.

— Как я это сделаю, пусть вы подохнете вместе со всеми своими родственниками?! — взорвался командир. — Они расплозились, как тараканы, по всему крейсеру, взорвали рулевую машину! Откуда мне знать, где они? Их что, пригласить по громкой связи на чашку чая в подходящий трюм?

— А мне? — резонно спросил учёный. — Включив генераторы пси-энергии на полную мощность, я легко могу превратить в пускающих слюну идиотов всех находящихся на борту, включая себя и вас. А выборочно... Вы способны из своего пистолета одним выстрелом убить всю свору атакующих вас с разных сторон бультерьеров?

Переждал исполненный бессильного бешенства взгляд commodora.

— Вот и я тоже. У нас нет возможности воздействовать на людей избирательно. За исключением тех, кто уже прошёл предварительную обработку, чьи характеристики внесены в нужные ячейки памяти, и сами они собраны в нужном месте, оснащённом правильно расположенными волноводами и излучателями...

— А сбить с нашего следа русскую эскадру вы можете? Поставить какую-то завесу... Да, дьявол заberi, сделать хоть что-нибудь?!

— Завесу мы уже поставили. На всех экранах русских кораблей именно то, о чём вы просите. Радиосвязь по-прежнему не работает, радиолокаторы принимают только то, что мы на них транслируем. Они видят — «Гренвилл» вслед за «Тайгером», «Лайоном» и «Блейком», полным ходом идущий на северо-восток тридцатиузловым ходом, успешно увеличивая отрыв, а не болтается, как, извините...

Честер несколько воспрянул духом. Какая-то польза от этих учёных всё же есть. За час-полтора руль как-нибудь приведут в порядок, и тогда полными ходами — пусть трубки в котлах горят — на юг, на юг. До ближайшего нейтрального порта, и катись оно всё... Жить намного лучше, чем не жить, какими бы словами подобная ерунда не облекалась.

«Дульце эт декорум э про патриа море»?¹ Сейчас, ждите...

— Только, сэр, одна маленькая загвоздка. На антенны русских мы сигнал посылаем, а вот как быть с глазами пилотов русских разведчиков? В оптическом диапазоне мы — как на ладони, прошу прощения, сэр. А ещё есть моряки русского парохода, что болтаются у горизонта. Они тоже нас видят. То есть на повестке один вопрос: кому поверит русский адмирал — донесениям своих радиометристов или непосредственным наблюдателям?

Вот чему коммодор за свою сравнительно долгую жизнь не научился — так это нормальному русскому мату — командному языку вероятного противника. Отчего выругался совсем не остроумно, пусть и экспрессивно. Состояние его для людей, профессионально занимающихся в том числе и психологией, было вполне очевидно. Таким людям, как Честер, да и всем другим коммодорам и адмиралам, правильнее всего — стоять на мостиках и вести куда-нибудь свои железные коробки, зная лишь пункт назначения. Думать при этом о чём-то отвлечённом — явно непосильный труд. От перенапряжения у них может «выбить предохранители» и тогда...

Френч почти незаметно кивнул доктору Уилки, тот — кому-то ещё. И коммодор с мгновенно остекленевшими глазами сначала пошатнулся, попытался что-то сказать коснеющим языком, потом, медленно подогнув ноги, опустился на палубу отсека, превращённого в лабораторию. Пару секунду посидел в позе Будды и повалился вперёд, ткнувшись лбом в палубу.

¹ Сладостно и почётно умереть за Родину (лат.).

Учёные умирать не хотели, ни за «старую добрую Англию», ни за деньги. Куда проще нейтрализовать одного коммодора, накрыв его лучом из параболической антенны. Этот портативный излучатель, с дальностью всего двадцать метров и углом раствора всего в десять градусов был установлен одновременно с монтажом всего оборудования, и на такой, в частности, случай. Любого человека или сколь угодно большую группу, оказавшуюся в пределах расположенных в ключевых точках, чётко очерченных прямо на палубах рабочих помещений и приборных отсеков зон, можно было парализовать, стереть память или заставить делать то, что потребуется специалистам. Сейчас времени программировать объект не было, и его просто отключили.

— Ну и что теперь, мистер Френч? — спросил Уилки, — строго по букве закона мы с вами заслуживаем суда и приличного тюремного срока.

— Сомневаюсь, что в ближайшее время этот факт станет предметом расследования. Назревают куда более масштабные события.

— События меня занимают гораздо меньше. Меньше, чем возможность взлететь на воздух или быть банально расстрелянными. Капитан выразился вполне недвусмысленно — попасть живыми в руки русских нам никто не позволит...

— И что теперь? Вы в состоянии прямо сейчас написать программу, способную заставить капитана отменить все свои планы и инструкции относительно нас?

— Конечно, нет, и вы это знаете, — пожал плечами Уилки. — Зато мы можем немедленно привести его в чувство и *очень убедительно попросить* сделать то же самое без помощи техники...

— Если вы в состоянии сделать это — так не теряйте времени. Таймер уже, возможно, отсчитывает последние минуты...

— Кстати, о таймере, сэр, — вмешался инженер не слишком высокого статуса, работавший за одним из ближайших столов, — вам не кажется, что не только капитан, кое-кто ещё мог озаботиться сохранением «тайны государственного значения»?

— Чёрт возьми, Френч, — сказал Уилки, больше не считающий нужным употреблять в отношении руководителя, ставшего *подельником*, вежливые приставки, — а парень прав, тот же проклятый Эванс вполне может нажать какую-нибудь хитрую кнопочку.

— Ну и ваши действия в таком случае?

— Очень просто, — снова ответил инженер. — Я сейчас же могу запустить один генератор, блокирующий, грубо говоря, движение и взаимодействие заряженных частиц в проводниках и диэлектриках. В нашем случае — ни одна управляющая команда ни от какого прибора никуда не дойдёт. От карманного пульта до взрывателя мины — в том числе. Едва ли мистер Эванс, подобно Гаю Фоксу¹, побежит с факелом в пороховой погреб...

— А вы представляете, что в этом случае произойдёт со всей остальной электрикой и электроникой крейсера? — спросил Френч.

— А нам какое дело? Я так понял, речь идёт о спасении собственных задниц в первую очередь...

¹ Фокс, Гай — английский дворянин-католик, участник т. н. «порохового заговора» против короля Якова (1605 г.), которому было поручено поджечь фитиль, ведущий к бочкам с порохом, спрятанным в подвалах королевского дворца.

Эффект от срабатывания программы был действительно впечатляющий. Выглядело это, как если бы разомкнуть все синапсы¹ нервной системы человека. Впрочем, нет, не все, а только те, что связывают головной и спинной мозг с двигательными центрами. Мыслить человек по-прежнему может, а вот произвольно двинуть хоть одним пальцем, хоть веком дрогнуть — увы! То же и крейсер. Зря старался Карташов, грубо и нецивилизованно обещочивая пост живучести. Обычный штатский инженер одним щелчком тумблера превратил современный, напичканный электропотребляющими приборами корабль в подобие флагманского корабля Нельсона или даже древнегреческой триремы. Общим для этих плавсредств было то, что единственными источниками энергии остались мускульная сила да огонь в камбузной печке и на кончике фитиля масляной лампы или сальной свечи. Даже батарейки и аккумуляторы карманных фонариков разрядились в ноль.

Правда, нужной команде Френча аппаратуры этот «блэк-аут» не коснулся, она по-прежнему работала, должным образом экранированная и имеющая автономное питание. Иначе что бы значили эти гражданские люди со своими, ставшими ничёмными приборами на охваченном паникой и смутой судне? А так они могли сохранять суверенитет, ощущая себя высокоучёными монахами хорошо укреплённого монастыря в охваченной феодальными смутами средневековой Европе.

¹ Синапс — область контакта (связи) нервных клеток (нейронов) друг с другом и с клетками исполнительных органов. Крупные нейроны головного мозга имеют до 20 тыс. синапсов, некоторые — только по одному.

Находившиеся рядом инженеры вмиг оттащили commodora в свободный от приборных шкафов угол, да там и оставили лежать прямо на линолеуме. Некому было сейчас о нём заботиться, и незачем тоже. Френч с помощником соображали, как действовать дальше, остальные, бросив работу, демонстративно закуривали там, где это раньше категорически запрещалось, и горячо обсуждали случившееся и ближайшие перспективы.

В принципе, неплохим был только что предложенный вариант — парализовать вообще всех людей, находящихся на корабле, кроме учёных, поставить вокруг него мощную гипнотическую завесу, чтобы несколько часов, пока протянут аккумуляторы, русские не могли его увидеть, а тем более — захватить. Самим уничтожить оборудование и документы, спустить на воду мореходный катер и направиться в сторону ближайших островов. Причалить к берегу в небольшом туристском городке, выдать себя за обычных путешественников или, вообще не привлекая ничьего внимания, взять такси до аэропорта — и на этом всё.

Схема до крайности простая, но на практике трудноисполнимая. Прежде всего потому, что ни один из людей Френча понятия не имел о том, как это сделать практически. Как говорил один доморощенный мыслитель: «Легче нести ахинею, чем бревно». Легче разработать программу одновременного перепрограммирования тысяч людей, чем вручную наладить тали и спустить на воду, при неработающих электромоторах шлюпбалок, двадцатитонный катер. Остальное — из той же оперы. Как, например, пройти несколько сотен океанских миль и попасть в крошечные, как мушиный след на

★ глобусе, острова, не умея пользоваться навигационными приборами?

Значит, нужно придумать что-то другое. Например, опять-таки парализовать весь экипаж крейсера, потом десяток наиболее подходящих тел перетащить в одну из лабораторий, вновь вернуть к жизни, наложив при этом на сознание нужную поведенческую программу: «Беспрекословно повиноваться, доставить господ учёных до ближайшего безопасного населённого пункта, после чего всё забыть. Навсегда». Технически возможно, но займёт минимум четыре-пять часов, это не считая времени, нужного, чтобы удалиться за пределы видимости русских кораблей, которые уже будут в рядом с крейсером, пусть и невидимым. А как быть с барражирующими в небе самолётами?

Неизвестно, существуют ли в английском языке поговорки, аналогичные русским про гору и Магомеда, про волка и ловца, на которого ему следует бежать, но сработать она сработала. Распахнулась наружу выходящая на левый борт кормовой надстройки дверь, прямо под крылом мостика, и в просторное помещение салона нельзя сказать, что ворвалась, скорее — проникла, а ещё лучше — перетекла с палубы совершенно бесшумно стройная девушка.

Камуфляжный костюм неизвестной английским учёным расцветки безупречно, как туалет от Харрордса, сидел на её высокой тонкой фигуре. Изяществу фигуры и движений, подходящих арабской танцовщице, не мешало даже огромное для нормального человека количество оружия и боеприпасов, распределённых на ремнях и в многочисленных карманах брюк и куртки. Ещё учёным мужам

бросились в глаза прекрасные волосы, большие, будто светящиеся глаза и лицо, своими чертами свидетельствующее о безусловно славянской принадлежности этой дивы.

Остановившись в четырёх шагах от Френча, она немедленно направила свой автомат на ошеломлённых её появлением «специалистов».

— Все поднимают руки и не двигаются с тех мест, где сейчас находятся, — сказала девушка на безупречном английском, но с совершенно не свойственными этому языку мягкими мелодичными интонациями и обертонами. Половина находящихся в «лаборатории» Френча людей не столь уж давно работала несколько месяцев в Москве, близко общались с русскими девушками и дамами, оттого не могли спутать этот, если так можно выразиться, «акцент» ни с каким другим.

Мистер Чарльз Доджсон, более математик, чем писатель Льюис Кэрролл, о подобных ситуациях выразился метко: «Становилось всё страньше и страньше». Вот и мистеру Френчу стало совсем уже странно. Русская эскадра ещё достаточно далеко, в полусотне миль примерно, а откуда тогда «это»? Тяжеловооружённая мисс, судя по всему, не могла скрываться среди подготовленных к «спецобработке» русских волонтеров, никакой грим не помог бы прятаться девушке со столь выраженными формами в тесных кубриках среди сотен мужчин, при отсутствии индивидуальных галююнов, душевых и умывальников. Разве только... — мелькнула у профессора интересная мысль.

При всеобщей растерянности, не исключившей, впрочем, вполне естественного, инстинктивного, без участия мыслительного аппарата интереса по-

лутора десятков молодых мужчин, вторую неделю обходившихся «без берега», к прелестной, слишком уж отличающейся от дубоватых соотечественниц особе, появление двух её коллег, тоже с автоматами, дополнительного ажиотажа не вызвало. Они как раз выглядели именно теми самыми волонтерами, кандидатами в зомби и ещё раз на тот свет. От них даже пахло так, как и должно — потом, не только своим, табачным перегаром, впитавшемся в одежду, многими другими ароматами, свойственными обитателям казарм, тюрем и корабельных кубриков.

И никаких специальных пояснений их появление не требовало — людям, привыкшим мыслить аналитически, всё стало понятно. Русскими проведена вполне успешная *контракция*, задуманная, как только им стал известен план «Дискрешен»¹. Откуда известен и как — не суть важно. Важно, что русские морские диверсанты захватили корабль, любезно приглашённые на борт британской разведкой. Тем самым не только выполнили свою задачу, но и дали ответ на так мучившую Френча и его людей проблему.

— О, ...! А кто это тут у них, ...? — нецензурно, не стесняясь присутствия Марии, удивился Кузнецов, увидев распростёртое на линолеуме массивное тело командира, явно не подающего признаков жизни.

— Если я правильно понимаю, — ответила Варламова, наизусть знавшая знаки различия всех ар-

¹ Discretion — при обычном английском дефиците словарного запаса может означать «осмотрительность», «осторожность», «свободу действий», «личное усмотрение кого-то» и ещё т. п.

мий и флотов мира, как «цивилизованных», так и «независимых» республик, империй, султанатов, герцогств и прочих образований, доросших до формирования регулярных вооружённых сил, — перед нами как раз командир данного крейсера. Едва ли на нём служат сразу два коммодора. Да вон и серебряный значок на кителе... И что же мы видим на этой интересной картинке? — спросила она тоном учительницы, преподающей французский язык в детском саду по методике мадемуазель Марго.

Сама же и ответила:

— Мы видим либо приключившийся с господином коммодором совершенно неожиданный инсульт. Либо — банальный бунт на корабле, начинающийся, как водится, с убийства капитана. Только вот состав заговорщиков... кажется... мне... — Мария говорила всё медленнее, язык совершенно не слушался, и в глазах плыло. Ещё секунда, и с ней случится то, что уже произошло с командиром. Инсульт не инсульт, но тотальное поражение речевых и двигательных центров. А вот сознание пока сохранялось. Такая специфика испытанной на Честере программы — новая задача накладывалась на мыслящий, но отключённый от своих эффекторов мозг.

Егор уже лежал на полу, сражённый мгновенным параличом. Карташов отстал на два-три метра, его достало не так тотально, но и он сползал на палубу, выронив ППД и бессильно цепляясь скрюченными пальцами за броневую дверь. Маша это видела и, успев понять, что происходит, словно зависла между стремлениями нажать спусковой крючок или выхватить блок-универсал из нагрудного кармана.

Слишком неожиданно всё случилось. Именно к такому повороту событий никто не был готов. Мистер Уилки оказался сообразительнее всех. Только валькирия появилась и заговорила, он быстрым движением, пока никто не помешал, повернул верньер одного из своих устройств. На его метнувшуюся к пульту руку никто не обратил внимания — все смотрели совсем не туда, куда стоило бы, да и Мария неизвестно с чего разболталась сверх меры. Видимо, на неё так своеобразно подействовало плавно наращивавшее свою напряжённость психополе.

Только Френч и его сотрудники не учли того факта, что Варламова, пусть и была анатомически и физиологически совершенно нормальным человеком, но мозг её и психика функционировали несколько в другом режиме, «на другой волне», не на той, под которую был подстроен оптимум генератора. Да кроме этого, включённый гомеостат хотя и не нейтрализовал внешнее психополе, но значительно повышал общую резистентность организма валькирии. Проще говоря, до последней возможности не позволял ей потерять сознание и контроль над своим телом. Точно так же она держалась бы на ногах и сохраняла сознание даже с простреленным сердцем, пока организм затягивал рану и подключал резервные источники жизненных сил.

Маша совершенно инстинктивно, не зная об ориентации психополя, просто чтобы расширить сектор обстрела и получить большую свободу действий, попыталась отскочить назад, к комингсу двери.

Отскочить — слишком сильно сказано, она качнулась назад и сделала два шага, еле-еле сохраняя равновесие и напоминая сильно пьяного, из послед-

них сил держащегося на ногах человека. Ноги подгибались, и глаза, словно дымом, затягивало серой мутиью. Очень трудно стало вдыхать густой и липкий воздух.

Целую секунду учёная братия напряжённо ждала — когда же упадёт, наконец, эта девчонка без чувств, как её напарники, и не успеет ли сначала перекрестить салон длинной автоматной очередью. Ствол она так и не опустила, значит — несколько пуль наверняка кому-то достанутся. Вопрос — кому конкретно.

Девушка, выйдя из фокуса магического эллипса, пришла в себя так же быстро, как и начала впадать в транс. И злость её охватила нешуточная. Всё же совсем обычной девушкой она до сих пор не стала. Когда начали действовать глубинные стереотипы, наносная культура, приобретённая за последний год, ещё удерживалась, но уже еле-еле. Реакция разъярённой пантеры была бы более естественной, чем старательно удерживаемая личина девицы Варламовой, якобы внучки-правнучки знаменитых композиторов, актёров и многих поколений военнослужащих дворян.

Пули короткой, в три патрона, очереди разместили седеющие волосы и оставили глубокую царапину на куполообразном черепе доктора физики и философии, оправдавшего-таки свою полубандитскую внешность. Мария подсознательно зафиксировала его движение к пульта, и теперь, когда возникла необходимость, могла бы с точностью указать, какой именно тумблер включил учёный. Просто в тот момент она ожидала от противника более агрессивных поступков, вот и просмотрела этот, мелкий.

— То, что голова ещё цела, это не ваша удача, а мой каприз, — сообщила девушка, окончательно приходя в обычную психологическую и физическую форму. — Пока я не устроила принудительную вентиляцию в каждом из находящихся в пределах прямого выстрела организмов — немедленно привести моих друзей в исходное состояние, — подпоручик мельком взглянула на магазин своего автомата, как бы прикидывая, не раздаёт ли несбыточных обещаний, то есть — хватит ли патронов на каждого из присутствующих. Кивнула успокоенно-удовлетворённо. — Минуты вам достаточно на обратную операцию или требуется дополнительная стимуляция?

Снова взгляд на «ППС» с открытым затвором на боевом взводе, теперь чуть более задумчивый. И совсем лёгкая мечтательная улыбка, скользнувшая по губам.

Речь красавицы, столь виртуозно владеющей своим огнестрельным оружием, сама по себе оказалась на присутствующих воспитательное воздействие. Они просто не знали, что валькирии были с детства приучены формулировать свои мысли ясно, доходчиво, в наиболее подходящей к обстоятельствам стилистике и тональности. Разумеется, okazись Маша в положении Кристины, на одесской Молдаванке с её специфическими аборигенами, она легко сумела бы использовать лексикон, экспрессию и неповторимый акцент торговли с Привоза или «воровки на доверии», но здесь избранный ею стиль был более уместен.

— Время пошло...

Одной левой рукой, не опуская автомата, она извлекла из нагрудного кармана портсигар, прихва-

тила губами фильтр сигареты, заодно выставила на клавиатуре команду «Переход». Предварительную. Вдруг ситуация потребует экстренной эвакуации. Тогда стандартного резерва «растянутого настоящего» хватит ей, чтобы выскочить с корабля в Замок, даже если неприятный тип в белом халате нажмёт сейчас, к примеру, невидимой отсюда ногой кнопку самоликвидации.

Однако на такую героическую глупость мистер Уилки и все его коллеги отнюдь не ориентировались.

Прикурив, Маша выпустила дым и на всякий случай сообщила в пространство между собой и учёными:

— Такая сигарета горит в среднем две минуты, а я до фильтра докуривать привычки не имею...

— Не беспокойтесь, мисс, всё будет в полном порядке. Я уже снял поле. Ваши друзья как раз через минуту-другую начнут приходить в себя. Только, прошу вас, больше не делайте опрометчивых движений... Мы, честное слово, не хотели вам ничего дурного, мы, напротив, второпях приняли вас за пособников командира и, так сказать...

Варламова присела на край лабораторного стола, сбила о какой-то прибор удлиняющийся столбик пепла.

— Хватит трепаться. Все мои движения исключительно целенаправленные. От опрометчивых следует воздерживаться вам. Сегодня в особенности. Это явно не ваш день. Но если его переживёте, в дальнейшем такая привычка лишней тоже не будет...

Видно было, что прелестная русская спецназовка не прочь поболтать на общепhilософские темы

даже в такой обстановке. Это сразу успокоило сотрудников, не имеющих непосредственного отношения к руководству «проектом», а один программист в дальнем углу с радостью и некоторым стыдом за неподвластную разуму физическую реакцию организма вдруг понял, что влюбился в эту славянскую Лорелею раз и навсегда. И, прикажи она, без колебаний воткнул бы кинжал (будь он у него) в спину самого профессора Френча, а пуще того — мерзавца Уилки, дерзнувшего посягнуть на жизнь этого ангела, пусть и вооружённого в данный момент. Но ведь мир так груб и несовершенен, как ещё слабой девушке защитить свою жизнь и честь?

Это может показаться невозможным, но Маша сейчас волевым посылом, брошенным в пространство и нашедшим самую расположенную к восприятию жертву, в течение нескольких минут достигла того же результата, что Миледи, в течение пяти дней нейролингвистически охмурявшая пуританина Фельтона, чтобы убедить его убить герцога Бэкингема¹.

На третьей минуте Егор Кузнецов, поднявшийся как после нокаута, но не ощущая сопутствующих последствий, почувствовал себя достаточно пришедшим в себя, чтобы от всей души, как иногда позволял себе «поучить» матроса, совершившего нечто такое, за что грозил беспристрастный и не нарушающий «прав человека» трибунал, врезал по зубам столь много сегодня претерпевшему Уилки.

Вслед за этим, хотя и не поэтому, полностью вернулся в окружающую реальность и Карташов.

¹ См. роман А. Дюма «Три мушкетёра».

— Давайте, господин инженер, начинайте разбираться, какая от нас с вами польза здесь, и нам — от этих высокоучёных придурков, — сказала Варламова Николаю, увидев, что он «вполне в меридиане».

Читая очень много книг и смотря фильмы, а также часто последнее время общаясь с Фёстом, валькирии обогатили свой лексикон огромным количеством слов и фразеологизмов, позволявшим легко поддерживать желаемый имидж в любой компании.

— Я ведь совсем по другим вопросам спец, — сообщил Николай, жадно при этом рассматривая стенды и пульта, богато орнаментированные циферблатами, всякого рода экранами и экранчиками (от спичечной коробки размером и до полуметра в диагонали), а также кнопками и тумблерами. — Вы ведь, мадемуазель подпоручик, что в итоге хотите узнать и чего добиться?

— Знаете, вы меня лучше Машей называйте, — сказала валькирия, которую издевательски-вежливые обращения Карташова уже достали. — Нас зачем послали? Вас — обеспечить сохранность корабля и аппаратуры, меня — вас защищать. Я со своим делом вроде справляюсь, а вы?

Николай демонстративно тяжело вздохнул, забросил автомат за спину и подвинул к себе кресло перед пультом, пальцем указав, где должен стоять Уилки. Отчего-то все посчитали его главным, как-то упустив из внимания Френча, чему тот был чрезвычайно рад и сейчас прикидывал, не удастся ли как-нибудь подобраться к ведущему «в низы» люку. Там — три метра скобтрапа, не очень длинный коридор и спуск в подбашенные отделения, где расположено «сердце» всей конструкции, центральный процессор, переданный ему сэром Ар-

чибальдом Боулнойзом ещё два года назад, когда затевалась операция в Москве. Без этого процессора все остальные двенадцать тонн оборудования не имеют никакого смысла, их можно спокойно передать русским. Они до пришествия Машиаха¹ будут пытаться разгадать, для чего всё это сделано каким-то сумасшедшим любителем микро- и макроэлектроники. А вот если сумеет его унести и спрятать — тогда, считай, ничего ещё не потеряно, и попытку «Дискрешена» можно повторить снова и снова. Или, если так сложится, продать тем же русским, за очень хорошие деньги. Мистер Френч был человек весьма злопамятный и «истинный патриот», только свой «британский патриотизм» толковал очень и очень расширительно.

Мария между тем, отдав необходимые распоряжения Карташову и вполне положившись на Егора в смысле обороны занятой территории, решила обратить внимание на молодого человека в углу. Наблюдательность у валькирий была, можно сказать, генетическим качеством, и в «Печенегах» её старательно культивировали. Любой офицер этого подразделения должен был уметь и за уличного филёра² работать, и снайпером в засаде сутки пролежать, фиксируя каждое шевеление в полукиломе-

¹ Машиах (*ивр.*) — то же, что и мессия, Спаситель или «Помазанник». В иудаизме, в отличие от христианства, он всё ещё не пришёл, евреи ждут его уже три тысячи лет. Когда он наконец явится, то вернёт в мир справедливость и реализует все законы Торы, а также воссоздаст «настоящее» еврейское государство. Поэтому с точки зрения ортодоксальных иудеев нынешний Израиль «нелегитимен». На тему прихода Машиаха имеется достаточное количество русско-еврейских анекдотов.

² От *франц. fileur* — «сыщик». В России с конца XIX века официальное наименование агента службы «наружного наблюдения».

тровом радиусе, и проявляющего к тебе излишний интерес человека на балу в тысячу гостей распознать.

Вот и она узнала обращённый на себя взгляд *попавшего на крючок*. Довольно, в общем-то, симпатичного парня лет около двадцати пяти, хотя и не лишённого типичной «островной» *гебильноватости*. У каждой нации есть свои характерные черты, по которым их представителей можно различить в разноплеменной толпе. У англичан примерно с середины прошлого века ускоренными темпами начал формироваться такой странноватый фенотип — взрослые, вполне образованные и «состоявшиеся» мужчины через одного стали выглядеть выпускниками хотя и престижной, но «коррекционной» школы. Немотивированные улыбки, натужная моторика лицевых мышц, предельно упрощённые речевые конструкции с обилием бессмысленных междометий. В России школы для детей с задержками умственного развития неполиткорректно продолжают называть «вспомогательными», если не хуже. Что особенно интересно — британцы, вплоть до начала второй половины XX века такого впечатления не производили, совсем напротив. А потом вдруг «процесс пошёл».

Этот инженер тоже, хотя и совсем чуть-чуть, смахивал на дауна. И смотрел он на девушку с тем самым выражением восторженного обожания, когда вот-вот — и слюна изо рта закапает.

Причина Марии была вполне понятна, она знала, как *пойманные* могут себя вести. Но обычно для нужного эффекта требовалось больше времени и усилий. Впрочем, Юрий сегодня тоже в несколько секунд, без специального *позыва* выделил её среди ничуть не менее привлекательных подруг. Правда,

в Замке она была одета чуть откровеннее остальных.

— День добрый, мистер ...? — сказала она, подойдя к парню, не слишком выразительно, но всё же благожелательно ему улыбнувшись.

— Майкельсон, мэм, Томас Майкельсон, — сглотнув, ответил он, не заметив, что употребил по отношению к девушке не слишком распространённое теперь обращение, которым принято было именовать женщину старше себя возрастом и особенно положением. Вот если бы к Сильвии он так обратился, было бы понятно...

— Очень приятно, Том, а меня зовут Мэри, — сказала валькирия, перекладывая автомат из правой руки в левую и протягивая узкую, слегка грязноватую, в полосках копоты и масла ладонь (всё же никогда на британских кораблях не добивались той чистоты, что на русских).

Майкельсон схватил эту совсем не подходящую для такого использования ручку и приложился к ней губами, словно какой-нибудь польский шляхтич ягеллонских времён.

В другой ситуации можно было подумать, что парень так изошрённо дурака валяет с некоей тайной целью, но от этого истекал эмоциональный фон такой напряжённости, что Маше стало даже немножко не по себе.

То она привлекла внимание отставного штабс-капитана Бекетова (но тот хоть вёл себя до предела сдержанно), то этот... вуайерист¹ слюни распустил. Какой-то сегодня день... особенный. Точнее, начался он с *особенной* ночи. И она, и большинство под-

¹ В у а й е р и с т — человек, получающий эротическое удовольствие визуальными способами.

руг уже не те, что были лишь вчера. Но что же так разительно изменилось? Они изменились оттого, что резко изменились обстоятельства, или совсем наоборот?

Но Майкельсону она ответила предельно мягко, убрав руку за спину:

— Не следует этого делать, я совсем не та, за кого вы меня приняли. Проводите меня в ближайшее свободное помещение, я хочу кое о чём поговорить с вами наедине...

И опять этот наверняка не совсем вменяемый молодой человек (среди талантливых физиков таких едва ли не половина) понял её совершенно неверно.

«Какое счастье, богиня заметила его, простого смертного, и снизошла до личной беседы!» Будто какая-нибудь Афродита или Артемида обратила внимание на попавшегося на глаза обычного грека.

Сопровождаемый недоумённо-опасливыми взглядами прочих сотрудников лаборатории, а прежде всего доктора Френча, Майкельсон через прилегающий к отсеку тамбур провёл Марию в комнату отдыха для персонала, где инженеры устраивали перекуры, пили кофе и обсуждали всякие не имеющие отношения к работе темы во время долгих, двенадцатичасовых дежурств. Отчего-то Френч категорически не желал ввести для своих сотрудников нормальный судовой график вахт, «четыре часа через восемь».

Подпоручик села в полукресло из негорючего пластика, положила на стол со следами кофейных чашек и подпалинами от сигарет автомат. Указала инженеру место напротив.

★ Мария сразу перешла к делу, мельком посетовав, что нет у них времени поболтать подробнее и спокойнее, выпить по чашечке кофе, а то и ещё чего-нибудь. Она, мол, всегда испытывала уважение к образованным молодым людям, да ещё и занимающихся такими интересными проблемами...

— Вы хотите кофе? Я сейчас сделаю, — дёрнулся парень в сторону большой стационарной кофеварки, более подходящей приличному бару.

— Сиди, я сказала! Потом — значит, потом. А сейчас быстро, очень подробно и на доступном мне языке — у меня высшее образование, но не по физике, к сожалению — ты рассказываешь мне, чем вы тут занимаетесь, и показываешь, как вашей техникой управлять. Чисто на пользовательском уровне, без всяких теорий. На всё десять минут. Хватит?

Чтобы просто посмотреть на предмет своего обожания, Майкельсону не хватило бы и суток, но если она требует уложиться в десять минут — как возразить? Можно постараться сообщить всё, что ей нужно, ещё быстрее, а оставшееся время... Нет, тогда она может встать и уйти по своим делам. Нужно говорить с ней как можно дольше, делая вид, что короче изложить не получается.

Томас говорил, а Мария включила блок-универсал на аудио- и видеозапись, потому что инженер по привычке специалиста не мог не иллюстрировать свои слова формулами и рисунками на висевшей позади него грифельной доске. Иначе эти ребята, наверное, мыслями и идеями обмениваться не умели.

Сама девушка в суть его слов не вдумывалась, есть люди, которые разберутся во всём и решат,

как нужно действовать. Она же просто собирает информацию, как обычный войсковой разведчик.

Пока всё идёт, как намечено, в смысле сейчас выполняемого задания. Дай бог и дальше так. Но она никак не могла успокоиться от всего, случившегося раньше. А ведь с ней, и не только с ней, со всеми остальными подружками, кроме, может быть, Людмилы и Герты, что-то этой ночью произошло. Вот хотя бы взять внезапно открывшуюся способность работать с блок-универсалом так, что и Сильвия «в изумление пришла», и агтрианские буквы понимать.

Снова всплыла в памяти вьюжная ночь на Таоррэре, проведённая в спокойных, можно сказать — дружеских, если бы не разница в возрасте, разговорах с Александром Ивановичем Шульгиным. Его слова о подарке, да таком, что она вспомнит только тогда, когда станет очень, очень нужно. А вспомнит — и всё потом будет получаться так, как сама захочет.

— Правда, *хотеть* придётся очень ярко и убедительно, со всем напряжением внутренних сил... — сказал этот необыкновенный мужчина, пуская дым сигареты в чуть приоткрытое окно лоджии, за которой свирепствовала прямо-таки антарктическая снежная буря.

Тогда она восприняла его слова с известной долей скептицизма, так как недавно прочла одну интересную книгу, где ей понравилась афористичная мысль: «Слова, сказанные ночью, разве могут они быть правдой?»

А вот прошло не так уж много времени, и те слова правдой всё же оказались, она явно научи-

лась создавать и удерживать пресловутые «мысле-формы». Впрочем, сейчас это несущественно.

— Вы, Том, упомянули про некий процессор, управляющий всем *нестандартным* оборудованием крейсера? Это очень интересно. Знаете, я вообще с удовольствием пообщалась бы с вами в другой, более приятной обстановке, не отказалась, если бы вы пригласили меня поужинать вместе. Не здесь, конечно, на берегу. Мы ведь скоро окажемся в Лас-Пальмесе или Фуншале. Вот там...

Удар, конечно, был явно ниже пояса. Впрочем, ничего невозможного или неприличного «Мэри» не обещала. Но ради того, чтобы получить в целости и сохранности этот загадочный «процессор», очень возможно — продукт иных миров и цивилизаций, если вспомнить всё то, что она слышала о событиях московской операции «Мрак и туман»¹, она без всяких сомнений легко пообещала бы британцу гораздо большее.

На инженера тяжело было смотреть. Не нормальный взрослый человек двадцать первого века, а какой-то персонаж века четырнадцатого, которому «дама сердца» пообещала за победу в турнире подвязку «своих цветов».

— Так покажи мне этот «процессор». Я вообще любопытная девушка, интересуюсь техникой. А тебе ведь ничего не стоит такая мелочь... — Она постаралась ещё совсем чуть-чуть усилить нажим на его психику. Именно так — только словами и взглядом. Нельзя пережимать.

— Конечно, конечно, Мэри, я немедленно вам покажу эту штуку. Вообще-то с ним работает только мистер Френч, иногда — Уилки, но сейчас, я ду-

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

маю, они нам не помешают... Но, — лицо инженера выразило некое сомнение, — разве мы отсюда пойдём в Фуншал? Я слышал нечто другое...

— Кроме как туда, нам теперь некуда идти. Очень скоро ваш корабль будет интернирован, на основании морского призового права, но тебя это не коснётся, обещаю. И мы сможем продолжить наше знакомство. Пойдём, где там этот ваш... процессор?

Майкельсон с готовностью поднялся.

— Идёмте, здесь недалеко.

— Минуточку, я только предупрежу своих товарищей...

Мария подошла к двери в салон, собираясь отдать Карташову распоряжения на время её отсутствия, но совсем немного не успела.

Она была в шаге от комингса, как из распахнутой стальной двери напротив, ведущей на мостик, ударил плотный автоматный огонь. Первые очереди прицельные, по стоявшим слишком близко и открыто Николаю с Егором, остальные — «по площадям», как это называется в артиллерии. Стреляли из пяти или шести стволов, не жалея патронов. Очевидно — выживание «технического персонала» для нападающих значения не имело.

Хорошо, что двери салона и «комнаты отдыха» находились не на одной оси, первая была прямо посередине, а вторая — метра на четыре левее, почти в самом углу. Поэтому все пули хлестнули по десятимиллиметровой переборке, не пробив её, и устроили *пляску рикошетов*, пронзая пространство во всех направлениях и под самыми невероятными углами. Варламовой хватило секунды, чтобы понять — и Карташов, и Кузнецов убиты наповал,

никакой гомеостат им уже не поможет, если бы и была возможность его использовать. Жаль, но что поделаешь? Нужно продолжать выполнение боевой задачи, пока сама имеешь эту возможность.

За долю секунды девушка сообразила, что стрелять в ответ бессмысленно, перед дверным проёмом никого не видно, и пули уйдут «в голубую даль», а время будет потеряно. Вместо этого Мария выхватила из гнезда на поясе осколочную гранату и, сдёрнув кольцо, без замаха, от груди выбросила её наружу, на палубу, так, чтобы она откатилась вправо. Не слишком подготовленному человеку удобнее стрелять, поворачивая ствол справа налево, поэтому и входы в помещения атакуют обычно, исходя из этого стереотипа. Следом полетела вторая, на этот раз в расчёте на нестандартно мыслящего противника. Времени, пока гранаты летели и взрывались, ей хватило, чтобы захлопнуть стальное полотнище и повернуть головку внутреннего замка. Настоящие задрайки в жилых помещениях выше ватерлинии не ставились.

— А вот теперь начинаем двигаться *очень быстро*, — сейчас её голос не нёс в себе тех *обволакивающих* обертонов, делавших его так похожим по воздействию на песни гомеровских сирен. Майкельсон выглядел совершенно обалдевшим от очередной смены сюжета, но, по счастью, в ступор не впал и сохранил способность выполнять адресованные ему команды.

Мария понятия не имела, сколько человек напали на лабораторию и скольких вывел из строя взрыв её гранат. Но времени у неё нет совсем, услышав взрыв и стрельбу, друзья со своей позиции её поддерживают, хотя бы и неприцельным огнём, могут и из

зенитных автоматов ударить. И, значит, нападающим нет другого пути, как пробиваться внутрь корабля, вслед за ней, тем более что и другой цели у них наверняка нет. Едва ли какие-то случайные моряки просто так, спонтанно, решили вдруг напасть не на передний мостик и ходовую рубку, а именно на это средоточие корабельных, и не только, тайн.

— Нам куда?

Инженер махнул рукой в сторону сходного трапа из разделявшего помещения салона тамбура.

— Вперёд! — она подтолкнула Майкельсона стволом в поясницу. Сама задержалась всего на несколько секунд — пристроить к двери мину-ловушку из двух гранат. Если враги начнут ломиться, рассчитывая на заведомую хлипкость защёлки, едва ли пригодной на большее, чем противодействие корабельным сквознякам, некоторые из них даже не узнают о своей оплошности, а остальные наверняка задержатся на какое-то время.

Три метра вниз по трапу, метров пятнадцать пробежки по коридору, ещё одна дверь, уже посolidнее, но тоже незапертая, а за ней — просторный отсек, от палубы до подволока по всем четырём переборкам уставленный металлическими приборными шкафами. Иллюминаторов нет, но Мария заблаговременно включила свой фонарь, весьма компактный, но с яркостью посильнее, чем у иного стационарного светильника.

У трёх переборок рабочие столы, напоминающие диспетчерские пульты, почти с тем же количеством контрольно-измерительных приборов и управляющих кнопок, клавиш, тумблеров и верньеров, что и наверху. Не зная, что здесь к чему, и за день не разберёшься.

— Ну, где твоё железо?

— Вот он, здесь, сейчас...

Инженера запоздало начала бить крупная дрожь, Варламова даже испугалась, что он не сможет отвернуть крепящие блок барашки.

Но ничего, справился. И отвернул, что нужно, и извлёк зеленовато-серебристый металлический ящик, на вид — килограммов в десять весом.

— Это всё? — с сомнением и долей угрозы спросила Мария. — Смотри, если что не так, возвращаться не стану. А ты за саботаж ответишь...

— Всё, абсолютно всё, — если бы не процессор, инженер непременно клятвенно прижал бы руки к сердцу, — прочие составляющие в любой приличной лаборатории подмонтировать можно.

— Тогда побежали. По низам дорогу найдёшь, чтобы сразу на ходовой мостик выйти? Я на вашем корабле не очень ориентируюсь...

— Конечно, конечно. Выведу. Только вдруг...

Она поняла, о чём он.

— Насчёт «вдруг» — я первая пойду. Ты — вплотную сзади и командуй: вправо-влево-вверх-вниз. И не трясись, как банный лист.

Ничего более аналогичного русскому термину «не мандражируй» она в английском не нашла. Да и насчёт листа, похоже, не совсем то сказала. Просто вспомнилась недавно прочитанная фантастическая повесть из другого мира¹. Впрочем, англичанину было всё равно, основной смысл он по интонации угадал.

— А если меня вдруг убьют, что вряд ли, тогда действуй по обстановке. Но всё же хотелось, чтобы ящик моим друзьям достался. Они тебя хорошо

¹ См. повесть А. и Б. Стругацких «Попытка к бегству».

вознаградят, а от своих ты кроме пули ничего не дождёшься... Вперёд!

В общечеловеческом смысле подпоручику Варламовой страшно не было. Работа и работа, сопряжённая с известным риском. Понятие «смерть» как-то не входило в курс изучаемых в школе координаторов дисциплин. Ей было известно, что людям свойственно «умирать», даже естественным образом через крайне малый срок, а уж насильственным — постоянно и непрерывно. Как только что умерли вполне живые и даже весёлые Карташов с Кузнецовым. Но, во-первых, координаторы живут очень долго, пример — Сильвия, во-вторых, у них есть гомеостаты, способные вытянуть человека из почти любой «несовместимой с жизнью» ситуации, а в-третьих, и она и её подруги считали свою боевую подготовку достаточной, чтобы переиграть и опередить в темпе любого (почти) возможного на Земле противника. Не очень же боится мастер спорта по борьбе без правил прогуливаться вечером в своём не самом спокойном в городе квартале. Хотя и для него «возможны варианты».

Но сейчас Мария испытывала непривычное чувство. Используя предыдущее сравнение — как тот же мастер спорта, но не в тёмном московском переулке, а очутившись «во плоти» внутри какой-нибудь страшненькой компьютерной игры, вроде «Silent hill».

Отчего так — она не понимала. Неужели кроме тех полей, которые использовали специалисты «Гренвилла» и которые сейчас явно отключены, здесь присутствует что-то ещё?

Но эти мысли и эмоции действовать Варламовой не мешали. С выставленным вперёд автоматом она

быстро шла, почти бежала, по коридорам и переходам крейсера, подчиняясь указаниям запыхавшегося Майкельсона. С тихим инженером тоже что-то происходило. Он чувствовал прилив незнакомых и непривычных сил — обстоятельства, в которых он оказался, не пугали, а взбадривали его. Возможно, сказывалась близость прекрасной Мэри. Всего в трёх шагах перед собой он видел её упругую, как тело пантеры, фигуру, чувствовал запах и, кажется, даже слышал шелест её соломенных волос с платиновым отливом. В этом мире отчего-то были не в ходу анекдоты «про блондинок», поэтому никаких посторонних ассоциаций у Тома не возникало. Он просто обожал её и восхищался ею, с каждой минутой всё сильнее. Как стремительно и бесшумно ступают по решётчатому настилу её длинные и сильные ноги, как непринуждённо она держит свой автомат, а её улыбка!

Варламова действительно поминутно оборачивалась, чтобы убедиться, что её спутник-пленник следует за ней и ещё не опомнился достаточно, чтобы воткнуть ей нож между лопаток (если где-то припрятал) или просто опустить на затылок угол своего дурацкого ящика. При этом она улыбалась совершенно машинально, мол, всё у нас пока идёт хорошо, и совершенно не оценивала, как эту «мимическую фигуру» воспринимает с неба свалившийся *паладин*.

Вообще-то крейсер типа «Гренвилла» — не такое уж большое судно: около двухсот метров в длину, двадцать пять в ширину и с высотой борта в миделе пятнадцать метров. Всего три пятиэтажки состыкованные, проще говоря. Вся сложность восприятия и ориентировки для постороннего челове-

ка заключалась в том, что весь свободный объём корпуса делился на 23 автономных водонепроницаемых отсека, каждый из которых разделялся продольными и поперечными переборками, палубами и платформами на несколько сотен более мелких, вдобавок до предела загромождённых средствами жизне- и боеобеспечения. В абсолютно избыточном на взгляд сухопутного человека количестве.

К этому добавить семь ярусов надстроек, тоже не пустых внутри, четыре (на «Гренвилле» — две башни) главного калибра со всеми подбашенными отделениями, погребами, перегрузочными площадками, два десятка зенитных и противоминных башен и полубашен, и получится... Получится обычный военный корабль, на котором живут и служат около тысячи человек, начинающих прилично ориентироваться в этом «лабиринте Минотавра» примерно через год службы, да и то не все и не всегда.

Маше с Майкельсоном нужно было, не попавшись на глаза никому, способному поднять тревогу или сразу начать стрелять (кто-то ведь сумел за совсем короткий промежуток времени организовать вооружённый налёт именно на лабораторию, единственное кроме ходового мостика *судьбоносное* место крейсера).

Валькирия, не прибегая пока к техническим приёмам, способным нарушить и без того до предела расшатанное мироздание вокруг, просто ввела себя в состояние крайней *алертности*, готовности к немедленному бою, причём на скоростях и с силой, недоступной не только молодой изящной девушке с параметрами 92—58—90 при росте 176 см, но и олимпийскому чемпиону-десятиборцу на пике своего мастерства. Минут на 20—30 без всяких

препаратов вроде бензедрина и не включая блок-универсал, она сможет повисить свою реакцию раз в пять и настолько же — эффективность мышц (как раз до уровня гепарда в момент рывка), и это предел — дальше просто кости и связки не выдержат.

Потому Мария не слишком опасалась внезапно-го нападения, разве только мину в тесном отсеке взорвут или смертельный газ мгновенного действия пустят. Но это всё маловероятно, противник точно так же, как она, если не в большей степени, испытывает дефицит и времени, и информации.

Со слов Майкельсона, да и вспоминая, о чём говорили между собой Карташов с Егором, она примерно представляла свой оптимальный маршрут, практически исключая встречу с неприятелем. Четыре палубы вниз, потом около сотни метров вперёд, через два турбинных и четыре котельных отделения и — вверх, желательно — минуя шахту из центрального артиллерийского поста прямо в боевую рубку. Там их могут элементарно задраить крышками сверху и снизу, и больше уже ничего делать не надо. Так что пойдём «окольными тропами», через командные кубрики, офицерскую кают-компанию и всякие служебно-хозяйственные помещения. Хорошо, что буквально через пять первых шагов она увидела на стене схему расположения помещений в этой части корабля и отмеченное звёздочкой «место стояния». Остальное — вопрос техники и некоторого везения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Какое-то время пассажиры первой машины ехали молча. Секунду больше того, что он уже сказал, пока говорить было просто незачем, Президент

и Журналист каждый по своей причине тоже погрузились в собственные, рваные и путаные мысли. Но при этом жадно смотрели на скорее проплывавшие, чем мелькавшие за окном виды. Машины шли не быстро, километров сорок в час, на этой скорости можно и вывески прочитать, и архитектуру рассмотреть, а главное — людей. Едущих в попутных и встречных машинах и идущих пешком. Было их не много и не мало, так — в самый раз в будний день для города, населением раза в три, а то и в четыре меньше *другой* Москвы, и распределялись они более равномерно. Не замечалось какого-то особого скопления в центре и разрежения в более отдалённых от него частях города. И люди! Впервые (первое шокирующее посещение не считается) они видели так близко и так подробно обитателей своего собственного, можно сказать, мира, каким он должен был бы стать, не случись в нем семнадцатого года и всего вытекающего...

Люди как люди, можно было повторить вслед за Воландом, но — если не присматриваться. А приглядеться — совсем другие. Одежда — не главное. Последние лет сто мода не особенно меняется, что там, что там, выйдя году этак в двадцатом на некий усреднённый оптимум. А вот лица, фигуры, стать, можно сказать, очень отличаются.

«А что удивляться, — думал журналист Анатолий, — здесь почти всё дворянство сохранилось, аристократия — золотой фонд нации. Даже национальный и генетический состав населения совершенно другой, раз не было красного и белого терроров, миллионов пятнадцать молодых и здоровых мужчин не погибли от репрессий, голода, в Отечественную и прочие войны, не эмигрировали, до-

жили до старости, родив детей и дождавшись внуков. И крестьяне, если в города переселились, так не бедняки, силой превращённые в пролетариев, а люди вольные, инициативные, пробивные. Примерно та же разница, да нет, всё равно большая, чем у нас между жителями Костромской, Ивановской областей и Кубани со Ставрополем, допустим.

Не было и бесконечного семидесятилетнего перемешивания отдельных людей, наций и народностей многочисленными ссылками, высылками, раскулачиванием, индустриализацией, эвакуацией, оргнаборами¹, подъёмом целины и тому подобным. В результате этого встречались люди, которые ни при каких иных условиях ни в коем случае не могли встретиться, а под влиянием совершенно экстраординарных факторов возникали брачные союзы, породившие немыслимые и неслыханные ранее генетические линии...

Вывесок и реклам, пожалуй, не меньше, но выглядят все немного по-другому, смысла в них больше и спокойной информативности. Это особенно бросалось в глаза Журналисту, давно коллекционирующему особо бессмысленные и смешные названия торговых и развлекательных заведений.

¹ Оргнабор — (организованный набор) — действовавшая в СССР система централизованного распределения рабочей силы, когда вначале принудительно, а потом и добровольно формировались контингенты для переселения, временно или постоянно, в отдалённые районы страны для ведения масштабных «строек социализма» — (ДнепроГЭС, Метрострой, БАМ, освоение целины, нефтяных месторождений севера и т.п.). Также целенаправленное переселение преимущественно русского населения в «политически неблагонадёжные» республики западной части СССР и не имеющие собственной квалифицированной рабочей силы регионы Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока.

Ничего подобного парикмахерской «Далила», магазину детской одежды «Медя» или бюро ритуальных услуг «Хорон» (именно так, через «О») ему не встретилось. Люди, наверное, здесь в среднем умнее. Претенциозные, «идейные» дураки отсеялись на ранних стадиях эволюции, в общем-то не прерывавшейся здесь со времён отмены крепостного права. Полтора года куда менее кровопролитной и беспощадной Гражданской войны, закончившейся девяносто лет назад, в общем, и не в счёт. Пугачёвское, к примеру, восстание или даже Кавказские войны XIX века не слишком ведь отразились на общей структуре и течении повседневной жизни.

Президент с удивлением отметил, что уже примеряет, каким образом могла бы осуществляться конвергенция этой и его России.

«Получается, я внутренне уже принял предложенный вариант?» — опасливо удивился он.

Его настроение уловил и друг.

— Знаешь, а я действительно хотел бы здесь пожить. Ну хотя бы пару недель. Как следует вникнуть, глядишь, какие-то рациональные мысли сами собой в голову придут...

— Толя, не говори ерунды, — с внезапной усталостью в голосе сказал Президент. В отличие от Секонда, отстранённо курившего, положив локоть на бортик машины, как бы вообще не вслушиваясь в разговоры спутников, он не имел привычки к жизни такой интенсивности. Для него событий сегодня, причём событий на грани жизни и смерти, да вдобавок за гранью реальности, произошло слишком много. Все аппаратные игры, в которых приходилось участвовать уже шесть лет подряд, никак не могут сравниться с адреналиновой бурей,

что вызывает в организме близкая стрельба, не салютная, а боевая, направленная в твою сторону и подразумевающая именно тебя своей целью. Плюс к этому неожиданно пришедшее осознание, что ты, столь громко звучащий и представительно выглядящий «президент», являешься им только волею крайне случайного стечения обстоятельств, и не только твоя легислатура¹, но и сама жизнь может быть прекращена без всяких приличествующих столь важному историческому событию процедур. Любимым возомнившим о себе хамом, с генеральскими погонами или в пиджаке от Версаче.

Наверное, нечто подобное доходило до каждого из длинной череды «солдатских императоров» Рима, но, увы, только в последние минуты жизни, а не до того, как они уверенной кавалерийской походкой поднимались на очищенный от прежнего владельца престол.

Осознание этого факта наступило как-то сразу, именно когда он сел в эту машину и всего на несколько минут замолчал, наблюдая и ощущая то, чего на самом деле быть не может. При этом здравомыслия и общих познаний, в том числе и психологии, было у него достаточно, чтобы понимать — никакая вокруг не галлюцинация и не бред, а самая что ни на есть реальность, просто — другая. Примерно так, наверное, чувствовали себя умные люди, услышав о начале Первой мировой войны или состоявшемся сегодня Октябрьском перевороте. Жизнь идёт, как и шла всего полчаса назад, птички поют, солнышко светит, и почти все вокруг ещё беспечны, но на самом деле жизнь уже рухнула,

¹ Легислатура — срок действия какого либо представительного органа или вообще институции (лат.).

и мир вот-вот накроет, накрывает нечто вроде горного селя или морского цунами. И ничего, ничего нельзя уже изменить... Что-то объяснить и кого-то предостеречь — тоже.

— Не говори ерунды, — повторил Президент и жестом попросил у Секонда папиросу, местную, ароматом и крепостью весьма отличающуюся от привычных виргинских сигарет. — Неужели даже тебе нужно это объяснять? Если ещё и можно остановиться, то вот прямо сейчас. Пока не сделан последний шаг...

— Смотри ты, как возвышенно! Шекспиром отчётливо потянуло, — неожиданно резко возразил до сих пор молчавший Мятлев. Может быть, задевший как раз словами Президента «даже тебе», обращёнными к Журналисту, как бы подразумевающими — «Мятлев-то дурак, что с него взять — но ты!». — Или — «Операцией «Ы», — попробовал слегка разрядить обстановку Журналист. — Ещё пока не поздно нам сделать остановку...

Чекист, как иногда называли Мятлева друзья, умиротворяющую тональность друга не принял.

— Как нам останавливаться, где, зачем и для чего? На одной ножке постоять, пока всё само собой не рассосётся? Хорошо. Вадим, разворачивай машину, — повернулся он к Секонду. — Поехали обратно, ты нас вернёшь домой, и мы там... Это... Героически сделаем всё, как было. Выйдем, это, на Лобное место, или куда там, перед бунтующей толпой, и ты, товарищ Президент, как Николай Первый, громовым голосом возгласишь: «На колени, так вашу мать!» И сразу все устыдятся и падут ниц... Или сразу указы начнём подписывать, что-бы, значит, всем возвратиться в исходное состоя-

ние и впредь супротив властей не бунтовать, а ежели кто чего...

— Большая Круглая Печать¹ потребуется, — как бы про себя добавил Анатолий, но его иронии никто не понял.

«Однако, — подумал Секонд. — Наш генерал точно решил или жечь мосты, или просто заявляет себя доминантным самцом в стае. На случай если стая вообще останется...»

— Ты меня не понял насчёт последнего шага, — почти незаметно пошёл на попятную Президент. — Пожить мы здесь можем какое-то время, но никак себя в этом мире не заявляя, при этом разработать план решительных действий на ближайшую перспективу. Вернуться домой практически в момент отправления, насколько я испытал на собственном опыте, вполне возможно... Это так?

Секонд протянул ему портсигар и одновременно кивнул.

— Совершенно верно. При условии, что никто другой при этом не переместится из нашей реальности в вашу, и наоборот. А если барьер будет снят — тогда время, прожитое здесь, будет достаточно строго равно прошедшему там. И вы рискуете сильно опоздать...

Эти последние слова Секонд произнёс скорее из вредности, просто ему надоело толочь воду в ступе, и он «намякнул горячим утюгом в грудь», что без здешней помощи гостям своих проблем не решить.

— Не совсем понял, — осторожно сказал Президент, прикуривая и сразу глубоко затягиваясь.

«Так он действительно всерьёз курить начнёт», — не совсем к моменту подумал Журналист.

¹ См. роман А. и Б. Стругацких «Сказка о тройке».

— Да я и сам не слишком понимаю. — Секонд предпочёл говорить только о физическом смысле явления, не касаясь политических последствий, которые, как он понял, уже давно ясны Мятлеву, да и журналисту Анатолию тоже. — Образование у меня не то или вообще — способ восприятия действительности. Попросту говоря, дело обстоит так. Мы здесь живём, вы там. Время в обеих реальностях с самой бифуркации текло примерно с одной скоростью. Поэтому культурно-политический уровень у нас довольно близко совпадает, во многом — как раз за счёт того, что и там и там очень долго жили, да и сейчас ещё остались люди, родившиеся до разделения реальностей... Что это означает, сами понимаете.

О том, что с самого начала между мирами имелся довольно порядочный календарный сдвиг, причём постоянно увеличивающийся, Секонд говорить не стал. Без всякой цели, просто так, не упомянул и всё.

— А с техникой, да, отстали, конечно, так ещё Энгельс писал, что войны — двигатель прогресса. И «соревнования двух систем» здесь не было, а значит, и стимулов для «опережающего развития». Реактивная авиация появилась, причём сначала гражданская, а уже потом военная, только когда сформировался целый класс людей, которым пять дней из Америки в Европу и обратно на пароходе плыть долго и дорого, а на поршневых самолётах, как Чкалов, сутки через Северный полюс — страшно...

— Вы таким образом эту сторону прогресса рассматриваете? — с явным недоверием произнёс Журналист.

— А с какой ещё? Я две истории изучил, вы — одну. Примерно к тридцатому году военная авиация и у вас, и у нас достигла естественного, так сказать, предела развития. Но потом у вас началось... Нацизм, японо-китайская война, итало-эфиопская, испанская, так что к сорок первому году вы обогнали нас лет на двадцать. А там — сами понимаете, ФАУ, атомная бомба, нужда в средствах доставки, потом Спутник, Гагарин, Луна... А у нас то, что имело, в рамках существующих доктрин всех вполне устраивало. Воевать ни одна из великих держав не собиралась, не за что стало воевать. Европейские границы удалось провести грамотнее, чем по Версальскому миру, с колониями тоже договорились полюбовно, все нужные соглашения о недопущении гонки вооружений подписали. И ещё — экономика другими путями пошла, поскольку мы сохранили «золотой стандарт»...¹

— Мне вообще кажется, хотя я ещё очень малым количеством фактов располагаю, — включился разговор Президент, — в вашем мире не просто история поменялась, у вас где-то в семнадцатом-восемнадцатом годах будто бы психологию подменили. Одни ведь фактически люди стали вдруг принимать гораздо более осознанные, осмысленные, рациональные решения... Да что говорить, вот у нас в во-

¹ «Золотой стандарт» — система денежного обращения, при которой количество бумажных денег жёстко привязано к золотому запасу и «реальным ценностям». Примерно, как было написано на дензнаках какой-то «независимой территории» в Гражданскую войну: «Обеспечиваются всем достоянием уездных хлебных складов». При наличии «золотого стандарта» практически невозможно господство финансового капитала над промышленным, система нынешних «деривативов» и т. п. Но т. н. «прогресс», естественно, замедляется, и «общество потребления» в нынешнем смысле невозможно.

семнадцатом и в Германии революция произошла, но в отличие от российской тут же и выдохлась, через полгода. В вашем случае и Гражданская до вселенских масштабов не раскрутилась. Повоевали, конечно, но больше в пределах европейской части, потом Корнилов Москву взял, большевики из Питера морем сбежали, кто в Аргентину, кто опять в Швейцарию, и всё на этом. Я правильно рассуждаю?

— Более чем, — поразился Секонд. — Не думал, что вы с нашей историей столь глубоко познакомиться успели. Из случайного набора десятка ежедневных газет столько не узнаешь...

— Два раза ошибаетесь. Как раз в одном еженедельнике оказалась целая подборка дискуссионных статей к девяностолетию окончания Гражданской войны. Вполне популярно изложено. А Леонид во время разговора со своими коллегами из аналогичного ведомства получил от них довольно детальный компаративный¹ реферат. Так что кое-какое представление мы тоже имеем.

— Ничего, ещё дня три-четыре серьёзных историков книжки полистаете, фильмы посмотрите — совсем свободно ориентироваться будете, — только и нашёл, что сказать, Секонд, неприятно удивлённый тем, что Президент как бы слегка его «присадил в лужу». — Но я ведь о другом начал говорить. Если захотите, вы сможете вернуться домой теоретически уже через секунду после «ухода», но с учётом принципа неопределённости на практике допуск составляет от десяти минут до часа. Но, вторяю — только в том случае, если ни одного пер-

¹ Компаративный — сравнительный, сопоставительный (лат.).

сонажа из нашего времени, проникшего после нашего ухода, у вас там нет. Если есть — время и там и там синхронизируется. То есть существует риск оказаться у себя месяцем или годом спустя. По тамошнему календарю. У нас такое случалось. На той стороне люди провели неделю, здесь прошёл именно год. А одна экспедиция до сих пор неизвестно где. Или — когда.

Лица всех троих гостей выразили озабоченность.

— Почему? — достаточно глупо, в свете уже разъяснённого, спросил Журналист. Секонд уже отметил, как в президентской команде поставлено распределение ролей. Телепатия или нет, бог знает, но *неудобные* вопросы, грозящие «потерей лица», всегда успевает задать то Анатолий, то Мятлев.

— Я окончил медицинский факультет и Академию Генштаба, — назидательно сказал Секонд, — по физике и математике мне в гимназии едва-едва «хорошо» натянули, просто аттестат не захотели портить. Поэтому в хронофизике вполне заслуживаю оценки, поставленной одному моему приятелю за сочинение по литературе: «Очень плохо с двумя минусами». Тот долго удивлялся, что это такое. Хорошо, если просто ноль, а если ещё меньше? Поэтому скажу одно — таким образом мироздание защищает себя от сто раз обсосанного писателями и философами «парадокса дедушки».

— То есть? — спросил теперь уже Президент и подставился. В отличие от Мятлева и Журналиста продемонстрировал, что фантастику в детстве и юности действительно не читал. Или читал, но не ту. Своего друга-писателя, выходит, тоже.

— А это всего лишь означает, что никакими ухищрениями человек не может попасть в соб-

ственное прошлое и убить там своего дедушку, чтобы не родиться на свет, и так далее. То есть время «в норме» у вас и у нас «неподвижно» относительно друг друга, поэтому и можно вернуться туда, откуда переместились. А когда перемещается другой человек и устанавливается этакий «мостик», они, временно, снова начинают двигаться, а поскольку движутся с разными относительными скоростями, то при попытке перехода в «точку отправления» вы должны бы попасть в собственное прошлое. Ну и так далее... Нас с вами всё время «подтягивает» вперёд, чтобы этого самого парадокса не случилось...

Но вы не расстраивайтесь, всё не так мрачно. Это ведь возможность чисто теоретическая. Едва ли кто-то, не принадлежащий к нашему «сообществу посвящённых», способен свободно ходить между мирами, причём именно по нашей методике...

— Простите, а как же... — попробовал вставить слово Мятлев, кое-что слышавший о перемещениях «андреевских братьев» и в двадцать пятый год, и даже в девятнадцатый век.

— Я вас понял, — было такое у обоих Ляховых неприятное окружающим свойство — они соображали очень быстро, к тому же умели думать и за себя, и за собеседника, поэтому часто перебивали и отвечали на вопрос, который ещё не задан, а то и не сформулирован. Многих это очень раздражало, и во время своих инструктажей А. И. Шульгин требовал от аналогов «фильтровать базар» и курить лучше трубку или, на крайний случай, папиросы, чтобы покрепче прикусывать мундштук, когда лишние слова наружу рвутся. Увы, до конца Фёст с Секондом от своей порочной привычки так и не избавились.

— Мы с вами тоже можем хоть сейчас прогуляться и в тридцать восьмой, и в двадцать пятый. И в восемьсот девяносто девятый, но это будут уже не *те* годы. Из другой ветки, сформированной предыдущими визитёрами. Неразличимо похожей большинством реалий, но — другой. Дело в том, что, ухитрившись попасть в *своё* прошлое, человек обратно уже не вернётся. Так и останется жить в свежевозникшей альтернативе. Если обладает необходимой аппаратурой или мистическими, так сказать, способностями, сможет прыгать из мира в мир, как конь по шахматной доске. Но всегда, повторяю — по мирам, мгновенно становящимися *другими*, и *поперёк* потока времени...

Секонд вздохнул, закурил очередную папиросу и сказал уже другим тоном:

— По крайней мере, мне так объяснили. Извините, если неубедительно изложил.

— Да отчего же? — возразил Президент. — Для практических целей вполне достаточно. Мы тоже не собираемся хронофизикой профессионально заниматься. Пока что нам ваших слов хватит. Значит, к моменту *ухода* с моей дачи вы нас вернуть можете? Но не на неё, конечно, а в какое-то другое место по нашему выбору.

— Пожалуй, так, — подтвердил Секонд. — Мы вас можем вывести на улицу из подъезда того дома, куда вас доставила Герта. Это совсем в центре, два шага и до Тверской, и до Петровки. Охрану обеспечим, на такси отвезём, куда скажете. Наши машины, увы, остались на захваченной противником территории. Ну а дальше — вам решать. Сумеете, как Наполеон после Эльбы, возглавить верные вам войска, ликвидировать узурпаторов — гордиться

вами будем... А нет, — Секонд развёл руками, — это, увы, останется эпизодом только вашей истории. Меня лично она интересует больше как теоретика. Здесь только мой брат Фёст испытывает к судьбе своей родины *настоящие* чувства. А Император и все мы то, что нам нужно, сможем и в иных исторических реалиях найти. Так что решайте.

Опять та же методика «школы Шульгина» — ставить противника (ну, союзника в данном случае, это не принципиально) в ситуацию острого цейтнота и предлагать ему немедленно делать ход. Так, чтобы решение, за отсутствием времени на тщательный анализ, принималось исключительно интуитивно, на голых эмоциях. Очень действенный способ, особенно если сам ты давно разобрал партию и имеешь наготове десяток на несколько ходов вперёд просчитанных вариантов.

Президент попался, что называется, по полной.

Ранее он категорически утверждал, что в ближайшее время не желает никаких официальных контактов ни с самим Императором, ни с уполномоченными им лицами.

Несколько минут назад нехотя и не напрямую согласился, что можно задержаться в этом мире на какой-то срок, чтобы привести мысли и нервы в порядок, наметить сколь-нибудь реалистический план дальнейших действий.

Тут, кстати, понять Президента можно. Человек на уровне подсознания склонен до последнего отметать чересчур уж трагическую информацию. Например, засыпает в ночь перед казнью, лелея абсурдную надежду, что проснётся, и ничего *этого* просто не будет. Сновидение вытеснит реальность.

Абсолютно неприемлемой он также счёл идею о вводе в *свою* Москву элитного спецназа «Печенег» и тем более гвардейских дивизий полного штата со средствами усиления. Он ещё не знал, что в аналогичной ситуации *свежепомазанный* Император Олег не погнушался принять помощь от «Братства» и Врангелевской Югории. Отчего остался и жив, и при власти.

Но психологический капкан, в который попал по собственной вине, Президент осознал очень быстро, хотя и позже, чем Мятлев с Журналистом.

Перспектива прямо сейчас вновь оказаться в своей столице, где неизвестно, что происходит — это, простите, не вариант. Там абсолютно не на кого положиться — большинство руководителей спецслужб явно не на его стороне. Не убили на даче — убьют в любом другом месте.

Другой бы напрямую обратился к Армии, как её Верховный Главнокомандующий. Так на это и Николай Второй на краю могилы не решился. Почему — бог весть.

Президент, прежде всего, очень плохо представлял, как это вообще может выглядеть. Армию он не знал, не то что никогда не командовал хотя бы батальоном (ниже этого уровня вообще не о чём говорить), а вообще не служил. Министром обороны назначил гражданского человека, не слишком доверяя лояльности и управляемости генералов, а ещё и потому, что «так принято в цивилизованных странах». В деспотиях — там пусть командуют пиночеты, а у нас как у «приличных людей», даже и женщину на седьмом месяце беременности можем назначить. Не хуже чем в Голландии. То есть рассчитывать фактически не на кого и не на что. Ке-

ренскому и то легче пришлось, после октябрьского переворота было достаточно ясно, где сторонники большевиков, а где их непримиримые противники. А у него? Туман, туман... «Туман войны», как называл этот влияющий на решения полководца фактор Клаузевиц.

Кортеж из двух машин тем временем выехал к смотровой площадке Воробьёвых гор, откуда и Президент, и его друзья многократно, с самых юных лет любовались и дневной и ночной панорамой Москвы. Только совершенно дикое, странное, а то и мистическое ощущение вызывало отсутствие за спиной сталинской высотки МГУ. Как если вдруг на своём месте не оказалось бы Кремля с его стенами, башнями, соборами, колокольней Ивана Великого...

Вместо Университета — дремучий лес, прорезанный многочисленными тропинками и аллеями — пешеходными, велосипедными, для верховой езды.

— Здесь — это вам не тут, — вроде бы в шутку произнёс Мятлев избитую армейскую присказку, но прозвучала она как-то уж очень серьёзно.

К парапету подошли и чуть приотставшие Фёст с девушками.

Президент совершенно невольно вдруг посмотрел на Людмилу и Герту — впервые — не как на суровых воительниц, умеющих без промаха стрелять и едва ли не в матерной форме командовать первым лицом государства, пусть и чужого, а просто как на очень красивых девушек. Испытал ту же мгновенную, совершенно неконтролируемую положением и воспитанием реакцию, что и любой нормальный мужчина. На мгновение представил себя

в окружении взвода личной гвардии, составленного из таких вот «барышень».

И сразу же, параллельно, подумал и ощутил совсем другое: он сейчас, грубо говоря, «никто и звать его никак». Ладно, в сегодняшний вечер просто гость этих вот людей — полковника «Ляхова-Секонда», «флигель-адъютанта Его Величества» (тоже ведь весьма дико звучит, если всерьёз вдуматься), и двух его... спутниц, соотечественниц, соратниц, современниц, не поймёшь, как и назвать. Будь он сейчас при полноте своей власти, непременно наградил бы обоих орденами Мужества (смешно — имея в виду, что они девушки), или лучше Александра Невского. Этот орден ему, кстати, ни разу ещё не довелось вручать. А красиво могло бы выглядеть, в Георгиевском зале, и он лично прикалывает орденские знаки на... офицерские мундиры или, лучше, на бальные платья с подходящим декольте.

Тьфу, чёрт, какая ерунда вдруг в голову лезет.

Так вот, сейчас он просто гость, частное лицо, но как только флигель-адъютант доложит о его визите и о всём предшествовавшем своему «самодержцу», придётся принимать определённый статус, и определять его, как ни крути, будет не он.

А Леонид-то на эту грубиянку Герту то и дело посматривает невольно. Хотя и чекист, а подкорку свою плохо контролирует. Можно считать, на его объективность рассчитывать уже не стоит. При решении судьбоносных государственных вопросов будет — «три пишем, два в уме». А «в уме» — собственный амурный интерес.

С Анатолием ещё хуже. Если у Мятлева на первом месте всё-таки нормальное сексуальное влечение, то Журналист, пообщавшись с Людмилой

наедине, побывав ещё до боя на даче в крутой переделке на улицах города, попал в какую-то другую зависимость. И очень вероятно, что тоже будет принимать решения с оглядкой на эту девицу, хотя поверить в такое как бы и абсурдно, и никакого эротического подтекста здесь не просматривается. Ясно, что у валькирии из древнего княжеского рода вполне серьёзные отношения с полковником Фёстом, собственно, и затеявшим всю эту кутерьму, приведшую Президента к сегодняшнему вечеру и к этому парапету. Не появившись он тогда на экране телевизора в своём дурацком гриме, так бы и катилась жизнь по накатанной колее.

— Вот только — куда? — словно бы услышал он в голове свой второй, внутренний голос. Как обычно — ехидный и скептический.

И ответить, по сути, было нечего. Получалось, что прикатились бы туда же, но уже без всяких надежд на постороннюю (потустороннюю) помощь. Даже если бы жив остался — что, в Лондон эмигрировать, пирожки с ливером рекламировать, как Горбачёв — пиццу?

Так, значит, что же — капитулировать? Сдаваться на милость победителя? Тогда — какого из двух?

Тут словно звук в телевизоре включился. Президент снова не только видел картинку, но и слышал всё вокруг. И шорох ветра в кронах окружавших площадку деревьев, и общий, обычно не замечаемый звуковой фон обширного пространства, заполненного гуляющими людьми, и, конечно, голоса своих спутников. Они как раз оживлённо обсуждали, местные с гостями, отчего именно здесь был построен Университет в одной реальности и никому не пришло в голову громоздить титаническое

сооружение — в другой. Обошлись созданием обширного студенческого городка не только МГУ, но и других ВУЗов рядом с Петровско-Разумовской сельхозакадемией.

Вполне подходящая тема, чтобы отвлечься от мыслей, которые, похоже, всерьёз мучили только Президента. Остальные, достигнув главной на сегодня цели — выжить, в полной мере радовались этому факту, оставив прочие заботы дню грядущему.

Домой вернулись только к полуночи, посетив практически все достопримечательности в центре и окрестностях, куда можно было проехать на автомобилях.

На крыльце дома Секонд откланялся, сказав, что у него есть неотложные дела, но он, как только с ними разделается, тут же и подъедет. Примерно так завтра к обеду. А если задержится — связь, слава богу, работает нормально.

— Только уж ты, пожалуйста, — попросил его Мятлев, — ни на каком уровне о нашем здесь присутствии информацией не делись. Сам понимаешь...

— Разве что с Тархановым, — ответил Вадим, — такие уж у нас отношения. Служебно-приятельские...

Сказал он это таким, вроде бы и шутливым, но по смыслу категорическим тоном, что генерал понял — спорить с флигель-адъютантом бесполезно. Здесь другая страна, с собственными правилами и принципами.

— А у нас ведь ещё работёнка есть, — сказал Фёст Мятлеву, когда они вошли в квартиру, и почти незаметно увлёк его за поворот коридора. — С на-

шими пленниками пора бы уже подзаняться или на утро оставим?

— Да чего оставлять? — удивился генерал. — Взбодрился он достаточно, спать совершенно не хотелось, а беседа с бывшим коллегой может добавить адреналинчика, раз на благосклонность Герты сегодня рассчитывать никак не стоит. Обстановка неподходящая. Никакой приватности.

— Ну, быть по сему. Сейчас наших гостей на ночлег разместим, девчата освободятся — и вперёд.

— А девчата при чём? — удивился Мятлев.

— А они, Лёня, техническое сопровождение нам обеспечат. Мне отчего-то кажется, наш будущий пациент — натура до предела упёртая. Немного с ним пообщался, но, так сказать, *вник*. Я же совсем никаким краем не заплечных дел мастер. Не сумею быть достаточно убедительным в роли сотрудника «пытошного приказа». Вот девушки нам и помогут...

— Как? — поразился генерал. — Они с ним *работают* будут?

Голос Мятлева прозвучал так, что Вадим невольно рассмеялся.

— Увы, разочарую. Они тоже ни с дыбой, ни с «испанскими сапогами» близко не знакомы, зато иногда умеют быть чертовски убедительны...

Из глубин квартиры слышался трубный голос Воловича. Он, похоже, пришёл в себя от комбинированной алкогольно-морфиновой анестезии и теперь не то что-то вещал, не то чего-то требовал.

— Я сейчас схожу, своего приятеля до завтра успокою, — тонко улыбнулся Фёст, — он меня в основном раздражает, даже самым фактом своего существования, но иногда оказывается полезен. Я тут завтра-послезавтра хочу на нём несколько опытов

★ поставить. Заодно и девчат предупрежу, пусть лабораторию для *допроса с пристрастием* готовят, а сначала «высоких гостей» на ночлег устроят.

Фёст за время своего достаточно монотонного двухлетнего «резидентства» на Столешниковом прилично разобрался в оставленном Лихаревым техническом наследии. Надо отметить, что из всех коллег, предшественников и преемников только этот «условный агтрианин» проявлял вкус и способности к изобретательству и рационализаторству, совершенствуя и приспособлявая к местным условиям свою «штатную» аппаратуру и её отдельные элементы. Наверное, представлял собой особую, предназначенную для функционирования в эпоху бурного технического прогресса, модификацию стандартного координатора.

Вадим вместе с Людмилой быстренько наладили необходимое для содержательной беседы с генералом оборудование, благо имелось его у них в распоряжении гораздо больше, чем у Валентина в скудные предвоенные годы. Да и подключать всё, что имелось у них в распоряжении, было совсем необязательно. Двух Шаров и одного блок-универсала вполне хватило, плюс ещё большой монитор с неким подобием принтера, но устроенного совсем по другим принципам. С настоящим принтером этот плоский, формата чуть больше, чем А-4 ящичек, покрытый мягким, шелковистым на ощупь пластиком глубоко-чёрного (может быть, если знатоки физики будут снисходительны — «абсолютно чёрного») цвета, роднило только то, что он мог печатать на бумаге, или любом другом материале сравнимой толщины какие угодно тексты, стилистически оформленные в зависимости от желания

оператора. Хоть под современный «вордовский» документ, хоть под записку, исполненную химическим карандашом на обороте затёртой транспортной накладной от 1918 года. Собственноручный автограф Людовика XIV или, допустим, Атиллы (если он, конечно, был грамотный) — тоже можно, причём продукция получалась аутентичная на каком угодно уровне, вплоть до субмолекулярного. Никакая из имеющихся в любой из реальностей криминалистическая лаборатория разоблачить подделку была не в состоянии.

Для Фёста, почти в одиночку исполнявшего добровольно принятые на себя функции Лихарева, Ирины и Сильвии вместе взятых, это устройство было одним из главных. В стране, где почти любое телодвижение необходимо сопровождать предъявлением целого вороха казённых бумаг, подчас простенькая, но грамотно сделанная справка оказывалась полезнее, чем пачка русских или иностранных денег. А какие возможности для шантажа представляются — не передать!

— Теперь, дорогая, — сказал он девушке, когда всё, что нужно, было сделано, — забирай Герту, переоденьтесь поубедительнее и ведите пациента.

— Поубедительнее — это как?

— Ну уж не в бикини, разумеется. Это, конечно, тоже произвело бы психологический эффект, но... Не то, одним словом. Лучше всего военная форма, китель под ремень, короткая юбка, сапоги, а поверх — белый халат. Чтоб было видно, что под ним — погоны. Простенько, со вкусом и создаёт нужное настроение.

Людмила посмотрела на него с сомнением.

— Отчего вдруг?

— Ах, да! Ты же по простоте душевной ничего не слышала про «убийц в белых халатах», доктора Менгеле и всякое такое прочее. А у здешних людей на эти дела стойкий рефлекс. Если в мундире и халате, да ещё и красавица — считай, полный абзац... Не то НКВД, не то гестапо.

Вяземская покачала головой, по-прежнему поняв далеко не всё, но решила, что расспросит подробнее позже. Выполнить же рекомендацию-пожелание Фёста ей труда не составило. Как и в случае с секретером, всегда набитым имеющей хождение здесь и сейчас валютой, в большой гардеробной комнате можно было при должном старании найти почти всё, по росту, сезону и потребности. Не Замок, конечно, эта операционная база интеллекта полностью лишена (скорее всего), но что-то этакое в ней есть.

Шульгин, к примеру, довольно страшной ночью двадцатого года, в состоянии стрессовом, почти критическом, сумел единственно усилием воли вызвать квартиру, наподобие кабинки лифта, совсем из другого пространства-времени, из шестьдесят шестого года Главной исторической последовательности. Как после оказалось — Лихарев оборудовал здесь своё пристанище семью годами позже, тоже в иной реальности, за какой-то незначительной, чисто индивидуальной развилкой. Так что это по-прежнему остаётся загадкой — как такое могло случиться.

Людмиле достаточно было представить, что они с Гертой просто пришли сюда однажды в парадно-выходной, переоделись для штатского времяпрепровождения, а форму повесили в шкаф на плечики. Там всё и обнаружилось, стоило ей открыть дверцу. Такие вещи пытаться понять и рационально

объяснить не следует, а то потом начнёшь задумываться, почему камни с неба падают, если никаких камней на небе нет и быть не может.

Наличие в гардеробной отглаженных и накрахмаленных докторских халатов, даже с вышитыми над нагрудными кармашками инициалами, тем более подразумевалось.

— Слушай, Людка, — сказала Герта, переодеваясь перед зеркалом от пола до потолка, — а на кой мы здесь по магазинам бегаем, время и деньги тратим? Приходи сюда, заказывай и бери. Натуральный индпошив, ты глянь, сидит, как влитая, — она повертела бёдрами, поворачиваясь к венецианскому (наверняка!) стеклу то боком, то задним фасадом. Людмиле вдруг показалось, что отражение в своих движениях чуть запаздывает по сравнению с оригиналом и даже вообще повторяет их не совсем точно.

Нет, это уж полная ерунда. Она скорчила сама себе издевательскую гримасу и — опять та же иллюзия! Чисто шизофрения какая-то.

— Да, наверное, — ответила она, стараясь забыть о случившемся наваждении, — гардероб всё-таки для служебных целей предназначен, вот и реагирует на действительную потребность, а не на бабские капризы. То же, что и с деньгами в кабинете, появляются только те, что сейчас нужны. Какой-то домовой за этим делом присматривает, не иначе.

— Ладно, выйдешь за Фёста замуж, станешь здесь хозяйкой, тогда во всём разберешься, а сейчас побыстрее давай, начальник ждёт...

От слов Герты о возможном замужестве сердце у Людмилы слегка ёкнуло. Понимала, что к этому делу, в общем, и идёт, но всё равно не верилось,

что ли. Она до сих пор не представляла, как вообще случится в первый раз «это самое». У Вельяминовой, по её словам, вышло очень легко, просто и естественно, но примерить такую ситуацию на себя не получалось. То, чему учила Дайяна, вообще всё, что она знала об этой стороне жизни, как будто совсем другого касалось, а что вдруг самой придётся каким-то образом дать понять Вадиму, что она, наконец, согласна, представлялось неотчётливо. Вот он вдруг скажет: «Так выйдешь за меня?», или, несколько возвышеннее: «Я прошу тебя стать моей женой», и что дальше? Покраснеть, смущённо кивнуть и полностью отдаться естественному течению дальнейших событий, или всё должно быть как-то по-другому? А если выйдет совсем не так и «любимый мужчина» вообще не сделает ей *этого самого* «предложения»? Предпочтёт не связываться, точнее — не связывать себя...

Вон у Герты с Мятлевым всё просто и заранее понятно: дела отдельно, эмоции отдельно, и никаких душевных терзаний подруга не испытывает. А она — не может, ей сначала обязательно, чтобы любовь...

Она бросила ещё взгляд на отражения в зеркале, своё и Герты, состроила гримасу, показала себе язык, резко развернулась на каблуках и отправилась за пленником.

Продолжая мысленно накручивать себя, она вошла в ванную, где на коротком поводке сидел бывший генерал. Наручники местного образца гуманнее, чем в мире Фёста, цепочка у них длиннее, они сохраняют больше «свободы личности». И воды из крана попить можно, и по нужде сходить, и поспать на дне ванны, если сидеть надоест.

Видимо, Вадим был прав — форма, начищенные, не по-здешнему поскрипывающие сапоги (секрет сапожника), крахмальный халат в сочетании с чуть взъерошенными платиновыми волосами, ангельским личиком, на котором сверкали раздражением глаза, предназначенные для совсем другого выражения, нервно вздрагивали губы, от которых ждёшь только располагающей улыбки — произвели на задержанного запланированное впечатление. Не зря он после пережитого азарта и куража уже видимой, рукой подать (как Кремлёвские башни или Ленинградские окраины в немецкий полевой бинокль), победы, внезапного, катастрофического проигрыша, плена, восемь часов просидел на цепи, подобно шелудивому псу, да ещё и в темноте, и со всеми физиологическими унижениями. Было время подумать, перебрать все варианты, сто раз вспомнить слова суки *Мятлева*, опять удержавшегося в *стане победителей*, насчёт людей, для которых любые УПК, правила и конвенции — *не осязаемый чувствами звук*.

Судя по тому, как они разделились с отборными бойцами генеральской команды, ехавшими всего лишь, чтобы *доходчиво объяснить Президенту нынешний политический расклад* — так оно и есть. Погибшие сотрудники для собственного удовольствия убивать никого не собирались, они лишь исполняли приказ: «возможное сопротивление решительно пресечь». А вот их именно убили, быстро, чётко и хладнокровно, не оставив взамен ни одного своего трупа.

А теперь, значит, пришла и его очередь...

— Да вы не нервничайте так, Николай Фёдорович, — удивительно мелодичным голосом, но совершенно циничным тоном сказала красавица в медицинском халате (докторшей она не выглядела совершенно), — если у вас мочевого пузыря полон — опорожнитесь, я даже отвернусь. А то очень неудобно — для вас, конечно, — будет, если за разговором непроизвольно сфинктеры откроются...

Генерал хотел гордо промолчать, но как-то само собой вырвалось жалкое:

— Не надо, обойдусь...

— Смотрите, я предупредила. У меня для вас запасных кальсон нет. Тогда — вперёд и не дёргаться!

Девушка, больше похожая на злую волшебницу из какого-то в детстве виденного мультфильма, отстегнула браслет с запястья. Он ждал, что сделает наоборот — отцепит от трубы и наденет на его или свою руку. Совсем не боится, значит. Наверное, правильно не боится. Боец из него сейчас никакой. Да и бессмысленно всё. Он даже не знает, где находится, а ручка у этой красотки... Генерал лишь на какое-то мгновение ощутил прикосновение тонких девичьих пальцев, совсем чуть-чуть она их сжала, разворачивая лицом к двери, и сразу стало понятно — ничего ей не стоит, усилив нажим, раздавить обе кости, и лучевую, и локтевую.

Но так же не бывает!

«А всё остальное — бывает?» — словно спросил некто со стороны. По-нормальному поехал бы он лучше вчера с утра на свою дачу, не президентскую, вмазал как следует, заставил секретаршу в бассейне и около русалку изображать. Она у него

попроще этой девки, конечно, и за тридцатник уже, так зато такое умеет...

И вдруг словно сдвинулось что-то в голове, показалось — ещё одно микроскопическое усилие, и так оно и станет. Будто перед марлевой завесой вместо каменной стены оказался. Шаг один — и всё!

Но тут же каменными глыбами, или даже — могильными плитами навалилось ощущение безальтернативности всего случившегося. Безальтернативности и окончательности. Так иногда случается с попавшими в тюрьму. Вроде до конца готов был человек противостоять року и врагам, умереть даже настроен, но своё доказать, а раз — и нету больше стержня, на котором характер держался. И уже безразлично — понт в камере держать или у парашки покорно устроиться. Главное — поскорее бы всё кончилось.

Удивительно, не намёком на предстоящие пытки, а своими дурманыщими глазами и коленками, прикрытыми краем синей форменной юбки, проклятая девка чётко обозначила, что для него *нормальная* жизнь кончилась. «Слезайте, граждане, приехали, конец, Охотный Ряд, Охотный Ряд...»

Когда Вяземская ввела своего подконвойного в комнату рядом с мастерской, раньше наверняка предназначенную для прислуги, потому что окно выходило на задний двор, на крыши флигелей-гаражей, и солнце её никогда не посещало, Мятлев сразу увидел, что с клиентом что-то не то. Он ведь приготовился к поединку характеров и воля с человеком, которого не уважал, но отдавал должное его нахрапистости, бульдожьей цепкости и свое-

образному (как покойный генерал Лебедь выражался), но всё же уму.

Сейчас же он видел перед собой жалкого, на глазах впадающего в прострацию очень немолодого человека.

Мятлев с подозрением посмотрел на Вяземскую.

— Ты его никаким зельем не угощала?

Девушка не успела ответить, за неё сказал всё правильно понявший Фёст.

— Она — нет, а я сейчас угощу, — и нагнулся, открывая тумбу старинного письменного стола, ещё в нэповские годы приспособленного Лихаревым под верстак.

Все на мгновение замерли, ожидая, какой страшный пыточный инструмент извлечёт оттуда Вадим. Выражение лица у него было слишком многообещающее. Даже Людмила на секунду поверила во что-то подобное. Однако на свет появилась обычная (ну, не совсем обычная, довольно причудливой формы) бутылка чёрного стекла.

— Смеяться будете, — сказал Фёст с лицом человека, сумевшего хорошо всю компанию разыграть, — а я тут у *вашего* друга Валентина Валентиновича, — подчеркнул он голосом специально для Герты с Людой, — в похоронках этот сосуд обнаружил. Подумал было, а вдруг там не выпивка, джин какой заточён, Абдурахман ибн Хоттаб к примеру, но — рискнул, откупорил. Знаете, товарищ Лихарев ещё с времён до исторического материализма бутылку заначил.

Не иначе, в Торгсине¹ приобрел, ещё «до угара НЭПа». Изумительный напиток. «Бисквит» называется. Мне кажется, в этом помещении время вообще не движется, ни назад, ни вперёд, вот коньячишко и не выдохся совсем за девяносто лет. Продегустируем?

Мятлев слегка смешался. Что-то не по сценарию повёл себя Вадим Петрович. Коньяк какой-то приплёл. К чему?

— Ты, Людочек, это, насчёт рюмок распорядись. Да чего там рюмки, сразу стопки давай, ну те, серебряные, на кухне...

Вяземская убежала, Герта села в сторонке, на древний, тяжёлый, будто из чугуна табурет, оперлась спиной о стену, закинула весьма раскрепощённо ногу за ногу, совершенно как знаменитая в советские годы актриса Людмила Целиковская в роли лётчицы из кинофильма «Небесный тихоход» (1945 г. выпуска). Там фронтовые девушки-красавицы тоже носили хромовые сапожки на заказ, синие юбочки на ладонь выше колен, гимнастёрки затягивали «в рюмочку» офицерскими ремнями. Валькирии-«печенежки» такие фильмы смотрели с особым удовольствием, кое в чём пример брали.

¹ Торгсин (торговля с иностранцами) — сеть магазинов, созданная в СССР в конце 20-х годов, предшественников «Берёзок» 60-х — 80-х, где иностранцам за валюту, а советским гражданам за припрятанные царские золотые монеты и ювелирные изделия «отпускали» дефицитные промтовары и продовольствие. А заодно НКВД в своих целях выясняло, у кого это и почему такое добро сохранилось. «Угар НЭПа» — официальное партийное название обстановки в стране времён наибольшего расцвета «Новой Экономической Политики» (примерно 1925—1927 гг.). Термин обыгран Ильфом и Петровым в «Золотом телёнке» (см. монолог Фунта).

Сейчас подпоручик Виттефт неизвестно для кого свои форменные прелести демонстрировала, то ли для Мятлева, то ли для генерала пленного. Игру Фёста она пока не раскусила, но что-то интересное в ближайшее время ожидала. Поскольку старший товарищ ничего просто так не делает, можно будет кое-чему поучиться.

— Да вы, госпожа Виттефт, пардон — баронесса, подвигайтесь поближе, вам туда никто специально подавать не будет...

Герта хмыкнула, придвинула табурет, чтобы как-то обозначить своё участие в игре, закурила, манерно отставляя руку с зажатой между указательным и средним пальцами сигаретой.

Вяземская вернулась, держа в обеих руках шесть массивных серебряных чарок. Одна лишняя или две, неизвестно, будет ли Фёст и подследственного угощать.

— Ну что ж, присаживайтесь, господин Стэцюк, — сказал Вадим, и Людмила ногой подвинула к нему свободную табуретку. — В ногах правды нет...

— Но правды нет и выше, — непонятно к чему, довольно загробным голосом процитировал заговорщик.

— Это в смысле чего? — коротко хохотнул Мятлев. — Выше ног? Не понял...

Девушки тоже заулыбались генеральской двусмысленности.

— Не существенно, — пресёк веселье Фёст. — Тут у нас серьёзный разговор намечается.

Он неторопливо, *держа паузу*, наполнил четыре чарки, над пятой слегка придержал руку.

— Тебе — наливать? Выпьем, тогда один разговор пойдёт, возможно, и взаимопользительный. Нет — в одни ворота играть будем. Я доходчиво выразился?

То ли военнопленный, то ли просто схваченный на месте преступления бандит Стацюк не раздумывал.

— Наливай, чего уж. Я не Космодемьянская, мне героически молчать под пытками и в одиночку помирать «в борьбе за это» никакого резона нет. Уж лучше старого коньяку выпить, чем демократизатором по почкам. Или что вы тут применяете...

— Мы много чего применяем. Есть вещи покультурнее «изделия ПР-73». Мне с юных лет нравился магнетот от старого доброго полевого телефона...

Фёст не поленился, снял с полки над столом названное устройство, продемонстрировал. Для чего-то Лихарев его там держал. Простенькая вещь, железная, размером в кулак, ручка как у кофемолки, зубчатое колесо, два провода на выходе. Прimitив, а такую искру даёт, что не только мотор самолётный без аккумулятора завести можно, но и человек от непереносимой боли не хуже мухи способность по стенкам лазать приобретает.

— Но если ты очевидную готовность к сотрудничеству проявляешь, зачем же... Выпьем, закусишь, давно небось маешься, ну и поговорим ладком. Предупреждаю, Коля, чтобы потом недомолвок и *предъяв* не было — я тебе ничего не обещаю, поскольку не правомочен. Президент у вас ведь жив пока, по странной случайности, и от должности не отстранён. Я только гуманное обращение могу обещать и эту... Судебную сделку, как нонче становит-

ся принято. Ты колешься со всеми потрохами, а тебе за это — срок ниже нижнего предела...

Всё вместе — девушки, коньяк, перенос в пространстве-времени, суржик взявшего его в плен полковника неизвестно какой службы, смешавший в себе вполне интеллигентную речь с *блатной музыкой* окончательно доконали Стацюка, вторые сутки не спавшего и не евшего, зато на самом деле тщательно перебравшего по минутам всё происшедшее.

— Сказал же — буду говорить, и хватит «му-му» гонять, — сохраняя подобие достоинства, скривился генерал и залпом выпил вежливо поданный ему Людмилой коньяк.

Два соединённых параллельно Шара, по схеме, наскоро придуманной Людмилой и Гертой на базе собственных знаний и весьма подробных записей Лихарева, в техническом журнале давали Фёсту широчайший спектр возможностей, тайной которых он не собирался делиться и с Мятлевым. Во избежание, как говорится.

Один Шар записывал все произносимые в этой комнате слова, и допрашиваемого, и остальных присутствующих, анализировал по фактологическим, интонационным, эмоциональным, семантическим и семиотическим характеристикам, выделял в отдельную графу, как говорилось раньше, или «файл», по-нынешнему, всё, что относилось к интересующей допрашивающего теме. Второй, внепространственно связанный с носителями «фиксированной информации» (хотя и находились те сейчас в параллельном мире), выбирал в базах данных и систематизировал всё, касающееся упоминаемых Стацюком личностей и фактов.

Принцип, совершенно противоположный верископу Бубнова — Ляхова, но получить почти исчерпывающую оперативную и личную информацию на любого человека, хоть мельком упомянутого Стаццюком, эта конструкция могла без проблем. И одновременно поразить, деморализовать его знанием таких подробностей служебной и личной жизни, которые на самом деле никому не могли быть известны, если только не вело человека опытное, весьма квалифицированное подразделение с самых ранних лет его жизни и постоянно. Ничего не стоило, например, предъявить тому же генералу Стаццюку только что изготовленную, но выглядящую соответственно реальному возрасту фотографию фривольного содержания с подружкой ещё студенческих лет. Его жены с любовником где-нибудь в Гаграх или, если ближе к теме — конспиративного собрания заговорщиков в весьма уединённом и абсолютно никому из непосвящённых неизвестном месте.

Несколько больше труда составило подключение системы ко всем действующим в Москве компьютерным сетям, как локальным, так и общего доступа. При Лихареве и даже во времена работы координатором Ирины такого чуда техники, как «Всемирная паутина», ещё не существовало, но в принципе невелика разница, что к старинным ручным телефонным коммутаторам подключаться, что к современным серверам. Каждый Шар сам себе модем, а также что угодно другое.

Может показаться, что при наличии таких возможностей нет никакой необходимости в личном допросе. Увы, не так. Машина и есть машина, очень многие тонкие связи, аналогии, аллюзии она отслеживать не в состоянии. Намёки, внутренние ассоци-

ации, размытые впечатления — всё это нуждается в уточнениях и устных подтверждениях. Кроме того — *оперативная информация* обычно достаточна для бессудного решения вопроса, а Фёст предполагал, что открытый судебный процесс в перспективе может оказаться полезным. И для отечественных граждан, и для мировой правозащитной общественности, радостно оправдывающей даже убийц с руками по локти в крови, если они успеют заявить, что просто борются с тоталитарным российским режимом. И наоборот, та же общественность с воем и свистом требует пожизненных сроков для обычных лейтенантов и майоров, сражающихся за «конституционный порядок», против мирового терроризма.

Всего за час доверительного разговора под видеозапись (чтобы видно было, что он не в пыточной камере разговаривался, а на частной квартире, с бутылочкой дорогущего коньяка и хорошими сигаретами), Стацюк сдал людей и выдал информации в сто раз больше, чем мог вообразить в своём самом страшном кошмаре. Убедившись в этом, Фёст исключительно ради забавы вывел на принтер и отпечатал одну бумажку, подписанную Николаем Фёдоровичем лет десять назад, долженствующую, по всем договорённостям, сгинуть в самых тайных архивах некогда «дружественной», а теперь снова враждебной державы. А она вот не сгнула, и вполне по тем временам, когда смертная казнь ещё была в моде, стоила бы ему головы. Впрочем, говорят, нынешнее «пожизненное» намного хуже простого и, главное, быстрого расстрела.

Протянул, несколько даже печально усмехавшись (тоже школа Шульгина — создавать «пациен-

ту» психологическую атмосферу, наиболее соответствующую его глубинным настроениям), сказал:

— Неосторожно такими вот *rarитетами* разбрасываться, *коллега*. Хорошо — мне попалась, а если бы... — и значительно посмотрел в потолок.

Стацюк совершенным образом обалдел. Не могло же ему прийти в голову, что этот, написанный на случайно подвернувшейся, не слишком свежей, помятой по углам бумажке документ не переправлен «откуда следует» кем-то, затеявшим уж слишком сложную для мозгов простого генерал-лейтенанта игру, а изготовлен только что, практически на глазах «подследственного», мгновенно превратившегося в «обвиняемого», а то и «подсудимого».

— Я думаю, милейший Николай Фёдорович, этого достаточно, чтобы вы стали с этого момента нашим преданнейшим союзником, а с теми, кто такую вот вам подянку *устроил*, при удобном случае расправились собственными руками, не отягощая *нашу совесть* столь неприятными по былой истории *нарушениями социалистической законности*.

Выслушав все возможные со стороны Стацюка заверения, Фёст благосклонно кивнул, налил ему третью чарку и ласково сказал:

— Ну а чтобы никакой спонтанной дури тебе в голову не пришло, вот мадемуазель подпоручик Витгефт за тобой присматривать будет, и если что — для начала *весь прибор* тебе голой рукой оторвёт, ей не впервой, а уже потом передаст тебя в руки правосудия. Вот это прошу как следует запомнить.

Он посмотрел на Герту, и Стацюк автоматически сделал то же. Девушка крайне мило улыбнулась генералу, кивнула и непременно сделала бы книксен, если бы ей не было лень вставать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Двадцатью минутами раньше кэптэн Эванс, имевший совсем другие планы, целиком ориентированные на личное спасение, внезапно изменил своё предыдущее решение, довольно немотивированным образом, спонтанно, как говорится. Странным было то, что подобные люди чаще выбирают личное благо вместо так или иначе понятого «долга», а у разведчика получилось наоборот. В центральном штормовом коридоре он наткнулся на трёх своих непосредственных подчинённых, из тех русских, специально завербованных, чтобы присматривать за «живым грузом» соотечественников. Не имея точных сведений о реальной обстановке, они были несколько растеряны, но в целом настроены решительно.

Выжить им хотелось, причём не как-нибудь, а с выигрышем. Узнав, что с надсмотрщиками из соседних кубриков случилась беда, на корабле объявились, по всему судя, русские морские диверсанты, намеревающиеся взбунтовать завербованных и захватить корабль, они тоже задумались, как им оказаться в числе победителей, а не предателей.

Роль старшего взял на себя из них некий Евгений (Юджин) Шурлапов, фамилию которого Эванс мог произносить правильно и без акцента, к удивлению всех, даже более-менее знавших русский язык сотрудников.

Кэптэн был в курсе основного рода занятий этого сорокалетнего типа с очень далёким от законопослушности прошлым и предположил, что он вполне мог до подхода «своих» вспомнить прежнюю профессию. Чего проще — под шумок навесить, к примеру, каюту старшего ревизора и ос-

вободить от содержимого его сейф, по традиции называемый «денежным ящиком». Что другое можно украсть на военном корабле? Уж в чём, в чём, а в психологии такого рода людей разведчик разобрался великолепно и умел предугадывать их примитивные побуждения на пять ходов вперёд.

Вначале Эванс подумал, что вот и выход — присоединиться сейчас к бандитам, поучаствовать в грабеже и делёжке, чем гарантировать себе подтверждение своей «русской легенды» со стороны этих и других «пассажиров». Он мог существенно облегчить им задачу, и они несомненно пошли бы на его условия, под угрозой выдачи их русской контрразведке, и тогда его положение стало бы гораздо выигрышнее — он-то по-любому настоящий офицер, да ещё и обладатель сверхсекретной информации. Ничего, кроме интернирования, ему не грозило, а вот они, поскольку являются российско-подданными — обычные предатели, да ещё и с криминальными «хвостами». Кэптэн знал, что славяне к таким людям относятся гораздо жёстче и бескомпромисснее, чем англосаксы и другие цивилизованные народы, и сейчас это было ему на руку.

— Далеко ли собрались, Юджин? — по-русски спросил Эванс главаря.

— Да вот, господин капитан, собрались наверх выбраться, в укромном месте подождать, чем это дело кончится, сообразить, как выкрутиться сподручнее будет... — Шурлапов смотрел на кэптэна спокойно, с нагловатой усмешкой. Говорил правду, поскольку в подобных обстоятельствах ни бояться, ни «усложнять партию» ему оснований не было. О грядущей судьбе всех двухсот русских Шурлапов не знал, просто догадывался, что не охранниками

на плантации их везут, задумана явно какая-то пакость, но таких, как он, это не касалось. У них совсем другие контракты. В то же время и ни на что другое, кроме как поддержание порядка среди за вербованных он и его компания не подписывались. Сейчас, очевидно, срок договора истёк по причине непредвиденных обстоятельств.

Но с точки зрения Эванса — пока ещё нет. Русские сами подсказали кэптэну, что делать дальше. На пояс он успел прицепить тяжёлый штатный «Веблей», в мышечной кобуре — очень компактный, но с магазином на целых 16 патронов австрийский «Фроммер», так что разговаривать он с ними мог с позиции силы. Плюс бесспорное превосходство «неукротимого и неотвратимого белого человека»¹. Эванс на самом деле считал себя воплощением того самого «белого», о котором писал Джек Лондон, а русских, естественно, *неграми*, по недоразумению окрашенными не в тот цвет. И всегда держался соответственно. В обычной жизни, конечно, старался сдерживаться, поскольку считал нужным поддерживать образ современно мыслящего джентльмена и офицера, но сейчас играть было не перед кем.

— Успеете. И посмотреть, и всё остальное... Я с вами. За русского как-нибудь сойду, одним из двух сотен, если никто не выдаст, — сказал он со значением, глядя русскому прямо в глаза.

— А смысл? Мы вас даже изо всех сил прикроем, поддержим. Нам в Англию так и так возвращаться, домой дороги нет, а такого *приятеля*, как

¹ См. Дж. Лондон. Сборник «Рассказы южного моря», М. 1961 г.

вы, всегда в высоких инстанциях иметь полезно. Так что договоримся. Лишь бы вы нас не кинули...

— Правильно решили, Юджин. И мне *такие* всегда нужны будут. Только для этого сейчас немного поработать придётся. На моё и ваше будущее. Вы как к тому, чтобы в людей стрелять, относитесь?

— Вообще-то легко. Конечно, имеет значение в кого. В своих моряков, когда они крейсер брать будут, точно не станем. А в ваших — для большей достоверности «легенды» — свободно.

Для себя такие взгляды и такой стиль поведения Эванс вполне допускал, но в устах русского это звучало вызывающе и даже с издёвкой.

«Ничего, будет время — ты за свои слова ответишь», — подумал разведчик, но виду не подал, даже кивнул одобрительно.

— В своих — правда нехорошо, — тоже съязвил Эванс. — Есть тут несколько человек, которым в руки ваших соотечественников попадать никак не стоит. Лишнего наболтать могут, да и в плену им ничего хорошего не светит. Лучше быстрая смерть, чем сибирская каторга, вы согласны?

О каторге Шурлапов и его приятели, очевидно, имели собственное мнение, несколько расходящееся с точкой зрения кэптэна, поэтому только неопределённо пожали плечами, а один даже сплюнул на палубу, что на военном корабле ни в коем случае не допускалось.

— Короче, что делать надо?

Эванс объяснил. Он и ещё два человека сейчас пойдут в крыйт-камеру, там вооружатся и возьмут с собой несколько морских пехотинцев, а дальнейшее он разъяснит по ходу дела.

— Ещё один — ну, хотя бы, ты, — указал он пальцем на молодого, на вид сообразительного парня, отвечавшего за порядок в четвёртом кубрике «волонтёров», — сбегает на верхнюю палубу, в отсек, примыкающий к барбету башни «В». От моего имени прикажешь размещённому там отделению корабельной полиции идти с тобой. Тоже к крьюйт-камере. Вот, предъявишь старшине мою визитку. Всё понятно? Дорогу найдёшь?

— Так точно, кэптэн, — ответил русский, демонстрируя некоторые навыки службы.

— Тогда бегом!

— Попутно и остальное, — бросил сквозь зубы Шурлапов.

Эванс сделал вид, что не услышал. Действительно русский намерен навестить каюту ревизора — его дело. Нарвётся на пулю, если у денежного ящика выставлена охрана — значит, судьба. Управится и с тем и с другим занятием — потом добычу поровну поделят. Ещё надо к себе в каюту заскочить, переодеться, чтобы за русского сойти, и документы взять, само собой...

Анастасия с Кристиной до последнего момента оставались на палубе рядом с оружейной, и, если бы Уваров не отменил свой первый приказ, всё могло бы случиться совсем иначе. Непредсказуемо в любую сторону, но вышло так, как вышло. Валерий, оценив сложившуюся обстановку, решил, что Вельяминовой с Волынской больше внизу делать нечего. Раненые и контуженые англичане его не очень интересовали, первая помощь им была оказана, для чего-то большего не имелось возможности, все ещё способные передвигаться и держать

в руках оружие надёжно обездвижены. А вот двух девушек оставлять на простреливаемой с любой стороны и доступной атаке с разных направлений палубе — тактически неграмотно, попросту говоря — опасно. По всему выходило, что продержаться нужно час, от силы полтора, и нет лучшего места на крейсере, чтобы скоротать это время, чем уже занятый мостик. Штурмовать его практически невозможно при подавляющем огневом превосходстве обороняющихся, а с него легко держать под контролем практически весь корабль, точнее — ту его часть, где могут произойти какие-нибудь значимые события.

Осмотревшись, валькирии прямо по шканцам стремительным рывком добежали до фок-мачты, взлетели вверх по трапам. Вот и слава богу, одной заботой меньше.

По совету Бекетова Валерий послал всех волонтеров под командой Инги в штурманскую рубку и на мостик сигнальщиков, кольцом окружавший переднюю трубу. Теперь круговая оборона была обеспечена, оставалось ждать, чем закончится «рейд» Варламовой и Карташова с унтером. Он запоздало пожалел, что послал всего троих, но Басманов его успокоил довольно своеобразно.

— Этот как раз тот случай, когда, пытаясь усилить позицию, ты только увеличиваешь риск собственных потерь. Если трое в состоянии с этим делом справиться — значит, справятся. Если нет — шесть или семь покойников всегда хуже, чем три...

Слова полковника как-то плохо сочетались с абсолютно идиллической картиной, окружавшей группу захвата. Тихо, тепло, почти индиговой густоты тонов море поблёскивает миллионами искр.

★ Пленные англичане, оставленные в рубке, о чём-то тихо перешёптываются, опасливо посматривая на совершенно им непонятных вооружённых девиц, вокруг которых и вертелись, вопреки серьёзности положения, отрывочные, нервные разговоры. Способ их появления на крейсере оставался совершенно непонятным, если только не предположить, что они высадились ночью с подводной лодки, при пособничестве кого-то из уже находящихся здесь русских. Тогда следовало считать, что операция флота была давно раскрыта русскими, и они, так сказать, *встроили* свой план в сверхсекретные разработки командования. Офицеры, конечно, не представляли «Дискрешен» в полном объёме, но более-менее правдоподобно увязать наличие на борту русских, попытку захвата парохода, антенны на палубе, налёт русских разведчиков были в состоянии.

Четыре валькирии, усевшись на тёплый тиковый настил палубы, без особого интереса, но крайне бдительно наблюдали и за каждым жестом плененных моряков, и за обстановкой на палубах, от носа и до кормы. Им казалась странной и подозрительной пассивность англичан. Забились в свои башни и отсеки, как тараканы, сидят и ждут, когда придёт время сдаваться. Уж они бы на их месте...

Басманов с Уваровым и ставший за полчаса своим Юрий курили под прикрытием зенитной полубашни, время от времени посматривая в сторону горизонта, откуда вот-вот должны были показаться русские корабли. Связи по-прежнему не было, два самолёта разведчика кружили очень далеко, милях в десяти, не меньше, только в бинокль можно рассмотреть, оставаясь в безопасности и спокойно наблюдая за дрейфующим посреди океана крейсе-

ром, и, конечно, не могли оттуда разглядеть поднятый Бекетовым к ноку фор-марса-рея трёхфлажный сигнал по международному своду: «Сдался, сдаюсь». Подойдут или подлетят соотечественники поближе, тогда и разберут.

В голове у Бекетова крутились фразы из статута Ордена Святого Георгия Победоносца: «Награждается... кто с боем захватил вражеский корабль или принудил его к сдаче...» Ну и так далее, пунктов там много, и почти каждый к их случаю подходит. Так что, пожалуй, имеет смысл возвратиться на службу, ибо очередной чин ему, как приложение к ордену, тоже светит. А «на воле» он уже погулял достаточно. Если б ещё добиться расположения Маши, мгновенно его очаровавшей, даже без слов, только, вот беда — служит она где-то в Москве, а морскому пехотинцу, пусть даже капитану в перспективе, в тех краях делать совершенно нечего. Если только попросить у господина полковника о переводе в их *специальные части*...

Слитный залп нескольких автоматных стволов в районе кормового мостика прервал и романтическое течение мыслей Юрия, и молчаливый перекур Басманова с Уваровым.

«Вот, твою мать, накликал!» — подумал Валерий не то о себе, не то о Басманове. Эта стрельба, причём — не из русских автоматов, не могла означать ничего другого, кроме того, что их разведгруппа нарывалась на организованное сопротивление. Стреляют ведь именно там, куда пошли Варламова, Кузнецов и Карташов.

«Чёрт, что же теперь делать? Высылать поддержку, так врагов, может, полсотни человек, а нас на всё про всё семеро... Не добежим даже, если они

перебили наших и заняли оборону вокруг кормового мостика. Патовая ситуация...

Взрывы двух «наших» гранат и новая вспышка автоматной стрельбы из «Стенов» и «Стерлингов» (их звук и темп стрельбы с ППД и ППС не спутаешь), слегка привели Уварова в норму. Похоже, внезапности у англичан не получилось, а раз там Варламова, то всё может сложиться совсем не в их пользу.

«Там же Маша!» — синхронно с подполковником подумал Бекетов, на мгновение совсем забыв, что и Николай вместе с девушкой попал в ту же ловушку, и Егор... Вот вам и психология, а ведь объективно как раз за подпоручика следовало опасаться меньше всего. Во всяком случае, меньше, чем за штатского по всем параметрам друга...

— Спокойно, — негромко, но с напором сказал Басманов, и Валерий только секундой спустя понял, что слова белогвардейского полковника относятся не к нему, а к английским офицерам, слишком нервно отреагировавшим на выстрелы.

— Вы, — указал рукой на старпома, — звоните своим учёным. Что там у них в расположении за беспорядки? Да построже!

Тут же граф узнал, что внутрисудовая связь тоже прекратилась, как и внешняя, и вообще все сети обесточены. Как это могло случиться, корабельные офицеры не понимали, на крейсере совершенная система электропитания, многократно дублированная, рассчитанная на самые тяжёлые боевые повреждения, и резервные аккумуляторы имеются, отдельные для машинной, артиллерийской и трюмной связи. Однако не работает ничего, в том числе и зенитные установки на мостике превратились

в подобие плохо действующего макета. Стрелять можно, но переключив на механический ударно-спусковой механизм и ворочая механизмы поворота вручную.

— Точно наши учёные что-то сотворили, — сказал лейтенант-коммандер, мгновенно сообразив, что не существует в природе разумного, соотносящегося с повседневной реальностью объяснения одновременного выхода из строя всего, имеющего отношение к электричеству, ибо и гидравлика и пневматика тоже в конечном счёте замкнута на него же. Не девятнадцатый век, когда могучие броненосцы функционировали исключительно силой пара и механических приводов.

— По крайней мере, крейсер теперь утопить практически невозможно, — согласно кивнул старпом, наконец пришедший в себя и осознавший, что ничего особо трагического в жизни не произошло, даже напротив. В меру своей информированности он догадывался, что как никогда близкая война вполне может отодвинуться в разряд недостоверных вариантов. А то, что ценой мира является национальное унижение — так при здравом размышлении это, пожалуй, и неплохо. Если бы в далёком тысяча девятьсот четырнадцатом году кто-то из коронованных особ или демократически избранных президентов и премьеров «великих держав», хоть Пуанкаре, хоть русский царь вдруг отважился, «теряя лицо», бросить на стол карты рубашкой вверх — «Я пас, господа!», мир, пожалуй, выглядел бы сейчас совсем иначе.

Но это капитулировавшие англичане могли позволить себе такие размышления, а победителям

нужно было действовать, стремительно и безошибочно.

Раньше, чем Уваров сообразил, как поступить, Анастасия уже щёлкнула крышкой своего портсигара. Слава богу, блок-универсалы питаются энергией неизвестного типа и происхождения, к «направленному движению электронов» отношения не имеющей. Снова валькирии получили над противником многократное качественное преимущество.

— Маша, ты меня слышишь?

— Слышу, — ответ пришёл с таким запозданием, что у Вельяминовой нехорошим предчувствием сжало глотку. — Только нам пришлось на две палубы вниз сбегать и люки за собой задрать, вот и молчала...

«Нам» — это хорошо, это значит, всё в порядке, но следующие же слова Марии разрушили впечатление мнимого благополучия.

— Нас внезапно атаковали, парни почти наверняка убиты. Я с пленным и важным трофеем иду в вашу сторону.

— Где идёшь, объясни, — Анастасия сунула блок-универсал Бекетову: — Слушай, что она говорить будет, я на корабле плохо ориентируюсь...

Юрий сначала не понял, для чего слушать и отвечать ему, если с девушкой Николай и Егор, умеющие ходить по трюмам и отсекам даже в полной темноте, но с первых слов Марии до него дошло. Накрыло отчаяние, и безнадёжность, и злость... Люди попроще в таких случаях начинают бессмысленно твердить: «Нет, этого не может быть, ведь только что...» Бекетов только дёрнул щекой.

— У вас там тоже свет вырубился?

— Да, сразу стало темно, как... И фонарь сдох. Почему это? Но я уже подсветку блока включила, прилично видно...

— Где вы шли, как? И кто с тобой?

— Мой пленный, инженер из научной группы. Говорит, что мы несём с собой главное, ради чего крейсер перестроен и вся операция затеяна...

Примерно сообразив, где находится девушка, Юрий велел ей оставаться на месте, «осмотреться в отсеках», задрать все входы и выходы, какие увидит, и ждать. Открывать только по сигналу. Штабс-капитан понятия не имел, что за штуку он держит в руках и как она устроена. Достаточно, что обеспечивает устойчивую связь без электричества через все стальные экраны.

— Я пошёл, — сказал он Уварову тоном, не предполагающим возражений. — Кто со мной?

Валерию страшно не хотелось принимать именно такое решение, но выхода не было и исходя из целесообразности, и по понятиям чести.

— Вот Настя и пойдёт. С ней Кристина...

Эти две валькирии ничем были не лучше и не хуже Марины с Ингой, но те уже выполняли каждая свою задачу, а эти — рядом и свободны. Кроме того, он просто не мог оставить любимую девушку в сравнительной безопасности, послав на явный риск другую. На фронте так не делается, тем более мудрая заповедь незримо вырублена на виртуальном граните скрижалей: «Ни на что не напрашивайся, и ни от чего не отказывайся». Никто не может угадать, что, где и с кем может случиться в любую секунду. Было как-то, сам видел — свист падающей бомбы, вспышка, грохот, и от бетонного бункера с сидящим в нём взводом осталась только

★

гигантская воняющая тротилом воронка, а солдату в окопе, в нескольких шагах, ничем не прикрытому, только барабанные перепонки порвало и об стенку приложило...

Единственное, что он шепнул Насте:

— Ты там поосторожнее давай.

А вслух скомандовал, как и положено:

— Поручик Вельяминова. Доставить сюда пленного и трофей. С вами подпоручик Вирен и штабс-капитан Бекетов. Вы старшая. В бой без крайней необходимости не вступать. Задание понятно?

Картина, увиденная Эвансом в батарейной палубе перед крьюйт-камерой, произвела на него достаточно сильное впечатление. Слишком она выходила за пределы опыта кабинетного чиновника, хоть и в адмиральском чине. Лужи густеющей крови, буросерые потёки на переборках, разорванные человеческие тела и, главное, запахи. Убитые с помощью малокалиберного автоматического оружия выглядят гораздо эстетичнее. Но воля и выдержка у разведчика были, не откажешь. Несколько раз сглотив, он подавил спазмы пищевода, остался только отвратительный медный вкус во рту.

— Да, гранатами поработали, — констатировал Шурлапов, подбирая с палубы автомат «Стерлинг» и нацепля поверх куртки снятый с лежащего ничком сержанта без головы брезентовый пояс с запасными магазинами.

— Да тут и живые есть, — наконец заметил среди трупов уцелевших матросов и пехотинцев напарник Юджина, тоже вооружаясь. Испачкался в крови и стал, матерясь, вытирать руки о штаны соседнего трупа. Третий волонтер, из слабонервных

или никогда не воевавший и не занимавшийся «мокрыми» делами, кое-как добрался до фальшборта и громко, давясь и отплёвываясь, *правил* за борт.

Эванс тоже достал пистолет. Случившееся никак не входило в его расчёты. Если целый взвод уничтожен здесь, то сколько шансов у него против чересчур умелого врага? Никак не похожего на тех «волонтёров», что вербовались «для работы на плантациях и приисках». Он просмотрел личные дела каждого, работа такая. Бывших военнослужащих среди них хватало, но далеко не такого уровня подготовки. Так то ведь только по их словам.

Он тоже всё больше склонялся к мысли, что операция оказалась жертвой давно и тщательно спланированной контригры русских. Полсотни внедрённых в ряды волонтёров спецназовцев, эскадра или две крейсеров, высланная на перехват отряда, слишком своевременное появление воздушных разведчиков, этот якобы гражданский пароход, не позволивший себя захватить специально подготовленной штурмовой группе на катерах.

Эванс не замечал, что уже потерял нить рассуждений и контроль за логикой происходящего, путает причины и следствия, собственные действия и намерения приписывает противнику и наоборот. В таком состоянии разведчик уже не в состоянии рассчитывать на успех.

Русский нагнулся к лейтенанту морской пехоты, пристёгнутому браслетом наручников к стальной скобе борта. У него были перевязаны голова и рука до локтя, и, похоже, офицер был контужен, судя по тому, что молча смотрел чересчур пристальным взглядом на своих вроде бы спасителей. А ему бы полагалось вести себя совсем иначе.

С остальными ранеными заниматься было просто некому. Шурлапов демонстративно закурил, с крайне неприятной интонацией и гримасой принялся напевать блатное: «Воровка никогда не станет прачкой, и урку не заставишь спину гнуть. Грязной тачкой руки пачкать...», явно давая Эвансу понять, что и в санитары он тоже не подписывался.

— Эй, парень, ты соображаешь чего или как? — второй русский извлёк из кармана своей куртки плоскую, но довольно вместительную фляжку, явно не с водой, сунул горлышко раненому в рот, и тот автоматически сделал несколько больших глотков. — Давай, говори, что тут было, сколько их, куда пошли дальше?

Кэптэн сообразил, что гуманизмом тут и не пахло, этому русскому так же наплевать на раненых, как и ему самому, а вот выяснить, с кем придётся иметь дело, жизненно важно.

Лейтенант несколько раз судорожно вздохнул, потом потряс головой и начал говорить, достаточно связно.

Впрочем, значащей информации в его словах содержалось немного. Ретроградная амнезия — он смог вспомнить только то, что случилось гораздо позже нападения на пост. Самыми существенными были слова о бинтовавшей его женщине. По крайней мере, грудь под одеждой отчётливо выделялась, и голос... Но вооружена она была не как человек, случайно схвативший попавший под руку автомат. По военному вооружена, камуфляжная форма, ремни, подсумки, полное снаряжение, как подобает солдатам регулярных частей... Она переговаривалась по-русски с теми, кто оказывал помощь остальным выжившим. Штатские мужчины появи-

лись уже потом, ради них и затевалось нападение, вот они обращались с оружием как придётся, будто видели эти системы впервые в жизни. Девушки им объясняли и показывали. Потом все ушли. Куда? А ему откуда знать? Он русского не знает, просто по звучанию догадался. Офицер помнил, что был сюда прислан как раз для охраны арсенала, но нападение представлял себе как-то иначе.

— Освободите меня, — наконец попросил капитан, сообщив всё, что был в состоянии. — Мне в госпиталь надо...

Видать, в голове у него путалось, какой госпиталь, на крейсере был всего один врач и два фельдшера. Или лейтенант думал, что его тут же примутся эвакуировать силами всего Королевского флота?

— А чем? — спросил русский. — Ключи есть?

Ни у самого офицера, ни у остальных находящихся в сознании морпехов ключей от наручников не оказалось. Неизвестные диверсантки учили возможность попытки освобождения, собственными силами или с посторонней помощью, все прилагаемые к наручникам ключи забрали с собой или просто выбросили за борт.

— Ну, тогда подождите ещё немного, лейтенант, — сказал Эванс, — я очень сожалею...

— Можно выстрелом разомкнуть, — предложил сердобольный русский, но его грубо прервал сам Шурлапов:

— Шум нам совсем ни к чему. А этому всё равно, он, гляди, снова отрубается...

Потом Юджин обернулся к Эвансу:

— Так что делать будем, ваше превосходительство. Мотать отсюда подальше, или?..

— Ваш приятель пришёл в себя? — спросил разведчик, имея в виду того, что опозорился при виде и запахе крови и содержимого вспоротых животных. — Тогда пусть тоже возьмёт оружие и — за мной.

Не успели они подойти к трапу, появился посланный за подкреплением. Он с видом доверенного лица большого начальника возглавлял отделение «эспишников»¹, семь человек. Неизвестно, что он им наговорил, но чувствовали себя эти бравые парни не слишком уверенно, а увиденное на месте привело их в полный шок. Кое-кто тоже кинулся к борту «отдавать дань Нептуну», остальные столбились у переборки, перебегая глазами с трупов на Эванса и обратно.

— Так что разрешите доложить, кэптэн, привёл. Слабаки они у вас. Может, мы сами обойдёмся, а они пусть здесь порядок наводят?

Говорил русский свободно и нагло, при этом почти демонстративно подмигнул своему «старшему товарищу». Мол, наше-то дело сделано. Верность предположения Эванса подтверждала висевшая у него на плече чёрная спортивная сумка, туго набитая. За клуб игроков в крикет, чья эмблема красовалась на клапане, болел как раз хранитель судовой кассы.

«Быстро этого у него получилось, — отстранённо удивился разведчик. — А они ведь свободно могут и меня пристрелить и добавить к уже имеющимся здесь трупам», — с внезапной тошнотой и противным спазмом внизу живота подумал контр-адмирал. Хотя как? Не при полиции же?

¹ От англ. «ship police» — судовая полиция.

Потом посмотрел в спокойные, безусловно него-
дьяйские глаза главаря русских и решил, что нет.
Убивать его им нет совершенно никакого смысла,
он куда нужнее им хоть в своём истинном качестве,
хоть даже и заложником. Это люди циничные, без-
жалостные, но рассудительные. Вроде него самого.
Значит, договорятся.

— Старшина, — обратился он к командиру от-
деления, державшегося нормально, без дамских
эмоций, однако под смуглой кожей слишком рез-
ко двигались жевательные мышцы. Только скрипа
зубов не хватало. — Возьмите трёх человек — и со
мною. Остальные пусть наводят здесь порядок, ох-
раняют оружейную комнату и оказывают помощь
раненым. Судового врача вызовут, чёрт возьми,
если сумеют найти! В чём я сильно сомневаюсь,
при этом bardake... — русское слово он использо-
вал не только потому, что в английском подходяще-
го не нашёл. Начинал постепенно перестраиваться
для новой роли. «Волонтёры», перешёптывавшие
о своём, одобрительно хохотнули и добавили ещё
несколько слов, уточняющих обстановку на крей-
сере, которая лично им, похоже, вполне нравилась.

— Сейчас мы все должны внезапно появиться
там, где, по моим расчётам, сосредоточен основной
интерес террористов. Нас они не ждут, и мы легко
с ними справимся. Главное — все чётко и точно вы-
полняют мои приказания. Никаких лишних вопро-
сов. Ближайшая задача — резервные адмиральские
апартаменты.

Эванс тоже вооружился автоматом, выбрав его
из ближайших, валявшихся на полу и не испачкан-
ных кровью. В глубину отсеков, к самой оружей-
ке он идти просто не решился, там было темно и

слишком плохо пахло. Разведчик никогда не думал, что сочетание запахов взрывчатки, крови, вывернутых человеческих внутренностей и маслянистого горячего воздуха из машинных вентиляторов способно создавать столь нестерпимый букет.

До салона добрались быстро и без помех. Эванс ухитрился держаться в общем строю так, что вроде как и возглавлял отряд, и в то же время со всех потенциально опасных направлений был прикрыт одним или двумя людьми, которые совсем не замечали его маневров. Такой опыт тоже приходит с годами специфической службы.

Контр-адмирал, как ему казалось, придумал совершенно выигрышный ход, выражаясь по-шахматному — тройную вилку, когда под боем оказываются одновременно две вражеские фигуры, да ещё и королю объявляется шах (в реальности такие позиции практически не встречаются, но кто же мешает человеку пофантазировать?).

И совершенно неожиданным оказался момент, когда шедший впереди предводитель русских предостерегающе поднял руку. Оказывается, он умел и двигаться совершенно бесшумно, и решения принимать мгновенно, и со своими приятелями имел разработанную систему сигнальных жестов. Полицейские просто повторили его с напарниками действия. На это у них ума и дисциплинированности хватило.

Шурлапов остановил группу в паре метров от места, где неприятель мог хотя бы случайно обнаружить их появление. Указал Эвансу на угол надстройки и рубящим движением ладони сверху вниз показал, что дальше — ни шагу. Указал места своим

напарникам, начал поднимать ствол. Только сейчас разведчик понял, в чём дело...

Из открытой двери адмиральского салона доносились голоса, а когда он выглянул из-за плеча Юджина, то увидел большую половину помещения, рабочие столы, самого Френча и его помощников, а главное — двоих явно русских, из числа волонтеров. Он даже готов был вспомнить их имена, если бы имел ещё немного времени на размышления. Одеты они были так же, как в момент посадки на корабль, но в руках держали пехотные автоматы «ППД» с тяжёлыми круглыми дисками, которых гарантированно не имелось в арсенале крейсера. Загипнотизированных «русских десантников» для штурма Мальты предполагалось вооружить портативными «ППС». Те хранились под замком в отдельном отсеке, вместе с русской военной формой и прочими доказательными атрибутами.

Но ведь и пронести с собой в личном багаже эти длинные и тяжёлые автоматы они явно не могли. Все волонтеры отправлялись налегке, с сумками или рюкзаками, пистолеты ещё мог бы кто-то пронести, но не железяки почти метровой длины¹, с деревянными прикладами, практически неразборные, да ещё с запасом очень неудобных в обращении дисковых магазинов. Притом что в мире существует масса пистолет-пулемётов, пригодных для переноски в багаже, под одеждой, даже просто в карманах, тащить с собой таких монстров? Но тем не менее — факт налицо!

Эванс не успел додумать, как всегда, обстоятельную мысль, а Шурлапов уже начал стрелять, и

¹ Если точно — 795 мм.

к нему тут же присоединились все остальные, кроме самого разведчика.

Полицейские стреляли с нервным азартом, буд-то сбрасывая груз непосильных эмоций, а русские, наоборот, делали своё дело спокойно и расчётливо, не переставая контролировать себя и окружающую обстановку.

Оттого и успел Юджин мгновенно увидеть летящую из глубины салона гранату, коротко что-то крикнул, оба его приятеля метнулись в стороны, а сам он сбил с ног и прижал к палубе Эванса.

Уж слишком быстро и чётко действовал этот человек. Впрочем, теннисный мяч летит во много раз быстрее, а разведчик умел перехватить его ракеткой раньше, чем тот коснётся площадки.

Один взрыв, и сразу за ним второй. Гранаты были поставлены «на удар», поэтому шансов у тех, кто остался на ногах, было исчезающе мало. Правда, этот день был совсем несчастливym для королевской морской пехоты!

Досталось каждому, и от взрывной волны, и от осколков.

Эванс хотел было наклониться над рухнувшим прямо ему под ноги старшиной, грудь которого стремительно заливала бьющая толчками из сонной артерии кровь, но русский крикнул зло и пронзительно:

— К чёрту! За мной, и беглый огонь...

Трое русских, Эванс и последний полицейский, которому повезло, непрерывно стреляя в проём двери, броском преодолели метры, отделявшие их от салона, ворвались внутрь.

— Накрошили мы, — сказал Шурлапов, осматривая обширное помещение. Два длинных залпа из многих стволов положили почти всех, кто нахо-

дился в салоне. Двух русских с автоматами и с десятков учёных, лишь двое из которых подавали признаки жизни, а один, сам Френч, оказался почти что невредим. А самое интересное, на полу обнаружился вполне живой, но бесчувственный командир «Гренвилла».

Именно это Эванс и планировал — ликвидировать всех учёных, оставив на время в живых только научного руководителя, добиться от него раскрытия «самой главной тайны», а потом избавиться и от него. Хорошо, что всю грязную работу сделали русские, и с той, и с другой стороны. А как быть с капитаном, разберёмся позже. Сам по себе он какого-то специального интереса не представляет.

— Этих я знаю, обоих, — продолжил Юджин, имея в виду убитых соотечественников. — Но с ним был кто-то ещё. Эти стояли к нам спиной, а гранаты полетели уже после наших первых выстрелов...

Он с усилием выдернул из цепко державших шейку приклада и цевьё пальцев Егора Кузнецова «ППД», с интересом его осмотрел. Явно с теми же мыслями, что посетили Эванса, только он оставил их при себе. И заодно перевооружился, сменил «Стерлинг» на более подходящее отечественное оружие, прихватил и запасные диски у унтера и Карташова. Как будто собирался вести долгую войну. Только с кем? А если не войну и автомат ему нужен совсем для другого?

Мысль показалась разведчику очень неприятной.

Тем более, и один из напарников Шурлапова тоже небрежно бросил английский автомат на соседний стол и взял себе второй русский.

— Кто здесь был? — спросил Юджин у Френча, пребывавшего в едва-едва вменяемом состоянии.

— Женщина. Красивая женщина с автоматом. Не таким, как этот, другой формы. Она ушла, увела с собой Майкельсона. А Майкельсон лучше всех, кроме меня, конечно, разбирается в нашей аппаратуре...

— Женщина? Опять женщина? Вы не бредите?

Учёный помотал головой так, что она могла бы невзначай и оторваться.

— Ладно, пусть женщина. Куда ушла?

Френч показал рукой. Стальная дверь выглядела слишком прочной, чтобы надеяться взломать её за разумное время.

— Он что-нибудь успеет *ей* рассказать за несколько минут?

— Рассказать — конечно, нет. И за неделю не успеет. А вот передать — может. Я в последний момент услышал его слова. Он сказал — процессор.

— И что это значит?

— Если он заберёт и отдаст ей процессор, то для нас всё кончится. Тогда русские станут делать всё, что им захочется, а мы — ничего. Повторить эту конструкцию невозможно. Чужие идеи, чужие принципы...

— В каком смысле?

— В самом прямом. Этот прибор сделан не людьми. Или — не в наше время...

— В прошлом веке? — скорее издевательски, чем удивлённо, спросил Шурлапов.

— Нет, скорее в будущем...

— Полная ерунда, — скривил губы странный русский. Именно, что странный. Он всё больше не походил на того человека, которого люди Эванса

завербовали два выполнения одного-единственного задания. Тоже разведчик? Но — чей? Или действительно уголовник, но — высокого полёта и очень быстро соображающий?

Эвансу некогда было поразмышлять ещё и об этом. Слишком высокий темп *смены мизансцен*, смысл *спектакля* почти потерян...

— Впрочем, неважно, — вопреки всем морским законам сплюнул на палубу русский. — Оставайтесь здесь. Если будет возможность, я за вами вернусь. Нет — выбирайтесь сами, в любом случае встретимся...

Похоже, он уже просчитал, куда могли направиться гипотетическая женщина и инженер. Кивнул своим приятелям, и вся четвёрка исчезла за дверью, оставив контр-адмирала и профессора в виде, как говорится, *полуразобранном*. Теперь им можно было немного расслабиться, постараться привести в чувство командира и вместе решать, как быть. А чего тут, собственно, решать? Не больше часа осталось, и не так уж важно, кто явится раньше — русская эскадра или совершенно непонятный, неизвестно на чьей стороне играющий Шурлапов.

...Бекетову с девушками, чтобы добраться до отсека, где их ждали Мария и Майкельсон, требовались примерно те же десять-пятнадцать минут, что и Шурлапову, намеревавшемуся перехватить и девицу, и ценный груз на подходах к фок-мачте, где укрепились её соратники. Юджину, работавшему на одно из подразделений «Чёрного интернационала» (мало связанному с подконтрольными Катранджи структурами), был достаточно понятен расклад

сил на борту и цели, преследуемые обеими сторонами.

Не понимал он только одного — откуда кроме компании Бекетова и примкнувших к ним, находящихся совсем «не в теме» волонтеров на крейсере появилось пусть и маленькое, но явно высокопрофессиональное подразделение, по какой-то причине составленное исключительно из молодых и красивых (это все утверждали, кто с ними столкнулся) девушек.

Единственное, что можно без особой натяжки допустить, — эта группа проникла на «Гренвилл» минимум сутками раньше посадки «волонтеров». А Слава Сотников с товарищами потому и исчезли, что стали свидетелями встречи двух диверсионных групп, здешней и прибывшей. Ну, двое из пятерых за гибель тех парней уже ответили. Посмотрим, кто будет следующий.

То, что секрет операции стал известен соотечественникам, Шурлапова не удивляло. Если о нём сумели узнать его руководители из лондонского отделения «интернационала», то чем российская военно-морская или дипломатическая разведки хуже. И что англичане прохлопали посадку диверсантов на крейсер, тоже не слишком странно. При наличии хоть двух-трёх сообщников в порту и в экипаже «Гренвилла» десятку человек пройти на борт нетрудно. Другое непонятно — причём тут девицы? Насколько Юджин знал, женских подразделений в спецназе русского флота нет, а привлекать специалистов со стороны, незнакомых со спецификой действий на море — непрофессионально. Кроме всего, женщины просто анатомически хуже приспособлены к такой деятельности, если только не

делать расчёт именно на это качество. Но ведь одно дело — внедриться для оперативной работы в матросский бордель или офицерское собрание на берегу, совсем другое — брать на abordаж военный корабль с экипажем в семьсот человек. Вряд ли у самых раскрасавиц хватило бы времени соблазнить такую уйму «лаймов» стриптизом.

На крейсере много путей, ведущих к одной и той же цели (обратная теорема тоже верна), и Шурлапов со своей тройкой боевиков «интернационала», поддерживаемой не слишком браво выглядывшим полицейским, довольно точно определил, в каком коридоре и на каком трапе у них есть шанс перехватить «девицу» и англичанина с «процессором». Что такое этот процессор, Юджин понятия не имел, но если Френч сказал, что он — самая важная деталь во всей машинерии крейсера, значит, так оно и есть. Будем считать, это нечто вроде «кварца» радиостанции или взрывателя хитрого фугаса. Само по себе мелочь, а без неё не только прибор не сработает, вся стратегической важности операция пойдёт прахом.

Лондонская секция одной из европейских «дивизий» «интернационала» представляла крайне левое крыло группировки, в которую входили самые разнородные организации, от агрессивных исламистов до тихих поклонников Адама Смита, Прудона и Маркса, считавших, что современное капиталистическое общество может и должно быть уничтожено чисто экономическими методами, внедряясь в самую сердцевину банковских систем. А грязную

★ работу, которая всё равно непременно станет в повестку дня, сделают такие, как Евгений Шурлапов и его боевики, именовавшие свою секцию «Народной расправой», в память об аналогичной организации Нечаева, и исповедовавшие анархизм самого экстремистского толка. Для них не только анархо-синдикалисты¹ казались слишком «буржуазными», временными попутчиками, с которыми попозже тоже придётся разобраться, но даже Бакунин, Нестор Махно и Дурутти².

Большинство членов секции по понятной причине были русскими (уж слишком большим вызовом для всех «борцов за свободу и права личности» оказалась демонстративная, словно для них лично организованная реставрация самодержавия, с которым боролись ещё их прапрадеды во времена Александра Второго и Третьего).

Но хватало там и англичан, больше недовольных как раз «конституционностью» своей монархии, выходцев из высших слоёв индийской, бирманской, малайской и многочисленных африканских «аристократий», старательно выращенных Соединённым королевством как раз для защиты интересов Империи в её прежних колониях. В общем, состав этой, как и всех других «секций», представлял интерес для любого исследователя этногеополитики.

¹ Анархо-синдикализм — течение в анархизме, считавшее высшей формой организации общества всевластные профсоюзы, к которым должна перейти вся собственность на средства производства. Формы борьбы с существующей властью — саботаж, бойкот, в идеале всемирная всеобщая забастовка трудящихся.

² Теоретики и практики разных течений «практического» анархизма XIX — первой половины XX века.

Информацию о готовящейся на Мальте кровавой провокации организация получила непосредственно из британского адмиралтейства. Среди джентльменов, обожающих беседы в клубах, во время игры в гольф и бридж, за пинтой виски или четвертой эля, безответственных болтунов гораздо больше, чем в том же российском флоте, спяном жесткой военно-феодалной дисциплиной, подкрепленной весьма серьезными статьями «Уложения о наказаниях». Тем более что операция по вербовке «волонтеров» заняла несколько недель, а за это время анархисты не только внедрились нужное количество своих людей, отвечающих требованиям, но и подобрали ключи к нескольким непосредственно занятым в «Дискрешене» офицерам разведки и флота.

Трудно даже передать, насколько к началу ХХI века за полтора столетия насыщенной политической жизни переплелись сюжетные линии «Хантер клуба», «Системы» как таковой, «Черного интернационала», правительства, нескольких действующих разведок и имеющих хоть какие-то политические амбиции парламентских фракций. Почти все, чем в честертоновском романе «Человек, который был четвергом»¹. Впрочем, как известно, любой вымысел на самом деле есть лишь бледное отражение реальности, ибо вымысел обязан быть правдоподобным, реальность же такова, какова есть и больше никакова. Сама по себе идея главарей «Хантер клуба» и лично Гамильтон-Рея анархистам понра-

¹ Один из наиболее известных романов Г. К. Честертона. Описывается ситуация, где политическая полиция и подпольные организации настолько пронизаны взаимной агентурой, что в итоге та и другая структура состоят фактически из одних и тех же лиц.

вилась, но нуждалась в небольших коррективах. Позволить ситуации развиваться своим чередом до тех пор, пока все, кому положено, сделают всё, что от них требуется, и вмешаться только на самом последнем этапе, когда потребуется лишь минимальное усилие, чтобы колесо покатилося в нужную сторону.

Юджин Шурлапов контролировал обстановку на крейсере до самого последнего момента, и через надзирателей, поставленных людьми из военно-морской разведки, и через членов экипажа и научной группы. Условия создались просто идеальные, таких никогда не случилось бы на земле. На самом деле противник сделает всё сам — вооружит две сотни человек, подготовит программу идеальной мотивации для этих людей, настроит аппаратуру. Останется мелочь — в нужный момент перехватить управление аппаратурой НЛП и получить в своё распоряжение почти батальон готовых абсолютно на всё солдат. Планы, как именно их использовать, у Юджина имелись. Только эти русские спецназовцы, неизвестно откуда взявшиеся, всё испортили.

Теперь приходилось всё исправлять на ходу. Русская эскадра через два часа максимум захватит беспомощный крейсер. Вот в этот временной зазор и нужно уложиться. Разыскать чёртлов процессор, отнять его у инженера (как его — Майкельсон?) и таинственной бабы, после чего устранить всех возможных свидетелей и найти способ смыться вместе с устройством. Задача сложной не выглядела, и не такие проворачивали, но загадочные девки Шурлапова немного тревожили. Должен же в них быть какой-то особый смысл? Почему именно они

и сколько их здесь всего? Пока он этого не узнает и не поймёт, на стопроцентный успех рассчитывать не стоит.

Очередной расклад выброшенных судьбой карт выглядел так: Мария и Майкельсон, согласившись с распоряжением Бекетова, ждали поддержки в просторном, но довольно жарком и душном отсеке между дымоходами второй трубы. Инженер присел на слегка подрагивающую стальную палубу в пятнах машинного масла и наконец позволил себе закурить, привести мысли в относительный порядок, для чего повернулся спиной к своей «пленительнице» (в обоих смыслах этого слова). Впрочем, в этом не было особой нужды, Мария не могла возбуждать его зрительные рецепторы, потому что выключила подсветку блок-универсала.

Анастасия, Кристина и Юрий двигались в их направлении палубой выше, по коридору офицерских кают левого борта.

Шурлапов с помощниками шёл по такому же коридору, но правого борта.

А лейтенант-коммандер Остин Строссон в своей каюте, первой перед соединяющим коридоры поперечным проходом пытался по рации выйти на связь с Лондоном, лично с Гамильтоном-Рэем. По особому графику каждый час всего на одну минуту в «куполе непроходимости волн» открывалось «окно», и через него можно было послать предельно сжатый и особым образом модулированный сигнал, практически недоступный пеленгации и перехвату.

До сих пор у Строссона не было необходимости что-то сообщать своему начальнику, а тем более — просить у него совета, но сейчас особый момент и крайний случай настали. Офицер с удивлением

увидел, что сигнальные лампочки радиации вдруг потухли. Выругался, недобрым словом помянув батарею, разрядившуюся так не вовремя, и вдруг услышал через тонкую переборку каюты сначала осторожные шаги, а затем и приглушённые голоса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда Фёст с Мятлевым и девушками закончили допрос Стацюка, Президент и Журналист уже давно спали, перегруженные впечатлениями уж слишком длинного дня, вместившего событий больше, чем у иного законопослушного обывателя случается за год, а то и за всю жизнь.

— Наверное, и нам пора, — сказал Фёст, с удовольствием вдыхая свежий воздух из открытого окна кухни. В предутренней Москве было совсем тихо, образ жизни здесь куда более патриархальный, чем в параллельной столице. — Все «протоколы» завтра сам шефу передашь, — обратился он к Мятлеву. — Ваши это дела, семейные, — он чуть скривил губы, то ли в усмешке, то ли просто так. Эту привычку, или стиль, он тоже унаследовал у Шульгина. Слишком много времени они проводили с Александром Ивановичем в первые месяцы «вербовки» Фёста и слишком большое впечатление на Вадима тогда произвели не только практические способности, но и бытовые манеры «наставника».

— Я в них сейчас мешаться не хочу...

— Отчего так? — с подковыркой спросил генерал.

— Надоело, честно сказать. Не только твой шеф, вся ваша команда меня, как бы это деликатнее сказать, *разочаровала*. Нет, в чисто человеческом плане ни к тебе, ни к прочим у меня претензий нет.

Умеете себя вести *как люди*, когда припрёт. А с *политической смелостью* — слабовато. Я же для общей пользы говорю, — счёл нужным ещё раз огориться Фёст. — Бывают моменты, когда от так называемого здравого смысла нужно отказываться. Один мой знакомый философ для военной истории разработал концепцию так называемой «стратегии чуда». Это значит — никакие рациональные расчёты победы не сулят, но достаточная степень готовности рискнуть *всем* переламинает *запланированную* реальность, создаёт альтернативу не «после», а «до»! Улавливаешь, о чём я?

— В общих чертах, — осторожно ответил Мятлев. — Бывали, конечно, случаи...

— Мне на ум хороший пример пришёл. Война — ладно, война — бог с ней, там «чудо» случается гораздо чаще, чем принято думать, только очень редко специалисты догадываются, что история, особенно военная, так имеет сослагательное наклонение. Для них всё ясно — наши раздолбали немцев — значит, политически, экономически и психологически иначе и быть не могло. Преимущество социалистической экономики и сплочённости «новой исторической общности». А если царская Россия проиграла Русско-японскую — это и есть доказательство «полной гнилости» старого режима. Лучше приведу из области шахмат, из нашего со здешним общего времени. Тысяча восемьсот девяносто девятый год. Шахматный турнир, не помню, мировой или так себе, но там имела место так называемая «Бессмертная» партия. Андерсен — Кудерницкий. Кто это такие — тоже не помню, а, скорее, не знаю. Но в той партии с примерно равным по классу противником Андерсен пожертвовал

ферзя и две ладьи и в итоге выиграл! Вот тебе и «стратегия чуда».

— И что из этого? — осторожно спросил Мятлев.

— Только то, что вам сейчас нужно играть, как тот Андерсен. Прямо завтра и начинать. Помнишь «Манифест коммунистической партии»?

— Я-то помню, — сказал Мятлев так, что напрашивалось естественное продолжение: «А тебе откуда знать?»

— Вот и вам с шефом терять совершенно нечего, кроме своих цепей. Должен был из разговора со Стацюком понять, что в стандартном раскладе вам ловить нечего. Как у Высоцкого — «Расклад перед боем не ваш». Будь у вас хоть одна-единственная на всю страну, но полностью верная дивизия по штатам военного времени — имелись бы шансы, а нынешнему — ноль. Вы столько темпов уже проиграли...

— Слушай, Вадим, — с тоской в голосе сказал Леонид, — хватит мне мозги долбать. От меня всё равно ничего не зависит. Если что — я могу к вам на службу перейти, а пока я при нынешней должности... — он развёл руками. — Давай лучше посто, и тоже спать ляжем...

— Это я завсегда. Девчат звать не будем, они не хуже нашего вымотались.

Двое мужчин, оба не совсем по своей воле занесённые в чужой, хотя и похожий на их собственный мир, сидели при свете настольной лампы в дальнем углу кухни возле раскрытого окна, большого, как амбарные ворота. Низкие тучи над недалёкой Красной площадью отсвечивали снизу мутновато-розовым, моментами принимался и тут же

переставал идти мелкий дождь. Выпили, покурили, почти не разговаривая, минут через пятнадцать повторили.

— Ну, хватит, — сказал, вставая, Фёст. — А то действительно — «человек, желающий трапезовать слишком поздно, рискует трапезовать рано поутру».

— Давай ещё по чашечке кофе... — было видно, что Мятлеву просто не хочется уходить, оставаться наедине со своими мыслями.

— Нет, с меня хватит. А ты как знаешь, конечно...

В бутылке на столе оставалось ещё порядочно, и Вадим подумал, что с таким настроением генерал не успокоится, пока её не прикончит.

Тоже его дело, не мальчик. В крайнем случае поспит лишних несколько часов.

Войдя в свою комнату, Ляхов привычным движением повернул головку выключателя с реостатом справа от двери. Загорелся торшер в углу и в его свете он увидел сидевшую в кресле рядом с журнальным столиком Людмилу. Она уже переоделась в домашний халат типа короткого, выше колен ало-золотистого пеньюара.

В руках девушка вертела незажжённую длинную сигарету.

«Не хотела, чтобы я раньше времени догадался о её присутствии, — привычно определил Фёст, хотя ему не совсем было ясно, для чего ей такая конспирация. Вроде как не требовала ситуация этой *относительной неожиданности*. Но зачем-то ей это потребовалось. Вадим настолько вымотался за эти сутки, что решать очередные психологические задачи ему совершенно не хотелось. Он выбрал простейшее решение. Всё равно ведь к этому шло».

— Ты давай это — если всё решила, оставайся, да и всё. Будь как дома, — сказал он. — Свадьбу справим, когда дела сделаем. Или у нас, или здесь, как карта ляжет...

Людмила с досадой сломала в пальцах сигарету и тут же взяла из брошенного на стол раскрытого блок-универсала следующую.

— Ничего лучше ты, конечно, придумать не мог? Всё, значит, в одном флаконе — и признание, и предложение, и что там ещё у вас полагается. Я себе это как-то по-другому представляла...

Голос у девушки едва заметно дрогнул, а в остальном держалась она хорошо, без слёз и надрыва.

— Нет, ты меня прости, конечно, я и слов разных в другом случае наговорил бы, и розовых роз сто штук притащил, но сейчас у меня совершенно ничего не получится.

Он подошёл к Людмиле, обнял её за плечи, поцеловал несколько раз, то в глаза, то в губы.

— Ты ведь и сама... Я ж всё понимаю, ты совсем другого отношения и ритуала ждала. А вот не выдержала... Понятное дело. Мы тут вроде как развлекаемся, сами себе трудности создаем и героически их преодолеваем, а поубивать нас сегодня могли вполне по-настоящему. *Неприятно* бы было. Особенно, если бы кто-то из нас один остался... Я после своего первого боя очень хорошо это представляю.

Внезапно валькирия буквальным образом разрыдалась. Это настолько не соответствовало её истинному психотипу, но одновременно прекрасно сочеталось с нынешней внешностью, что Фёст растерялся. Мало с него проблем с раздвоением собственной личности, так теперь ещё и с невестой разбирайся. Глобальная шизофрения в квадрате.

— Я... Я тоже весь день о том же самом думала. Вида не показывала, а сама только и думала... мы же в конце концов по-обыкновенному смертны. Го-меостат ещё неизвестно, поможет или нет. Особенно здесь. Сначала просто пуля, потом контрольная в голову, и карманы вывернут, и интересный брас-летик с руки снимут... — она прижималась к Ва-диму всем телом, всхлипывала, слёзы текли по ще-кам, моментами она замолкала и подставляла губы для поцелуя. В общем, стандартная девица в почти стандартной ситуации... Что дальше — ясно и по-нятно.

Проблема в том, что Вадим сейчас совершенно не хотел пользоваться её нынешним состоянием, не до того ему, честно говоря, было, и не двадцать лет давно, чтобы приходить в неконтролируемое воз-буждение от близости доступного девичьего тела. Но и показать каким-то образом, что ему безраз-личен её порыв — значит, нанести смертельную обиду. С таким характером, как у этой валькирии, легко можно потерять её навсегда. Перемякнутся ка-кие-нибудь специально добавленные в мозг аксоны, и сотрётся из личности Людмилы обычная способ-ность и желание любить по-человечески. Конкрет-но его или любого вообще нормального человека.

Получится какая-нибудь новая Сильвия или во-обще незнамо что... У неё это в первый раз появи-лось такое чувство, очень может быть, что и в по-следний...

Ляхов не задумывался именно таким образом и в такой терминологии, он просто знал, что его лю-бимая — не обычная земная девушка, и чувствовал, что с ней можно себе позволить, а что нельзя. Надо как-то выходить из положения.

★ Он присел рядом, начал её обнимать, гладить по голове, шептать на ухо успокаивающие нежные слова, и всё это так, чтобы успокоить Людмилу, а не возбудить ещё больше. Кое-какие навыки практической психологии и неврологии у него остались, хоть он и не совершенствовался в них уже давно. Целовать — но «по-братски», без намёка на страсть, не касаться частей тела, которые могут оказаться эrogenными, говорить слова, способные перенаправить её чувства в безопасном направлении.

Он не видел печальной усмешки, что появилась на губах Людмилы. Ей-то его тактика была совершенно понятна и прозрачна, курсанток в школе Дайяны учили не просто соблазнять мужчин в оперативных целях, но и легко распознавать самые изощрённые и профессионально замаскированные попытки воздействовать на них самих в этом направлении. Вяземской и любой из её «однокурсниц» ничего не стоило разоблачить самого умелого «Дон Жуана» или «Казанову», сколь бы сложную, многоходовую методику те не применяли, рассчитанную на наивных школьниц или многое повидавших тридцати-сорокалетних женщин. Валькирии могли просчитать каждый приёмчик на десяток ходов вперёд и разработать соответствующую случаю контригру, если это требовалось.

Сейчас Людмила понимала, что Вадим при всей сложности своего характера, избыточной для аборигенов соседней реальности, любит её по-настоящему, потому и не спешит ответить на её чувства естественным для более простых натур образом. Кажется, только сейчас между ними установился подлинный контакт, и буквально несколько минут назад она тоже поняла, что физическое

взаимообладание было бы сейчас совершенно лишним, способным что-то необъяснимое словами безнадежно испортить.

Так что же ей теперь, мило улыбнуться, поблагодарить за приятно проведенный вечер и удалиться в свою девичью спальню? Как это уже несколько раз подряд безжалостно проделывала Герта со своим Мятлевым?

— Ты как хочешь, — решительно сказала она, вставая, — а я всё равно останусь. Не могу уйти, не могу одна смотреть в потолок и не знаю в который раз представлять, что сейчас всё могло быть совсем иначе. Я живая, а тебя больше нет! И что и как жить? Мне одной утренней прогулки с вашим Анатолием хватило, чтобы тягу к сильным ощущениям удовлетворить...

Людмила сбросила с плеч пеньюар, под которым на ней были только белые трусики, без всяких гипюровых вставок, кружев и прочих возбуждающих мужское естество красотей.

Откинула одеяло, легла, закинув руки за голову.

— И ты ложись, туши свет. Не бойся, я не сексуальная маньячка, приставать к тебе не буду. Не прогнал — мне и этого достаточно. Расскажи лучше что-нибудь интересное, о том, чего я никогда не видела... Как ты жил в своей стране, когда тебе было, сколько мне сейчас... Было ведь, наверное, и что-то хорошее, несмотря на весь ваш тоталитаризм?

Вадим выключил торшер, присел на кресло у столика, не удержался, снова закурил.

— Я сейчас. Просто надо с мыслями собраться. Вот беда, тоталитаризма я не застал, родился как раз на двадцать лет позже его кончины. А когда то, что по инерции Советской властью называлось,

тоже накрылось, мне всего семнадцать было. А как тебе сейчас... Ей-богу, вспоминать не очень хочется. В этом смысле моим наставникам больше повезло. Могу из их воспоминаний кое-что воспроизвести. Александр Иванович очень впечатляюще умел рассказывать...

— Как он умеет, я от Маши знаю. Бросай свою сигарету, — сказала Людмила из темноты выходящей окнами во двор комнаты, не освещаемой даже уличными фонарями и огнями реклам. — Иди сюда. Я уже замёрзла...

Из окна вправду тянуло пронзительным предостерегающим холодком. Осень уже на пороге, скоро и заморозки начнутся.

— На «Валгалле» нам Дмитрий Сергеевич и Наталья Андреевна про своё прошлое тоже много рассказывали. Но, как бы это сказать — в познавательно-назидательном духе. Всё больше про историю «Братства» и всякие с этим связанные события. А мне интересно просто про жизнь. Вот в Кисловодске Лариса иногда кое-что выдавала...

Девушка хихикнула, вспомнив какую-то элегантную скабрёзность, до которых мадам Левашова была большая любительница и мастерица. Битого жизнью мужика умела в краску вогнать, не меняя тональности голоса и надменно-аристократического выражения лица. Людмила очень любила наблюдать за их с Майей Ляховой пикировками и до сих пор не знала, на какую из дам хотела бы походить.

Вадим лёг, Людмила тут же накрыла их обоих лёгким одеялом до самых плеч. Он чуть подвинулся, ощутил её вправду холодную ногу.

— А ещё к тепловым принадлежишь, — попрекнул он, — никакой саморегуляции. Так и до комнатной температуры дойти можно...

— Зато ты горячий. И здесь у нас несовпадение...

— Или — взаимодействие. Зимой я тебя греть буду, летом ты меня охлаждать...

— Далеко заглядываешь, командир, — со странной интонацией сказала Вяземская.

— Правда, что бы тебе такое рассказать? — как бы пропустил мимо ушей её слова Фёст, поглощённый сейчас борьбой с самим собой. Ему, впервые оказавшемуся с ней рядом, с обнажённой, под одним одеялом, вдруг очень захотелось обнять подругу, «всю», как сказано в одном известном романе, но это означало бы непоследовательность и уступку низменным инстинктам. До этого всю свою жизнь он умел властвовать над ними и ни разу не совершил опрометчивого шага, поставившего бы его в безвыходное (с точки зрения Ляхова) положение. У Секонда, обладавшего аналогичным характером и принципами, всё случилось раньше, но только потому, что ему в его мире встретилась Майя. С такой девушкой он тоже без колебаний связал бы свою судьбу, отказавшись от уже несколько опостылевшей свободы. Что ж, ему своей Майи не повалось, зато нашлась подпоручик Вяземская. Вновь обращаясь к одесскому языку: «Это две большие разницы».

Фёст отчётливо понимал, что с Людмилой его выбор будет окончательный. Никаких либерально понимаемых свобод, «прав личности» и вариантов развода «под настроение». Отчего так — он не вдавался в онтологические дебри, просто знал и всё.

А в этом случае действительно никак нельзя поддаваться инстинктам и эмоциям.

Вадим чувствовал, что сейчас от него не требуется ни просьб, ни обещаний, протяни руку — и всё случится само собой, но ещё отчётливее представлял, что совершенно не знает, как будет утром. В любом варианте — ощущение чего-то неестественного. Трудно принимать решение, зная, что оно может связать тебя с этой достаточно мало-знакомой ещё девушкой на сотню, а то и больше, лет. Впрочем, почему малознакомой? Чем и хороши валькирии, что характер, принципы, эмоциональный и интеллектуальный уровень каждой ясны сразу. По крайней мере — нескольких недель общения хватает, чтобы больше не опасаться неприятных неожиданностей. Прямо как евангельскими принципами каждая руководствуется: «И пусть слова ваши будут да — да, нет — нет, а остальное от лукавого». То есть риск нулевой — через зный отрезок времени осознать, что женился на глупой, жадной и стервозной бабе, гулящей вдобавок.

Это Фёсту ещё при одной из первых длительных стажировок в новозеландском Форте Росс объяснила Сильвия, на своём и Ирины Владимировны примерах. Что вот, мол, какими они от природы получились, такими и будут до неблизкого конца своих дней. Одна — почти патологическая однолюб-ка, вторая — «казанова в юбке», условно говоря. И ничего в этом изменить нельзя, либо смириться с тем, что досталось, или искать себе женщину за пределами их «серий». Тогда Сильвия вроде бы совсем не догадывалась о возможности появления в этом мире своих «младших сестёр», рассказывала просто так, чтобы новый кандидат в члены Братства

полностью ориентировался в окружающем, чётко усвоил границы дозволенного и возможного, в том числе и в отношении женщин, которые его окружают.

Вадим понимал, что теперешние его мысли и рефлексии совсем неуместны, всё давным-давно определено естественным ходом событий, и после той ночи на подмосковной даче Шульгина им с Вяземской предстоит быть вместе, но упрямо продолжал считать, что *время не пришло*. Как будто действительно должно случиться нечто особенное...

— Да не терзайся ты так, — прошептала Людмила, слегка отодвигаясь. — Будь самим собой, и ничего больше. Я тебя выбрала, и никакие твои поступки уже ничего изменить не могут...

Парадоксально, но сейчас Вадим удивился и даже слегка расстроился, если это определение подходит к данному случаю: все внешние данные Вяземской говорили о том, что она должна отличаться пусть и не взрывным, но вполне развитым темпераментом. Ему казалось, что девушка более холодного типа едва ли сумела бы так убедительно и непринуждённо разыграть экспромтом перед милицией и чекистами роль лишённой предрассудков красавицы весьма облегчённого поведения. Не только он, но и посторонние, озабоченные совсем другими проблемами «правоохранители» мгновенно ощутили исходящую от неё мощную эротическую ауру, и психологическую, и гормональную. Это ведь не симитируешь, как нельзя произвольно (без специальных средств), изменить собственный запах.

А сейчас мало, что сама она была абсолютно асексуальна в словах и движениях, так и на него

действовала как ингибитор. Учиться ему ещё и учиться понимать свою возлюбленную. Если этому вообще возможно научиться. Насколько легче и проще с этим делом у брата-аналога Секонда. Уж его жена понятна насквозь, хотя и изображает из себя то девочку-простушку, то роковую женщину-вамп. Жаль, что он не встретил Майю раньше Секонда. И ничего ведь в таком парадоксе странно-го нет — лежит в постели с любимой девушкой и жалеет, что не полюбил другую. Это как раз подтверждение того, что он и Секонд — одно и то же. Это сейчас они расходятся всё дальше (бытие определяет сознание), а два года назад они могли навещать Майю через день, и она бы не заметила разницы.

Усмехнулся про себя, вспомнив вполне дурацкие слова некогда весьма популярного хита «Ах, какая женщина, мне б такую!».

Но Люде он сказал другое, более соответствующее теме:

— Ага. Как одна наша певица в своё время обещала: «И совсем твоею стану, только без тебя...»

Вяземская негромко хмыкнула и демонстративно отвернулась лицом к стене.

— Всё. Спи. Завтра тоже будет день, а могло и не быть...

Утром Президент проснулся довольно рано и сначала даже не понял, где он находится, потом сразу вспомнил и удивился, что чувствует себя более чем нормально. Не столько даже физически, как эмоционально.

Только что вставшее над крышами невысоких домов напротив солнце своими ещё почти гори-

зонтальными лучами попало на скошенные у кромок грани толстого, «под хрусталь» оконного стекла. Словно в призме свет рассыпался на все тона спектра, на потолок упала алая полоска, а прямо в глаза вонзилась изумрудно-зелёная искра.

И отчего-то вспомнилось очень раннее детство и почти такое же солнечное утро, и даже будто зазвучала где-то далеко песня из старого репродуктора: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская земля...» Эта мелодия тогда наполняла его какой-то бодростью, оптимизмом, высокопарно выражаясь — верой в будущее.

Вот и сейчас такое ощущение, словно вчера не случилось ничего экстраординарного, а сам он никакой не президент, хоть страны, хоть корпорации, а самый обычный человек, каким был всего лет десять назад и не помышлял ни о какой карьере, кроме научной. Жаль, что нет под рукой толстого зелёного двухтомника Платона, чтобы открыть на любом месте и прочесть определяющий настроение и направление сегодняшнего дня отрывок вечной истины, как он давно уже привык делать, начиная новый день. А вот сейчас этого не хватало...

Впрочем, отчего не посмотреть? В кабинете по соседству с комнатой, где он проснулся, библиотека в три, а то и четыре тысячи томов, две стены от пола до почти пятиметрового потолка заняты стеллажами, да ещё два больших дубовых шкафа позади письменного стола, тоже полные книг, и явно не массового чтения. Видимо, собиралась книжная коллекция много десятков лет, людьми не только богатыми, но и весьма умными. Скорее всего, есть на

полках не только Платон, но и прочие мыслители древности и нового времени.

Вдруг ему стало грустно от мысли, что не ту он жизнь для себя выбрал... Чем просиживать на заседаниях, совещаниях и «работать с бумагами», куда как приятнее было бы бродить по Москве и Питеру, ежедневно навещая знакомых букинистов. Ну и ещё часа три-четыре в день читать лекции, по вечерам выступать в дискуссионных клубах или просто посиживать в хорошей компании на верандах кафе, как это было принято среди парижских, скажем, интеллектуалов всего век и даже полвека назад...

Он оделся; отчего-то перед тем, как выйти, приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Никого.

«А если бы даже кто и был — какая разница? — подумал он. — Вообще ерунда какая-то! Паранойя?»

В кабинете он взглядом опытного книголюба обошел полки, читать названия на корешках не было необходимости, все они были для него своеобразными пиктограммами, вроде дорожных знаков, воспринимались целиком и сразу.

Ну да, вот же и он, старина Платон, только издание незнакомое — ржаво-коричневый кожаный корешок, потускневшее, местами осыпавшееся сульфатное золото глубоко вдавленных литер. Интересно. А вот и выходные данные: — «С.-Петербургъ. Типография Товарищества «Просвещение», 7 рота, соб.д. № 20. 1903 г. Четвёртое издание со стереотипа».

Сто с лишним лет книге, а как новенькая, и желтоватая веленевая бумага чистая, без плесневых пятен и затхлого запаха.

И вдруг пронзила мысль — да ведь за окном почти это же самое время! Не абсолютно, конечно, но неизмеримо ближе к «старому», чем его родное. Без войн, без революций (то, что здесь случилось, ни в какое сравнение с *нашими* делами не идёт. Как «путч Рема», то есть ликвидация штурмовиков в Германии 1934 года относительно сталинских *мероприятий* 1937—1938 гг.), без целенаправленного и кардинального слома всего психотипа нации. Об этом он раньше как-то не задумывался.

Тряхнул головой, наугад раскрыл первый том «Диалогов». В самом начале правой страницы под номером 351 прочёл:

«Сократ. Но вот что я уже не от других слышу, а знаю точно, и ты тоже знаешь — что сперва Перикл пользовался доброю славой и афиняне не присуждали его ни к какому позорному наказанию, пока сами были хуже, когда же заслугами Перикла сделались честными и благородными, то осудили его за воровство и чуть было смертного приговора не вынесли.

Каллик. Ну и что же? Признать по этой причине Перикла дурным?

Сократ. Ну, во всяком случае скотник, присматривающий за ослиами, лошадьми или быками оказался бы дурным при таких обстоятельствах — если бы он принял животных смиренными, и они не лягали бы его, и не бодались, и не кусались, а потом, под его присмотром, вдруг одичали. Или же тебе не кажется дурным скотник, — кто бы он ни был, — у которого смиренные животные дичают? Да или нет?»¹.

¹ Диалог «Горгий», 80-е годы IV века до н. э.

«Однако», — подумал Президент, слегка даже обескураженный. Редко ему выпадали столь чётко подходящие к текущему моменту цитаты. То есть, он хотел узнать, что сулит ему столь ненадёжное теперь и неопределённое будущее. А получил ответ, касающийся настоящего. Хуже Перикла ты оказался, господин Президент. Тот хоть успел сделать своих подданных честными и благородными, а твоими трудами даже ближайшее окружение начало кушаться и лягаться, минуя предыдущую стадию. Просто до поры старались вроде бы «соблюдать правила игры», а потом сообразили, что решительных воспитательных, тем более — карательных действий от главы государства ждать не следует, но некоторые его манеры и идеи всё же препятствуют полной «вольности дворянства», вот и решили... Непонятно только, отчего не обошлись с ним сразу как с Павлом первым. Видимо, кое-какое смягчение нравов всё же имеет место. Или просто расчётливее люди стали...

Он захлопнул книгу, и тут вдруг из-за спины слышался голос. Президент даже вздрогнул слегка от неожиданности.

— И что же вы почерпнули, Георгий Адрианович, из сего кладезя мудрости?

Он обернулся. На диване полусидел, касаясь опоры только одной стороной обширного тела, скандальный журналист Волович, о существовании которого Президент совсем забыл — других забот хватало. Да и находился тот вчера в мало вменяемом состоянии. Но сейчас он был на удивление свеж несмотря на встрёпанность причёски и быстро проступившую небритость. Да и не похо-

же, чтобы похмельем маялся или от раны чересчур страдал.

— Вчера нам поговорить, да и познакомиться толком не было времени, — с несколько двусмысленной улыбкой продолжил раненый. — На всякий случай напомним — Волович моя фамилия, Михаил, если угодно. Писал много, преимущественно публицистику и стихотворные памфлеты. В том числе и лично в ваш адрес.

Сказал и упёрся в Президента сильно выпуклыми карими глазами, умными на удивление. Обычно глаза навывкате воспринимаются с заведомым предубеждением.

— Ну, писали и писали, — как можно безразличнее ответил Президент. — Чем же вам ещё деньги зарабатывать? По нынешнему времени получать гонорары, как Горький в разгар своей до-революционной славы, на голом литературном мастерстве не выйдет. *Ниспровергателям* куда лучше платят... заинтересованные лица.

— Горький тоже антиправительственных вещей много написал, — слабо возразил Волович, слегка раздосадованный слишком *толерантной* позицией собеседника.

— Было такое, — пожал плечами Президент. — Сначала к низвержению самодержавия призывал, потом «Несвоевременные мысли» против большевиков издал. Но знаменит всё же не этим. Вы бы сами попробовали что-то вроде «Жизни Клим Самгина» издать, с тем же литературным и финансовым успехом...

— А вы неплохо разбираетесь в истории литературы, — сменил явно невыигрышную для него тему Волович.

— Ну, как же, — широко улыбнулся Президент, ставя книгу на полку. — Вот даже Платона на досуге полистываю. Не только фельетоны Жванецкого да ваши...

— Извините меня, конечно, Георгий Адрианович, — словно бы засмущался Волович, — но не могли бы вы мне стопарик коньячку вчерашнего коллекционного нацедить. Страх как укрепить слабеющие силы требуется, а вставать мне очень трудно пока. До туалета ещё доползаю кое-как, за стульях цепляясь да по стеночке, да и то исключительно из самолюбия. Никакими усилиями не могу заставить себя у столь прелестных существ, как наши героини, «утку» попросить...

— Отчего же, — Президент открыл среднюю дверцу шкафа, откуда вчера Фёст доставал бутылки. — Судя по господствующим в этом доме нравам, наш с вами поступок не выходит за пределы хорошего тона...

— Да уж! — поддержал его Волович, на самом деле понятия не имевший, что за нравы на самом деле царят в доме Фёста и его невыносимо очаровательной *заокеанской подруги*. Как и многие другие, Волович *автоматически запал* на Людмилу, с первой секунды, как увидел её на тротуаре перед редакцией. Ничего подобного её загорелым ногам, издевательски-демонстративно прикрытым сверху сантиметров на тридцать коротенькими потёртыми шортами, он в жизни не видел, хотя побывал на доброй сотне самых престижных пляжей мира. На рекламах чулок или колготок, всюю использующих фотошоп, подобное может быть, но не в реальной жизни. Кстати, грудь Вяземской под обтягивающей

майкой впечатлила его гораздо меньше: тут у него были другие эстетические критерии.

— Если здесь Мила хозяйка, то так и есть... — лёгкая тень гримасы, пробежавшая по его лицу, позабавила Президента.

— А что, вам Герта не понравилась? — деланно удивился он. — Тоже весьма красивая девушка, вдобавок — спасительница, моя, а главное — ваша.

— Нет уж, вы меня извините. Ничего личного, как говорится, но меня Афродита гораздо больше возбуждает, чем Афина Паллада. Хотя по дошедшим до нас скульптурным изображениям своими женскими статьями и прелестями они не сильно отличаются... Мне просто не очень нравятся, даже настаораживают девицы, бегающие с автоматами, палящие во все стороны, способные материться, как свержсрочник-боцман и умеющие одним ударом нежной ручки перешибить человеку хребет...

— Но столь очаровавшая вас мисс Вяземская тоже... — Тень усмешки не сходила с лица Президента. Светский разговор, что лучше для укрепления хорошего утреннего настроения?

— У неё это только непринципиальный эпизод, — упёрто возразил Волович, а про себя задумался: как же оно на самом деле? Девушка-консультантка то ли из Парагвая, то ли из Сан-Франциско, но ведёт себя здесь ничуть не скованнее и не *политкорректнее*, чем дева-воительница баронесса фон Витгефт. Юной иностранке переодеваться в военную форму чужого государства, брать в руки оружие и в открытую воевать с вооружёнными силами и правоохранителями... У них в Штатах такие шалости на пожизненное тянут. Впрочем, это только если иностранка на их территории чем-то подоб-

ным займётся. А наоборот — пожалуйста, никаких ограничений.

— Вы удивительно много помните из случившегося вчера, — сказал Президент, когда журналист упомянул фамилию и титул Герты. — А выглядели...

— Так в этом и суть моей профессии, Георгий Адрианович, — весело провозгласил Волович, принимая из рук Президента тяжёлую серебряную чарку дореволюционной работы, стандартного для такой посуды объёма¹.

— Никто не поверит, что лично вы мне спасительную дозу живительной влаги поднесли! — провозгласил он и немедленно выпил. Ему нравился свой стиль, избранный для общения с Президентом, лишённый подобострастия, почти панибратский. А он ведь впервые встретился с этим человеком с глазу на глаз. До этого Михаил писал все свои памфлеты и инвективы, глядя только на его портрет или телевизионное изображение. И в прозаических или рифмованных периодах, казавшихся ему весьма изысканными, непременно изображал главу государства жестоким, злобным и одновременно мелким автократом, если до сих пор не пролившего реки народной крови, то только из прагматического расчёта и генетического страха перед Великим Демократическим Западом. Этот самый Запад и оплачивал труды Воловича по десятикратной, если не больше, ставке в сравнении с гонорами авторов проправительственной или объективно-нейтральной прессы.

¹ Чарка — традиционная русская дометрическая мера объёма жидкости. 1 ч. = 1/10 штофа = 2 шкаликам = 0,123 литра.

То, что «кровавый тиран» не только не велел до сих пор отправить Воловича «на дыбу и правёж» в подвалы своего Тайного приказа, но даже ни одного номера газет, где Волович печатался, не запретил, Михаила даже задевало. Прекрасно зная истинную позицию власти в отношении таких, как он, «золотое перо либеральной журналистики» считал, что той следовало бы быть пожестче. Как в восхитительные времена «Серебряного века», судя по фельетонам из пожелтевших подшивок «Нового Сатирикона». Там полиция за печатные выпады против особы Государя обычно штрафовала издателя на смешную сумму в пару тысконок, а уж чересчур распоясавшегося «обличителя», вроде Дорошевича или Аверченко могла и засадить (исключительно по суду) на месяц-другой «в холодную».

Если б ему, Михаилу Воловичу, «сатрапы оккупационного режима» организовали аналогичный срок в приличном ИВС¹, с вежливым персоналом и сервисом хотя бы трёхзвёздочной гостиницы (но уж не ниже, иначе весь Запад всколыхнётся гневом и возмущением), он бы автоматом получил какую-нибудь Пулитцеровскую премию, минимум гринкарту США, удостоверение политического беженца и билет, с открытой датой вылета в любую страну ЕС и всего НАТО в целом.

Но такого подарка власть, олицетворяемая этим вот радушно-ироничным человеком, ему так до сих пор и не сделала. А на более «острую» акцию, вроде той, что вчера предлагал Ляхов, Волович благо-разумно не отваживался. Месяц ИВС или хотя бы «трояк» Зоны — принципиально разные вещи. Однако всё равно схлопотал осколок в задницу и чу-

¹ И В С — изолятор временного содержания.

дом избежал пули. Между глаз или в затылок, смотря по обстоятельствам. Заодно и понял, как-то сразу, что власть такого Президента — далеко не худший вариант в *этой стране*.

— Теперь буду всем рассказывать, да только не поверят ведь, — сокрушённо вздохнул Волович, за нюхивая коньяк рукавом пёстрой рубашки, в которой и спал. — Если вообще представится впредь такая возможность...

И взглянул на Президента неожиданно остро, пронзительно, со вторым или третьим смыслом, кроющимся за самыми обычными словами.

— Какие-то сомнения испытываете? — Президент, только что отнюдь не собираясь этого делать, присел за стол напротив Воловича, рассеянно взял со стола полупустую сигаретную пачку, почти машинально закурил. Кажется, давно оставленная привычка вернулась к нему всерьёз и надолго. Да почему бы и нет? На так называемый «имидж» теперь наплевать, а без хорошего табака ему все пять лет, что он не курил, постоянно чего-то не хватало. Только уж если начинать, то надо переходить на трубку. Трубка придаёт многозначительность и особый мужской шарм, как, например, артисту Янковскому...

— Вы шутите или что? — окончательно перешёл на равную ногу журналист. — Я, клянусь вам, Вадима Ляхова давно знаю, и с «братцем» его встречался как-то, и разговоры мы очень... неординарные вели. И за вчерашний день и половину ночи я, считай, ни одного слова не пропустил, что при мне, пусть и не для меня, произносились. Диктофона нет, так и без него здесь, — он постучал себя пальцем по лбу, — всё как надо зафиксировано.

Если не всегда дословно, то по смыслу — тик в тик. А выводы я делать умею. Никто нас с вами отсюда не выпустит.

— Да неужели?

— В нынешнем качестве — ни за что! — Голос и выражение лица Воловича свидетельствовали о его глубочайшей убеждённости в своих словах. — Кому и зачем это нужно? Вы разве не поняли до сих пор — мы имеем дело со всемирным заговором...

— Надеюсь — не сионистским?

— Да оставьте вы своё благодушие! Они же все инопланетяне, как вы ещё не догадались? И то, что вчера устроено было — классная инсценировка, только чтобы нас с вами в безвыходное положение поставить и перевербовать, заставить под свою дудку плясать.

— Ну, вам не привыкать, не понимаю, почему эта тема вообще вас волнует, — глаза Президента сузились, тон стал жёстким да ещё и слегка презрительным. — А за себя я как-нибудь сам отвечу. Боюсь, что та часть тела, куда вас ранили, играет непропорционально большую роль в ваших мыслительных процессах...

— Вот! — с горечью провозгласил Волович. — Даже здесь вы не желаете прислушаться к голосу разума. Никогда не хотели, а если бы с самого начала следовали моим советам и рекомендациям! Я сколько тонн бумаги извёл, чтобы донести до вас простейшие, самоочевидные истины... Вы же как упёрлись в свою «суверенную демократию»... Вот теперь получите настоящую самодержавную диктатуру, в свою очередь пляшущую под чужую дудку.

Президент подумал, что память у журналиста, возможно, действительно диктофонного типа, но

вот остальные составляющие личности вызывают сомнение. Если его от ста грамм так ведёт... Впрочем, это может быть и игрой с пока неясной целью.

— Я думаю, для начала знакомства мы обменялись достаточным количеством взаимопользных мыслей, — несколько чопорно, при этом глядя не на Воловича, а в окно, где блёклые утренние тона небосвода наливались полноценной синевой, сказал Президент. При этом он вдумчиво, со вкусом затягивался чуть кружащим голову дымом и с сожалением посматривал краем глаза, как быстро растёт столбик пепла, а огонёк приближается к фильтру.

— Не хотите слушать голос истины и разума, — с надрывом в голосе произнёс Волович.

— Вы знаете — действительно не хочу, — радуясь, что не нужно сейчас играть словами, произнося то, что требуется моментом и маскируя истинные мысли, ответил Президент. — За время своей нынешней службы я выслушал столько всяких глупостей, сколько не слышал от студентов на зачётах и экзаменах за десять лет преподавания. Так что можете считать — лимит исчерпан. Ложитесь лучше отдыхать. Думаю, скоро вам предстоит перевязка и какие-то ещё малоприятные процедуры. Продолжим как-нибудь позже...

Он вышел из кабинета и направился в кухню, откуда слышались соответствующие времени и месту звуки. Там он увидел Герту, одетую весьма по-домашнему и выглядящую совсем не воинственно. Она не рассчитывала встретить так рано кого-нибудь из своих высокопоставленных гостей и подопечных, оттого не стала наряжаться и, тем более, краситься. Умылась, причесалась, накинула лёгкий халатик неброской расцветки, именно что-

бы только не совсем уже голой по дому расхаживать. Очень даже просто и располагающе. Он даже удивился слегка.

— Завтракать будете? — спросила девушка. — Что-то ты вы рановато поднялись. Народ точно до обеда спать собрался.

— Не имею привычки. По мне — с шести до девяти утра самое лучшее время. Особенно — на природе.

— А мне — всё равно, — баронесса поджаривала гренки и одновременно следила, чтобы кофе не убежал. — У нас ещё с училища (так она для простоты и понятности назвала свой интернат на Таоррэ-Валгалле) у всех часы на двадцать четыре деления.

— Как у подводников?

— Правильно. И у полярников тоже. Вам что ещё приготовить, вы как вообще завтракаете? Могу яичницу с беконом, если по-американски, или...

— Предпочитаю по-французски. Чашку кофе, круассан или вашу гренку — и хватит. Нагуляю аппетит, где-нибудь в городе перекушу...

Сказал — и насторожился. Что ответит грозная воительница, прикинувшаяся феей домашнего очага?

— Вы в город собрались? — без особого интереса спросила Герта, лёгким движением руки убирая упавшую на глаза прядь волос. — Один?

— Именно что один. Обожаю рано утром выйти в незнакомый город и без всякой цели бродить по улицам, смотреть, слушать...

— Разве для вас Москва — незнакомый?

— Более чем какой-то другой. Топография центра почти та же, а в остальном... Вчера я в этом убе-

★ дился, жаль, что вы меня слишком плотно опекали. Сейчас хочу побродить сам по себе, осмыслить впечатления...

Закончив кормить гостя, Герта профессионально, как официантка со стажем, убрала со стола, и пока Президент закуривал теперь уже законную, после завтрака, сигарету, выскользнула за дверь. Он с интересом и некоторым внутренним напряжением ждал, кто появится вместе с ней или вместо неё, какими доводами станет убеждать отказаться от своего замысла. Однако девушка вернулась одна, но не с пустыми руками, а с небольшой кожаной сумкой. Здесь такие многие мужчины носят на плече.

— Вот, возьмите, — протянула девушка предмет, внешне не отличающийся от пачки довольно крепких, без фильтра, сигарет «Друг». Красный твёрдый картон, тиснёное золотом изображение головы немецкой овчарки. — Это переговорное устройство. Сотовых телефонов здесь пока не существует, может, вскоре с вашей помощью появятся. Но это километров на сто уверенно работает. Если слой Хэвисайда¹ в порядке. Нажимаете вот здесь и говорите. Либо я, либо полковник Ляхов сразу ответим. Желательно это делать не на глазах местного населения, здесь говорящий в пространство человек вызывает недоумение. Кроме того — изделие секретное. И вот ещё ваш парабеллум, — она вынула из сумки президентский «08». — Возьмёте? У нас уважающие себя мужчины без оружия не ходят.

¹ Хэвисайд — английский физик конца XIX — начала XX века. Создал теорию передачи радиосигналов на дальние расстояния. Открыл наличие ионизированного слоя атмосферы, от которого и отражается радиоволна (как бильярдный шар от борта).

— Ляхов говорил, что здесь совершенно безопасно...

— Потому и безопасно. Д'Артаньян, к примеру, где-нибудь без шпаги появлялся? Без штанов, кажется, было, но без шпаги? И не потому, что уличных хулиганов или ночных грабителей боялся. Личное оружие — определяющий атрибут свободного человека и степени свободы общества.

— Интересная у вас точка зрения. И как же я, допустим, свой пистолет носить должен?

— Да как хотите. Можно в наплечной кобуре, можно в поясной или просто в кармане. Конечно, если «ноль восьмой» для вас тяжёл, могу маленький «Вальтер» или отечественный «Стрелец» принести.

— Нет уж, спасибо, Герта. На первый случай я в новый для себя город лучше так, налегке прогуляюсь. Тем более — звание «свободного человека» ещё ведь заслужить надо...

— Ну, воля ваша. Надеюсь, вы в городе не заблудитесь. Если что потребуется — к любому родовому обращайтесь. Или сам поможет, или подскажет. А вообще лучше сразу нам звоните. Вас к обеду ждать?

— Это когда примерно?

— Наверное, около четырнадцати...

— Постараюсь быть.

Он направился в прихожую, но Герта его окликнула.

— Подождите, отвлекли вы меня. Куда собрались, без денег? Я же специально за ними ходила...

Она вручила Президенту полный комплект здешних казначейских и банковских билетов — от рубля до пятисот, и ещё приличную горку серебряных и медных монет. Тут же объяснила, сколько что

стоит — проезд в трамвае, на метро, извозчике, завтраки и обеды в трактирах и ресторанах, порядок цен на наиболее ходовые товары первой необходимости. И, наверняка в виде казарменного юмора — расценки на высококачественных девушек лёгкого поведения. Отдельно на уличных и в «домах свиданий». Заодно и проинструктировала, как разведчика, отправляющегося на задание, как именно здесь принято расплачиваться, где торговаться можно, а где — ни в коем случае, и как в просторечии и на разных жаргонах называют денежные единицы.

Кроме общеизвестных пятака, гривенника, полтинника, оказывается, здесь по-прежнему в ходу, как в словаре Даля, всякие просторечные «семишники», «алтыны», «пятиалтынные», «двугривенные», «целковые», а из монет «высокого разбора», вроде английских гиней — «империалы» и «полумпериалы». Бумажки тоже именовались разнообразно и изобретательно — «канарейка» (рубль, за цвет, видимо) «синенькая» — пять, «красенькая» — десятка, «угол» или «четвертная» — двадцать пять. Те, что крупнее, назывались по портретам императоров, то пренебрежительно: «сашка» (Александр III), «колька» (Николай I), то уважительно-фамильярно — «катенька» (Екатерина Великая), то строго официально — «Пётр». Ну и в этом же духе, тут нужен целый справочник по жаргонной нумизматике и бонистике писать.

— Если сразу не запомнили — неважно, — подвела итог Герта. — Главное — просто не теряйтесь, держитесь как ни в чём ни бывало. Никто вас за ошибку в жандармерию, как японского шпиона не потянет. Как хотите, так и выражаетесь. Толь-

ко матерно на улицах категорически не допускается. Вплоть до ареста и приличного штрафа. Желаю приятных впечатлений.

Президент вышел из подъезда на гладкую брусчатку переулка до глубины души удивлённый и даже поколебленный в своих самых основательных страхах и предубеждениях. Он, затеявая свою игру, был совершенно уверен, что девица под любым предлогом не выпустит его из квартиры, в крайнем случае позовёт на помощь Вадима (Фёста), как вариант — предложит себя или подругу в сопровождающие. А тут всё просто — решил погулять, ну и иди. Как бы с намёком — хоть так, хоть так, а деваться тебе некуда.

А когда он, поколебавшись немного, повернул от парадной налево, в сторону Петровки, Герта, проводив Президента взглядом, сняла трубку телефона. Набрала прямой номер Секонда.

— Вадим Петрович, объект первый решил утренним московским воздухом подышать. И осмыслить вчерашние впечатления. Я ему, как и договаривались, отдала переговорник «сто тридцать третий». Да, включён, конечно. Еще шестьсот девяносто четыре рублями бумажными и три рубля мелочью. Так точно — полный комплект. Оружие не взял. То ли толстовец, то ли провокаций опасается. Остальные отдыхают, работали допоздна. Хорошо, всё понятно. Тогда я тоже часика три вздремну —

«не раздеваясь, расстегнув верхние пуговицы и ослабив поясной ремень...»¹.

— Вас понял, баронесса, — усмехнулся на той стороне провода Ляхов, уловив второй смысл шутки. — Можете и подольше, и совсем раздевшись. Я с караула снимаю, остальные и так никуда не денутся. Журналист наш не помер, случаем?

— Никак нет, господин полковник. С Президентом немного попрепирался, две чарки выпил и снова спать завалился. Живее всех живых...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Приподнятое, даже слегка эйфорическое, настроение не проходило. Слишком вокруг всё было хорошо — ярко-синее, праздничное какое-то небо, свежий, но не холодный утренний воздух, чуть влажная от росы брусчатка под ногами. Воздух ощутимо более чистый, чем в «другой Москве», почти такой же, как на загородной даче. Вообще ощущение, будто в первый день отпуска или даже — студенческих каникул.

И ещё одно — почти забытое чувство — одиночества в чужом городе. Ты никого не знаешь и никто — тебя, нет ожидания или опасения, что на любом углу можно встретить приятеля или совсем наоборот, каким-то образом учитывать в своих действиях то, что вскоре они могут послужить предметом обсуждения и осуждения в дружеских и не очень кругах. В качестве же президента он во-

¹ Пункт Устава гарнизонной службы, определяющий, в каком виде разрешается отдыхать начальнику караула. После многоточия следуют слова: «Сапоги разрешается стянуть до середины голенища».

обще забыл о том, как это бывает — превращаться, по сути, в человека-невидимку после того, как несколько лет состоял под плотным ежеминутным, фактически, контролем, прежде всего, собственной охраны и по восходящей, чуть ли ни каждого из сотни миллионов собственных граждан дееспособного возраста. Оттого и забыл почти, что это значит — бесцельно и невозбранно бродить по улицам.

А здесь он никто и звать его никак — старая присказка теряла свой уничижительный смысл, приобретая совсем противоположный.

Забавно, но даже наличие приличной суммы «карманных денег» его радовало. Большую часть жизни их у него просто не бывало, а потом вдруг это понятие при его должности потеряло смысл. Исчезла прежде всего возможность самостоятельно и бесконтрольно потратить какую-то часть своих доходов на собственные удовольствия. Нынешние крупные, отпечатанные на приятной на ощупь шелковистой бумаге купюры внушали уважение своим элегантно-архаичным дизайном начала прошлого века, а главное, тем, что здесь имели хождение все денежные знаки этого образца, хоть первых серий, ещё тысяча девятьсот пятого-девятого годов, каллиграфически подписанные от руки никому уже неизвестными Управляющим и Кассиром, хоть отпечатанные только вчера. Невзирая на большевицкий¹ переворот и Гражданскую войну (правда, очень короткую), денежных реформ на территории Империи не было ни одной за сто с лишним

¹ Автор согласен с А. Солженицыным, считающим, что данное слово следует писать по общим правилам русского языка (плотник — плотницкий, дворник — дворницкий), а не использовать уродливый «идеологический» суффикс «стский», нигде более не применяемый.

лет. Сегодняшнему человеку это дико даже вообразить — нашёл в прабабушкином сундуке бережно сложенную вчетверо бумажку, спрятанную под покрывающими дно газетами тех же примерно лет, порадовался, да и пошёл в магазин, чтоб помянуть старушку, полвека назад ушедшую, но сделавшую правнучку, никогда ей не виденному, подарок *оттуда...*

На перекрёстке Петровки Президент поколебался секунду и свернул вправо, предполагая затем выйти на Кузнецкий Мост.

Вчерашняя автомобильная поездка по городу не доставила нужного впечатления, зато сейчас он постигал эту Москву изнутри, как бы сливаясь с ней, из созерцающего субъекта превратившись в её миллионную, но неотъемлемую частицу.

Странно и радостно было увидеть ЦУМ, не испорченный реконструкцией, а таким, как он запомнился самой ранней детской памятью. Всплыло его старое название «Универсальный магазин Мюра и Мерилиза». И здания — вокруг него и в перспективе расходящихся улиц. Вроде бы те же самые, но отчего-то выглядят они словно где-нибудь в Париже или Вене — на свой возраст, но не запущенными, грязноватыми, а то и откровенной облупленными и грязными, а, так сказать, «подёрнутыми благородной патиной времени». Видно, что домам по полтораста, двести и более лет, но явственно ощущается, что ухаживают и следят за ними каждодневно, а не по случаю «великих праздников» (да и то, если «в план» попадут). Совсем другое ощущение на этих улицах и переулках. А если добавить ещё, что в поле зрения, куда ни кинь взгляд, ни од-

ного новодела — так действительно воображается, что совсем в другую страну попал. Ему вдруг стало будто бы стыдно — отчего раньше на такие вещи внимания не обращал, проносясь по столице в бронированном «Мерседесе» с задёрнутыми шторками? А ходил бы по городу пешком, как любил Император Николай Павлович Первый (и без охраны, ибо, как сказал граф Бенкендорф¹ — «любой русский человек своему Императору лучшая защита!»), так, небось, побольше бы всего увидел, возможно, и лично распоряжался — в каком году в какой цвет «присутственные здания» красить и какого архитектора уже пора «лишить всех прав состояния» и направить в арестантские роты бессрочно.

Людей попадалось навстречу совсем мало, что понятно — рано ещё. Президенту вчера объяснили — здесь, как и до семнадцатого года, «присутственное время» с десяти утра до четырёх пополудни. Вполне хватает шести рабочих часов чиновникам для своих бумажных дел, благо повседневная жизнь катится, налаженная, сама собой, с деятельностью государственной власти почти не пересекаясь. А прочий трудовой люд работает по графикам, соответствующим их роду занятий, но, как правило, не в культурно-деловом центре города. Вот магазины всякие здесь с восьми открываются, но наплыва покупателей в них не видно, они в Старом городе совсем не для того, чтобы делать необходимые повседневные покупки. Так, отметить, перед знакомыми при случае похвалиться вещич-

¹ Бенкендорф А. Х. — генерал от кавалерии, с 1826 г. шеф корпуса жандармов и Главный начальник Третьего отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Друг и доверенное лицо Николая I.

кой с этикеткой одного из лучших торговых домов, «Поставщиков Двора Его Величества».

Нет, хорошо всё-таки, чёрт возьми, почувствовать себя совершенно свободным человеком! Это может показаться странным, невероятным, несовместимым с так называемым *здравым смыслом* и его логикой. Президент великой державы, только вчера переживший самое страшное, что может случиться с политиком: крушение тех идеалов, которыми он руководствовался, попытку государственного переворота, откровенно говоря, на данный момент *там* — удавшуюся. А как же иначе — Президент исчез (бежал, убит — не суть важно), заговорщики получили полную свободу рук. А он вдруг свободен и почти счастлив!

Абсурд вроде бы, но вчерашний, невероятно долгий день, вместивший в себя сюжеты и политического триллера, и шекспировской трагедии, и иронического фарса оказал на него парадоксальное воздействие: будто безусловно смертельный яд, обернувшийся на деле чудодейственным лекарством. Президент ещё не проанализировал, что же именно так на него повлияло, да и не очень ему сейчас хотелось это делать. Всё равно ведь, как ему сказано, проведённое здесь время — *не в зачёт*. Можно сколько угодно (в буквальном смысле) сибаритствовать, развлекаться, думать, строить наполеоновские планы возвращения в Париж с острова Эльба — там, в *настоящей* Москве, время будет стоять, *зафиксировав кадр* и ожидая, когда неизвестный киномеханик вновь запустит плёнку с *того самого места*.

Как это может быть и может ли быть вообще, он не понимал, а главное, не хотел об этом задумываться. Было бы невозможно — он сейчас здесь не гулял бы, а... Об ином, «реалистичном» варианте сюжета он тоже сумел заставить себя не думать. Причём — удивительно легко.

Нашёл гораздо более интересную тему для анализа. Вот, например, почему воинственная, отважная, грубая и одновременно заботливая девица Герта позволила себе более чем бестактность в разговоре с Президентом? Пусть и в изгнании, но всё же! Назвать цены на девочек в борделе — это надо же! Оскорбление в чистом виде. А цель?

Ладно, он сразу заметил вчера, несмотря на отнюдь не располагающую обстановку, что Мятлев сражён баронессой наповал. Да и Анатолий *поплыл* от общения с Людмилой Вяземской. В принципе, неудивительно — перешагнув рубеж сорокалетия, мужчины в массе теряют иммунитет перед чарами юных прелестниц «с ногами и формами», но уж так сразу... Вот на него, например, ни та ни другая *гипнотического* воздействия не оказали. Да и смешно было бы — не в том состоянии он вчера находился. Хотя вечером, когда всё кончилось и коньячком стресс сняли, настроение у Президента было уже другое. И тем не менее...

Однако же! Вот в чём дело! Да, был сегодня момент, на котором Герта его и подловила. Она вошла у плиты, готовя завтрак, уронила на пол ложечку. Присела, чтобы её поднять. Да так присела! Очень удачно... Кадр получился достойный «Эммануэль» или «Основного инстинкта» (а что, в свои студенческие годы Президент эти фильмы смотрел,

как и все тогда, на первых появившихся в СССР видеомагнитофонах, рискуя очень многим¹). Но ведь продолжалось это всего секунду, от силы две. Потом девушка встала, и ведь, кажется, даже головы в его сторону не поворачивала, но, значит, боковым зрением или вообще сверхчувственным восприятием уловила то ли взгляд его, то ли всплеск эмоций в чистом виде, вроде как скачок напряжения в электросети. Не мужик он, что ли, без эмоций такую, прямо на подсознание действующую картинку пропустить? И тут же не преминула отомстить? А за что тут мстить? «Радоваться надо», — если слегка Сталина перефразировать. Нет, безусловно, это просто у неё юмор такой.

Но девица с характером и наблюдательная. Вот из такого типа людей нужно было с первого дня президентства окружение своё формировать, никакими другими критериями не руководствуясь.

Так о чём он только что думал, о серьёзном, а не о нахальной девчонке в подпоручичьем (лейтенантском, то есть) чине? Ах, да!

Отчего он не страдает, не рвёт на себе волосы, не бьётся головой о стенку? Гуляет вот, по сторонам смотрит, о молодых девочках думает. Неужели он настолько надорвался, так смертельно устал, что даже нынешнее положение кажется ему избавлением? И даже не от *непосильной ноши*, как принято выражаться. Глупое, кстати, выражение примени-

¹ В «позднебрежневские» и «горбачёвские времена» (до 1988 г. примерно) за групповой просмотр на появившихся тогда видеомагнитофонах «эротических» фильмов владельцу (организатору) грозил срок до 5 лет, зрителям, вроде нашего Президента, — «профилактическая беседа» в КГБ (именно, не в милиции или по месту работы, учёбы, службы). Студентов нередко исключали из комсомола и института.

тельно к политику. Господь Бог посылает каждому ношу по силам, и никак иначе, а если ты не справился — твоя вина и твоя беда. Георгий Адрианович надорвался, не каменные блоки на стройке таская, а в болотной трясине барахтаясь. Бессмысленное, нужно сказать, занятие. Заниматься им можно разве что из отчаяния или полной неспособности понять, что не выберешься, если немедленно кто-нибудь с берега не протянет подходящую жердину или конец верёвки.

Общаясь со своими новыми знакомыми, к исходу вчерашнего, едва ли не ставшего роковым для всей России дня, Президент понял, только не подал вида окружающим, что Фёст был прав. Прав ещё во время их первой встречи, через телевизор, хотя и выглядел нелепо в своём дешёвом гриме. Он тогда ещё процитировал слова Андропова, последний раз подарившего народу надежду, что из тогдашнего «социализма» ещё может выйти что-нибудь путное. И что сказал Юрий Владимирович, Генсек № 4? «Мы не знаем страны, в которой живём». Так тому, «наследнику Сталина», вроде и естественно не понимать страны, граждане которой хотят совсем не того, что им внушает и навязывает КПСС «во главе с её ленинским Центральным Комитетом».

Но уж он-то, современный, молодой ещё человек, начавший *реально* взроснуть вместе с «перестройкой», видевший *своими глазами* всё, что ежедневно происходило в России за эти четверть века. Европейски образованный, с вполне демократическими и умеренно-либеральными убеждениями, собственным умом и способностями пробившийся из обычных университетских ассистентов в Пре-

зиденты! Как же он не смог понять сути, архетипа той страны, которой взялся руководить?

И вот всё пошло прахом, потому что просто не оказалось в России людей, способных и оценить, и поддержать, и защищать его идеи. Но именно в этот момент (как нередко уже случалось в истории) нашёлся отставной капитан медицинской службы, «полковник» несуществующей в реальности Российской Императорской Гвардии, *на пальцах* объяснил ему то, чего не могли понять и осмыслить сотни, да что там, тысячи и десятки тысяч политиков, экспертов, учёных, журналистов: и привластных, и якобы «оппозиционных». Отечественных и зарубежных. Объяснил простейшую, в сущности, вещь — *настоящей* России, попросту говоря, *наплевать* на все предлагаемые ей начальством или «властителями дум» *варианты*. Поскольку нет среди них того самого главного, единственного.

А раз нет, так живите вы сами, господа-товарищи, по своим законам и идеям. А мы тоже как-нибудь, по-своему. И татаро-монголов, слава богу, пережили, и нашествия «двунадесяти языков», и большевиков с коммунистами... Ну и вас, само-собой, переживём и забудем, включив некоторые поучительные моменты (должным образом их переосмыслив) в свою национальную мифологию.

По скользкой, абсолютно ровной, будто вчера только положили, брусчатке Кузнецкого Моста Президент поднимался в направлении Большой Лубянки. Вдруг слева с огромным удивлением увидел магазинчик «Карты и атласы», точно такой же, как в его Москве, и на том же самом месте! Удивительнейшее дело — что в этой России, что в другой оказался некий инвариант, за сто лет не сме-

нивший своего профиля и назначения, не взирая на все пронёсшиеся над страной революции, войны, поочерёдно сменявшие друг друга экономические системы, отношения к собственности и самих собственников. А эта «торговая точка» намертво укрепилась на своём месте, не хуже шляпки самокованного гвоздя, вбитого в дубовую балку. Торгуется нужным всем, но едва ли приносящим сверхприбыли товаром, и никто на эти полсотни квадратных метров в самом-самом историческом, безумно дорогом месте Москвы не посягает, даже некогда всемогущий Лужков не замахнулся...

Не только из сентиментальных, но и практических соображений Президент вошёл, поздоровался с пожилой, за шестьдесят, и очень старомосковской на вид продавщицей, или — приказчицей, если поздешнему. Долго рассматривал ассортимент, выбрал и купил большую складную карту-схему Москвы, откорректированную и изданную уже в текущем году, и карманный атлас мира, снабжённый плоской пластиковой лупой, размером как раз в страницу, позволявшей разбирать высококачественные, но крайне миниатюризированные карты. Заплатил целых три рубля с копейками, что по здешним меркам достаточно дорого. Так на то и Кузнецкий. Дама-приказчица сама сказала, что то же самое, но, разумеется, попроще и похуже качеством на Сухаревке можно купить раз в пять дешевле.

Президент сам догадался, что она имеет в виду не описанную Гиляровским и другими бытописателями толкучку на означенной площади, имевшую быть в конце XIX века, да и вплоть до тридцатых годов века XX тоже, а «общедоступный» книжный магазин, вроде теперешнего «Библио-Глобуса», на

углу Первой Мещанской (пр. Мира). Они вчера проезжали на машине мимо его ярко освещённых витрин и заметной рекламы.

Раз мысль повернула в эту сторону, президент, выйдя на улицу, пересёк наискось тротуар и мостовую, где вместо «*потусторонней*» «Книжной лавки писателей» помещался обычный букинистический магазин. Нет, какая-то магия места сохраняется, невзирая на гримасы истории. Не пивом навynos торгуют, не тростями и шляпами, как в следующей лавке, а именно книгами...

Уйти оттуда удалось только часа через полтора. На первом этаже продавались только что (или в ближайшие годы) вышедшие книги, а вот на втором — истинное раздолье библиофила, к которым Президент себя относил (только читать последние десять лет по-настоящему, для удовольствия, имел возможность от случая к случаю, и всё реже).

Поразительное чувство испытывал Георгий Адрианович, беря в руки произведения авторов, в его мире не успевших дожить до написания именно этих книг, а тем более — тома писателей, не уехавших после Революции в эмиграцию, а продолживших жить и творить на Родине. Что-то почти мистическое было в том, чтобы держать в руках книги, например, Булгакова, Мережковского, Аверченко, Цветаевой, Северянина, ну и Гумилёва, конечно же, изданные при жизни авторов в тридцатые-сороковые-пятидесятые годы, с совершенно ничего не говорящими человеку «из другой жизни» названиями.

Да только ради того, чтобы скупить и запоем прочитать все эти сотни вызывающих какой-то особого рода трепет книги, стоило бы задержаться здесь на месяц-другой...

«А зачем задерживаться? — вдруг мелькнула впервые не столь оригинальная уже, но очищенная от «идеологических составляющих» мысль. — Это ведь можно сделать, чтобы — для всех и навсегда. И далеко не только это!» Подумал так — и словно сторожевая программа в мозгу сработала, отсекала крамольную мысль.

Чисто автоматически, чтобы не уходить без покупки из этого «эльдорадо», приобрел две книги из сотни тех, что хотелось — том Гумилёва «Выжженная земля» (здешний Николай Степанович провёл в Белой Армии с первого до последнего дня, закончил её капитаном и между боями ещё успел написать (как Лермонтов на Кавказе) пять *новых* (хорошо звучит, если вдуматься) сборников стихов и три сотни страниц продолжения «Записок кавалериста».

Вторая книга, от которой не нашлось сил отказаться — «Повести» Алексея Толстого: «Аэлита», «Гиперболоид», «Союз пяти». Названия с малых лет знакомые, но, во-первых, каждое из *этих* произведений минимум вдвое больше по объёму, а во-вторых — стоило лишь бегло просмотреть — написаны совершенно *не про то*, в смысле — с совсем других идеологических и эстетических позиций. Но при этом — и названия остались прежние, и общее направление замысла. Интересно...

Увлекательные, будто у Ливингстона¹, вдруг увидевшего водопад Виктория, открытия продолжались и дальше.

¹ Ливингстон, Давид (1813—1873) шотландский исследователь Африки. С 1840 г. совершил ряд длительных путешествий, исследовал бассейн реки Замбези, оз. Ньяса, Танганьика, пустыню Калахари и др.

★ Президент оказался на углу Кузнецкого и Большой Лубянки. Знаменитое, вошедшее в фольклор здание выглядело совсем не так. То есть именно так, как с самого начала, когда было построено страховым обществом¹ «Россия». В два раза меньше и без облицованного гранитом цоколя. Напротив тоже не оказалось громадной многоэтажки того же ведомства. С Кузнецкого моста и до того места, где должен бы стоять «Детский мир», протянулось несколько вплотную стоящих трёхэтажных домов в стиле «николаевского» ампира первой половины XIX века. Во дворы вели несколько глубоких тёмных подворотен. Совершенно другой антураж. И вместо самого «Детского мира» — тоже что-то совсем другое, под стиль окружающей архитектуры. На вывеске указано — «Филиал государственного музея Изящных искусств им. И. В. Цветаева. Живопись второй половины XX века».

И сюда бы хорошо зайти, посмотреть. Что же там наизображали художники, без руководства партийного агитпропа, понятия не имевшие о «социалистическом реализме»? Но не сейчас, не сейчас...

Выход с улицы Никольской замыкала полностью сохранившаяся стена Китай-города. И Политехнический музей выглядел немного не так, и вообще весь примыкающий район. Пожалуй, что намного лучше, гармоничнее. Москва похожа именно на Москву, а не на винегрет из бессмысленно перемешанных элементов современной застройки десятка европейских и азиатских столиц, причём — в самом безвкусном варианте. Выходит, частные застройщики и здешняя городская Дума лучше пони-

¹ По этому поводу есть анекдот 20-х годов. «Что в этом доме было раньше? — Госстрах. — А теперь? — Госужас!».

мали в архитектуре, чем все идеологические отделы ЦК ВКП (б) — КПСС за семьдесят лет. Ну да, здесь же никто не озабочивался целью «превратить Москву в образцовый коммунистический город»! А потом в столь же «образцовый капиталистический».

Что ещё заставило задуматься Президента — удивительная сохранность и даже щеголеватость любого, какое ни взять, здания. Такое впечатление, будто их ежегодно штукатурят, красят, какие нужно — очищают пескоструйными аппаратами. И тротуары, и мостовые тоже — ровные, гладкие, чистые, без единой выбоины и следов «латочного и ямочного ремонта». Как же это городская Дума и градоначальник ухитряются изыскивать средства на всю эту бессмысленную с «креативной» точки зрения косметику? Сколько же казённых и иных денег спокойно проплывает мимо карманов чиновничьей рати, «жадной толпой стоящей у трона», подрядчиков и посредников?

Невероятно! Президент, при всём его врождённом идеализме с первых дней вступления в должность (и даже ранее того), отчётливо понял, что хоть как-то руководить страной возможно в одном единственном случае — если вести себя со всеми более-менее влиятельными стратами точно так же, как с вождями национальных республик. Позволять им практически всё — любые нарушения якобы действующих в стране законов, любой произвол в отношении подчинённых и подконтрольных им людей в обмен на хотя бы видимость лояльности. Да и то до определённого предела такая система срабатывает, и, видимо, не у всех. В его случае этот предел достигнут. Политика «умиротворения элит»

провалилась, рухнула так же, как предвоенная англо-французская политика умиротворения Гитлера.

Он не сумел больше удовлетворять всех. Реально нарушил финансовые и политические интересы одних группировок, создал ощущение опасности и нестабильности для других, не доказал способность и готовность наказывать за невыполнение своих же распоряжений и указов. И вдобавок не оправдал надежд на обещания «твёрдой рукой обуздать преступность и коррупцию» у большинства народа. Вот и получил. Не захотел послушаться Ляхова и его... руководителей, вдохновителей, покровителей? Побалансировал ещё немножко на катящемся в пропасть колесе, ну и!..

Лежать бы ему сейчас на цинковом столе морга с простреленной головой, в окружении стилистов, готовящих «скоропостижно скончавшегося Президента» к пышным государственным похоронам. Или — просто в овражке позади «Охотничьего домика», с вывернутыми карманами, вздумай заговорщики не заморачиваться с обоснованием легитимности своего переворота. Пиночет вон ликвидировал Аьенде без всяких «легенд» и правил потом двадцать лет при полном одобрении «мирового сообщества».

От этих мыслей, от ярко представленной зрительно картинке вдруг стало ему сильно не по себе.

Он шёл уже по Никольской, приближаясь к ресторану «Славянский базар», чья вывеска была видна издалека. Сюда он, только что поступив в аспирантуру, привёл девушку, отчего-то не ставшую его женой, и они долго вспоминали, кто из великих здесь бывал до них, как Станиславский с Немировичем-Данченко придумали здесь свой МХТ,

и дружно удивлялись, отчего нынешний МХАТ носит имя Чехова, а имена его основателей отданы почему-то театру музыкальной комедии... Как говорится, и к стене не приставишь.

И ему вдруг захотелось вновь зайти туда, заказать что-нибудь вкусное и необычное на второй завтрак — время как раз подошло, да и нагулялся он порядочно. И непременно — маленький графинчик, прогнать дурные мысли, отпраздновать новый день рождения. Погода вокруг как раз та, по поговорке: «Кто вчера умер, сегодня жалеет!» А он вот не умер, пусть его личная заслуга в этом минимальна. Значит, за спасителей рюмку поднять. И это он тоже почти забыл — как можно посреди рабочего дня зайти в первое попавшееся заведение, сделать заказ и сидеть потом, покуривая и выпивая, совершенно не заботясь ни о служебных обязанностях, ни о «моральном облике».

Так он и сделал. И вошёл, и столик выбрал в полупустом зале у окна, где тот раз сидел с подругой. А с тех пор больше и не бывал... Сейчас всё вокруг было совсем другое, кроме планировки зала и зданий на другой стороне улицы. Заказ продиктовал исполненному самоуважения официанту. Да, пора извлечь из запасников памяти — в ресторанах, здесь, как и «дома», официанты, но в трактирах — половые, у стойки — не бармены, а «целовальники»¹.

Президент успел дожидаться своего графинчика и положенной закуски, официант налил «первую» на две трети, и тут в зал вошёл новый посетитель. Мужчина слегка за сорок, высокий, подтянутый,

¹ От старинного русского обычая — вступая в должность, продавцы спиртного целовали крест, обещая торговать честно, не разбавлять и не допускать «недолива».

с хорошим, *настоящим*, не курортным загаром. Что-то в нём было от англичанина позапрошлого века или от царского гвардейского офицера, даже точнее — генерала графа Игнатьева, автора знаменитой книги «50 лет в строю». Коротко подстриженные светло-русые усы, правильные, можно сказать — мужественные черты лица, причёска, говорящая о высшем разряде занимавшегося ей парикмахера. Что ещё? Отлично сшитый костюм цвета светлого хаки с красноватой искрой, подходящего качества светло-коричневые туфли. И — лёгкая хромота.

Всё это Президент успел рассмотреть и оценить за то время, пока мужчина снимал шляпу «Стетсон», стягивал с рук тонкие перчатки, ставил в специальную стойку красивую трость с изогнутым, по всему судя — серебряным набалдашником. Весьма элегантный господин, «с положением», сделал вывод Президент, заодно отметив, что консерватизм здешнего общества проявляется не только в дизайне автомобилей, но и в моде, мужской и женской, стилистически колеблющейся вокруг базовых моделей 20-х—30-х годов, как в его мире та же мода почти сорок лет так или иначе подражает стилю 60-х—70-х.

Вроде бы не было ещё никаких оснований, но Георгий Адрианович явственно ощутил, что данный персонаж явился сюда не просто так, и непременно какой-то контакт между ними должен произойти. Отчего он так решил — неизвестно, но интуиция у политиков обычно развита сильнее, чем у среднестатистических людей, им ведь часто приходится принимать решения по вопросам, в которых

они профессионально не разбираются и не имеют времени осмысленно взвесить все «за» и «против».

Президент не ошибся. Хотя большинство столиков в зале были свободны, но новый посетитель принадлежал, очевидно, к тому типу людей, что не могут существовать вне общества (вроде муравья, который в одиночном заключении немедленно погибает, даже будучи снабжён всеми видами довольствия), и непременно подсаживаются к кому-либо. А на железной дороге терпеть не могут спальных вагонов с одноместными купе и всегда берут билеты в двух- или даже четырёхместные.

Вошедший, не колеблясь, твёрдым гвардейским шагом направился к столику Президента, резким движением наклонил голову, обозначив приветствие, и мягким баритоном осведомился, не занято ли место напротив.

Тот неопределённо пожал плечами, давая понять, что место, конечно, не занято, но ведь и вокруг полно совсем свободных столов и стульев.

— Понимаю-понимаю, — сказал незванный гость, тем не менее присаживаясь и делая знак официанту — мол, мне прямо сейчас «того же самого». — Оторвал от размышлений или вообще не любите, когда вам во время еды в рот заглядывают? Однако древние греки и те же римляне считали, что настоящая беседа бывает только застольная и никакая иная...

Президент не согласился и не возразил, промолчал, но из вежливости дождался, когда его визави тоже принесут графинчик, только тогда поднял свою рюмку.

— Позвольте представиться — Игорь Викторович Чекменёв, генерал от кавалерии, — мужчина

изобразил своей рюмкой встречное движение, но чокаться не стал.

«Тоже своеобразная форма вежливости, у нас не принятая», — подумал Президент и выпил. Водка оказалась чрезвычайно хороша, то ли своими органолептическими качествами, то ли потому, что он давно не выпивал вот так, неофициально, по движению души.

— Генерал? А выглядите слишком молодо для вашего чина, — счёл он нужным ответить теперь уже сотрапезнику. — Я думал — подполковник примерно...

О том, при чём в ХХI веке кавалерия, он спрашивать не стал, стараясь сохранить личину местного жителя, но понимая, что слишком долго делать это не удастся: его выдавало произношение, здешние москвичи говорили неуловимо, но иначе. И словоупотребление подчас сильно отличалось. Разве что за хорошо владеющего языком иностранца с той стороны земного шара, не слишком осведомлённого в текущих реалиях, удастся себя выдать, особенно имея в виду, что и одет он «не по-здешнему».

Ага, за Воланда, консультанта...

— Если служишь с молодых ногтей, да в действующих частях, для моих лет чин в самый раз. И в тридцать, случается, в генералы выходят. Вот ваш знакомый полковник Ляхов наверняка скоро новые погоны примерит...

— Вы, значит, из той же компании? — почти не удивившись, спросил Президент. — То-то я и думал — как легко меня баронесса Герта отпустила «на воле» погулять. Только верёвочку прицепи-

ла длинную и практически невидимую. Вы что, всё время за мной шли, чтобы здесь встретиться?

— Зачем бы я сам, как филёр, за вами болтался? Я всё же целый начальник всех разведслужб Империи и заодно управляющий Собственной Его Величества канцелярии... Вроде как Бенкендорф и ваш Берия в одном лице. У меня контора тут неподалёку, вот я быстро и появился, когда доложили, что вы здесь обосновались. Удивительно, что вас ноги как раз сюда привели, а не в противоположную сторону, а остальное что ж? Тому, что вас сопровождали, зачем же удивляться? Мы не настолько безответственны, чтобы допустить хоть малейший риск для своего Высокого гостя...

— Так я же тут инкогнито, и день, и центр города, а уголовной преступности у вас практически нет, и городовые, куда ни глянь, в поле прямой видимости...

— Я не имею права допустить даже теоретически маловероятной случайности. Даже из зоны отрицательных вероятностей...

— Что значит «отрицательных»? — удивился Президент. Он рад был сейчас говорить на отвлечённые темы, чтобы успеть собраться с мыслями и выстроить линию поведения. Не зря же к нему *послали* столь значительную персону. Сочли флигель-адъютанта Ляхова недостаточно авторитетным?

— А это, знаете, из трудов одного нашего весьма авторитетного философа почёрпнуто. Весьма учёный человек, чтобы его понимать, лично мне напряжение всех умственных и даже физических сил требуется. Однако эта философема довольно простая. Вероятность выпадения любого сочетания точек

при бросании игральной кости равна $1/6$. Согласны? Вероятность того, что кость станет на ребро или развалится при ударе, стремится к нулю. Что одновременно выпадут две разные цифры, строго равна нулю, так как не соответствует априори информации о поведении системы. А вот вероятность выпадения семёрки отрицательна: она противоречит самому определению системы «игральная кость». То есть выходит за пределы пространства допустимых решений¹. А мы с вами сейчас находимся в ситуации, когда пространство этих самых решений... — Он дёрнул щекой и не стал развивать тему. — Вы же не можете пожаловаться, что вам досаждало сопровождение? Ваши охранные структуры, насколько мне известно, работают куда грубее и непрофессиональнее... Я делаю вывод из того, что мне нынешней ночью доложил полковник Ляхов о событиях на вашей даче и вокруг. А мои люди вас вели настолько плотно, что любая случайность действительно исключалась. Даже если бы вам на голову начал случайно падать кирпич, нашлось бы кому разнести его вдребезги выстрелом. То же касается и внезапно вывернувшегося из-за угла автомобиля...

— Что ж, благодарю за заботу, — кивнул Президент. — Ну и к чему это всё? Не могли просто зайти туда, где я ночевал под присмотром ваших *красных девиц*?

— Мог бы, — легко согласился очередной за истекшие сутки генерал, вмешивающийся в дотолеранную президентскую жизнь. — Только не захотел. Здесь, по-моему, куда приятнее обстанов-

¹ См. С. Переслегин. Вторая Мировая — война между реальностями. М. «Эксмо». 2006 г.

ка, — он обвёл рукой зал со всем его золотом, лепниной, роскошными шторами и мягким непрямым предполуденным светом.

Действительно, получше, чем в квартире, которая из-за своих магических свойств заставляла всё время непроизвольно держаться настороже. Вроде как под стрелой работающего крана.

— И к себе в Кремль приглашать тоже счёл неуместным, — продолжал «Бенкендорф». — Нет, на нейтральной территории самое то для первого знакомства. И за хорошим столом ведь лучше, чем за канцелярским? Лично я чувствую себя более свободным.

— Пожалуй. И о чём же мы говорить будем?

— О чём же ещё, как не о делах ваших скорбных? Всё я знаю, полный расклад ситуаций и на той стороне и на этой мне известен. Даже результаты допроса вашего пленника мне успел доложить *ваш* Ляхов, именуемый также Фёстом.

— Уж не вы ли к случившемуся руку приложили? — осенённый не такой уж невероятной мыслью, спросил Президент.

— Не мы, уважаемый Георгий Адрианович, — с полной искренностью ответил генерал. — А те, кто прошлым разом вздумал путём устройства тоже весьма масштабного путча тогда ещё претендента на престол, Олега Константиновича, ликвидировать и весьма своеобразный политический строй у нас внедрить. Они ведь, те люди, вместе с тяжёлыми танками и очень хитрой аппаратурой с *вашей стороны* тот раз к нам пришли. Отпор получили, скажу не стесняясь, сокрушительный. Почти безоружные офицеры на улицах танки жгли, такие, что нашим конструкторам и в страшном сне не могли при-

сниться. Сейчас разобрались, клепают понемножку собственные аналоги... Так вот, исконные враги любой, я подчёркиваю — любой дееспособной российской государственности сейчас отсиделись, зализали раны, решили вторую попытку предпринять, с другого конца...

Генерал закурил папиросу, посмотрел на Президента с отчётливо читаемой насмешкой.

— Нет, Георгий Адрианович, мыслите вы в общем широко, масштабно и с воображением. Вполне логичное предположение, что и в прошлый, и в нынешний раз решили мы сначала своего Великого князя, теперь вас припугнуть и заставить подчиняться своим правилам, принятым в любых спецслужбах, начиная с Тайного приказа Алексея Михайловича. Могли бы, конечно, опыт есть, но вы и сами всё наилучшим образом устроили. За пять лет восстановить против себя большинство элит, и даже вечно нейтральных обывателей, у вас отчего-то называемых «средним классом», — это уметь надо. На мировой арене не обзавестись ни одним мало-мальски боеспособным и авторитетным союзником! И одновременно не суметь создать хоть что-то похожее на приличную, лично вам преданную спецслужбу. Я, не хочу хвалиться, когда Великий князь приказал, вот этими руками и этой головой гвардейскую контрразведку реформировал, тайные оперативные отряды «Печенег» создал, с подготовкой выше мирового уровня. И военно-политическую организацию «Пересвет» с функциями тайного Генштаба, замаскированную под «Общество ревнителей российской истории».

Девушки наши, столь ваших приятелей впечатлившие, да и вас лично, если не ошибаюсь, от смер-

ти или плена спасшие, — из этих самых, «печенегов». Всего в три года уложился, хотя трудностей поначалу было побольше, чем у вас. Вы ж в любом случае — законная государственная власть, а мы тогда тоже, считай, заговорщиками были, пусть и в рамках Конституции. Тогдашнее «демократическое, парламентское» правительство нас почти официально к антигосударственным преступным группировкам приравниало. Ловило и сажало наших людей за пределами Московского военного округа беспощадно, с неестественной даже для «мягкотелых либералов» свирепостью. И ничего, справились. А вы... Не знаю. Старательно повторили все ошибки Николая Второго, имея перед глазами опыт Сталина, о котором я, к слову, тогда понятия не имел...

— Ну и примеры вы привели, — поморщился Президент. Официант, наконец, подал расстегай, кулебяку и «поросёнка жареного, в винном соусе с трюфелями, фаршированного каштанами». Захотелось Президенту попробовать одно из имевшихся в меню экзотических блюд, в его предыдущей жизни не встречавшегося. Игорь Викторович ограничил свой заказ холодным мясным ассорти да набором розеток с разнообразными соленьями «под водку».

— Примеры как примеры. — Генерал, хоть и от кавалерии, но, очевидно, занимавшийся людьми гораздо основательнее, чем лошадьми, приглашающе поднял очередную рюмку. — Я ведь совершенно не имею в виду всякие там идеологии и даже мораль. Тем более — чужого мира. Но с первых офицерских звёздочек усвоил — спецслужбы — это инструмент. Хорошим топором можно дом, церковь построить и даже карандаши точить, толь-

ко вот часы чинить не получается, вещьца больно мала. Можно и головы рубить. Смотря в чьих руках сей инструмент окажется. То же самое и о Гитлере вашем можно сказать — РСХА¹ по его поручению не имеющие никакой специальной подготовки люди выстроили образцово, и тоже за три-четыре года. Правда, в итоге русский НКВД всё равно лучше оказался. А вы вот не сумели. Демократические убеждения помешали?

— Да, если хотите, — вскинул подбородок Президент. — Мы слишком хорошо помним, к чему приводило всевластие спецслужб. И я никогда не допускал мысли, что Россия опять может стать полицейским государством.

— Ну-ну, — усмехнулся Чекменёв. Он почти не курил, поджигал папиросу, делал одну-две затяжки, дожидался, пока она сгорит до картона, и тут же брал из коробки новую. Процесс ему нравился, что ли? Вот и сейчас он повторил свою операцию, медленно выпустил дым поверх головы собеседника. — Вы не обижайтесь, мне просто крайне забавно вас слушать. Хоть одна страна в мире после крушения *вашего социализма* распустила свои спецслужбы? Или хотя бы подвергла их публичному поруганию и оплёвыванию? А в них что, ангелы работали и работают?

Видите — приходится с прискорбием признать, что *ваша* страна — уникал! В лес на медведя собрались, а патроны с пулями и картечью повыбрасывали. Тогда и армию следовало бы распустить,

¹ РСХА — Рейхсзихергейстамт — имперское управление государственной безопасности нацистской Германии. Включало в себя гестапо, СД и ряд других подразделений. Руководители — Гейдрих (морской офицер в отставке), Кальтенбруннер (рядовой сотрудник криминальной полиции).

как ваш Ленин писал — «заменить всеобщим вооружением народа». Где-то он и прав по-своему — армия ведь ещё более мощный инструмент насилия и подавления личности, чем полиция. Вам что, неизвестны диктатуры, опиравшиеся именно на армию? А создатель свои собственные «органы» всегда в узде держать способен, если не дурак, конечно, и в людях разбирается...

Про «дурака» было сказано походя, Игорь Викторович, похоже, и не задумался, как его слова воспримет собеседник.

— Но подождите, — обещающе улыбнулся генерал, — ваши оппоненты, если сумеют власть захватить, быстренько объяснят всем, вам в том числе, что «демократия» — продукт исключительно пропагандистский, экспортный. Расстреливать и вешать они будут всерьёз, о «справедливых независимых судах» даже не вспомнят. О подобных вещах вообще вспоминают только в период предвыборной борьбы, если правитель настолько недалёковиден, чтобы подобную ерунду вообще допустить.

— Вы что же, демократию и всё ей сопутствующее в корне отрицаете? — не донёс вилку до рта Президент.

— Конечно. За пределами уездного самоуправления и казачьих Кругов. В любом другом случае ваша демократия — то же самое, что гильотина как лекарство от перхоти.

— Нет, я никак не могу с вами согласиться. Пусть у нас в России общество ещё не созрело в силу известных причин, но ведь пример развитых демократий Запада...

— Не собираюсь втягиваться с вами в политическую дискуссию. У меня для этого нет ни времени, ни желания...

— Тогда зачем...

— Сейчас объясню, — генерал снова наполнил свою рюмку, задержал в воздухе графинчик в наклонённом состоянии. — Вам — плеснуть? Нет? Ну, дело хозяйское. Да вы ешьте, ешьте, одно другому не мешает. Знаете ли, я не дипломат, предпочитаю с людьми говорить прямо и откровенно. Если кому-то, например, высшая мера отчётливо светит, я никогда не стану врать, что «всё будет зависеть от вашего поведения, следствие и суд учтут чистосердечное раскаяние» и прочую ерунду. Вот и мой сюзерен, и сотрудники среднего звена как-то *неотчётливо* с вами разговаривали. Постараюсь исправить их недоработки. Расставим все точки, и всё станет ясно и прозрачно...

Президент вдруг почувствовал себя очень неуютно. На самом деле оно, может, и порядочно — сразу и прямо заявить человеку, что он непременно будет повешен в самом недалёком будущем и любые надежды — тщетны, но уж как-то слишком жестоко. И почувствовать себя в роли такого приговорённого без права апелляции и помилования было весьма муторно. Он ведь Президент великой державы, в конце концов, с ним нельзя так!

А внутренний голос вдруг как-то мерзко хихикнул, а потом отчётливо произнёс: «Да какой ты, на хрен, сейчас Президент? Сам ведь всё понимаешь. Скажи спасибо добрым людям, что спасли, обогрели, денег вон дали... Девушка, между прочим...» И ничего нет правильнее сейчас, чем выпивать и закусывать, выслушивая, что ему намеревается сообщить этот здешний кардинал Ришелье. Не покуражится же он сюда заявился? Тут же вспомнилась и подруга, с которой они сидели здесь вечность на-

зад, и она (тоже неправильный вариант, должно бы наоборот), читала ему стихи Гумилёва. Он, наверное, потому и купил сегодня его сборник, что подсознательно вспомнил Селену (да, вот такое у неё было необычное имя) на час раньше, чем увидел вывеску ресторана.

«Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди в тени стоят у входа
В зоологический сад планет...»

И голос Селены вспомнился, и глаза её, и лежащая на столе рука, то сжимающая, то отпускающая массивную серебряную спираль для салфеток... А правда, отчего у них так ничего потом и не получилось? Могла ведь случиться совсем другая жизнь...

«...Да, о чём там говорит этот мужчина, так похожий на графа Игнатьева?»

— Я хочу, чтобы вы поняли, Георгий Адрианович, вы сейчас располагаете полным веером степеней свободы. Ещё вчера утром у вас их не было, точнее — вам не позволяла их видеть *ваша должность*... Давайте попробуем бегло пройтись по вариантам. Самое простое, и для большинства персон, оказавшихся в вашем положении, самое приемлемое — остаться у нас, совсем. Со всеми подобающими вашему предыдущему рангу правами, привилегиями, пожизненным гражданским листом¹. Так

¹ Гражданский лист — в монархических государствах сумма, выделяемая из государственного бюджета на содержание царствующих особ.

сказать — личный гость Императора. Семью можете сюда забрать или новую завести, как ваш друг Мятлев вознамерился...

— Что? Леонид? Да как же? — поразился Президент, эта совершенно незначительная новость потрясла его едва ли не больше, чем предыдущие слова начальника царской канцелярии.

— А что такого? Сжигать мосты так сжигать. А баронесса Витгефт наверняка его предыдущей жене сто очков вперёд даст. Не говорю о внешности, но и все прочие качества... Но вас это пока должно волновать гораздо меньше, чем мои следующие слова. Итак — вы можете остаться здесь и просто забыть о всех и всяческих проблемах...

— Подождите, а Россия?!

— В данном случае это вас заботить не должно, по условию задачи. Что-нибудь *там* наверняка произойдёт, конечно, но уже без вас.

Второе — вы соглашаетесь принять нашу помощь, скорее военную, чем политическую, вы понимаете. О политической имело смысл говорить две недели назад. Все стратегические и тактические варианты предстоящих действий будут рассмотрены с вашим участием и ваших друзей, естественно. Как находящихся здесь, так и остающихся *там*. Помощь мы вам окажем, в том смысле что все организаторы, исполнители и соучастники имеющего место быть путча... Да-да, именно путча, будем называть вещи своими именами... Так вот означенные лица будут разоружены, ликвидированы или существенно ограничены в так называемых «правах человека». Да и в элементарной свободе передвижения тоже. Лет на двадцать ближайших. А вместо оказавшихся недееспособными *оргструктур* —

сформированы новые, при нашей помощи и под вашим контролем.

Президент обратил внимание, что его визави весьма свободно ориентируется в реалиях «параллельной жизни» и при каждой возможности не скрывает своего к ним пренебрежения, если не сказать больше. И с таким человеком он должен заключать какие-то соглашения? Это же царский сатрап эпохи военного феодализма, боярин Ромодановский какой-то...¹

Генерал явно прочёл мысли Президента на его лице, но только слегка усмехнулся в ответ, опять выпил рюмку.

«Четвёртая», — отметил про себя Георгий Адрианович. Здесь, очевидно, как в прежней царской России, употребление спиртного в служебное время административным правонарушением не считалось.

— Далее. В случае категорического расхождения наших с вами точек зрения — ну, допустим, вы отвергнете один вариант, а второй назовёте «интервенцией», «оккупацией», еще каким-нибудь неприятно звучащим словом — мы сделаем то, за что никто не сможет нас упрекнуть. Даже Высший судия. Ведь это он впервые сформулировал понятие *свободы воли*? Вот, на основании совпадения вашей

¹ Здесь Президент из-за недостатка исторического образования явно путает двух Ромодановских, вернее, считает их одним лицом. Ромодановский Григорий — боярин, воевода, участник Переяславской рады (1654 г.), в 1670 г. руководил подавлением бунта Степана Разина, убит в 1682 г. во время мятежа стрельцов в Москве. Ромодановский Фёдор (1640—1717) — ближайший соратник Петра 1, фактический правитель страны в его отсутствие. Возглавлял Преображенский приказ (тогдашний аналог политической полиции и контрразведки, ГУТБ НКВД, проще говоря).

и наших *воль* вы будете возвращены в *исходное состояние* по месту и времени, либо вам будет предоставлено, согласно Женевским и Гаагским конвенциям, право выехать в любую страну вашего же мира, причём — за наш счёт и с нашей охраной. Вы не можете не оценить справедливости и гуманности сделанных вам предложений...

Да, вот сейчас его прижали по-настоящему. Всё предыдущее было деликатным, так сказать, зондированием почвы, а сейчас этот «генерал от кавалерии» отбросил все приличия и грубо взял за горло. Но Президент ещё пытался *сохранять лицо*.

— В исходное состояние? На мою дачу, под пули заговорщиков? Не то ли это самое, что бросить замерзающего путника в зимней степи, в окружении голодных волков...

— О, какой превосходный, наглядный образ. Только — не по месту и не по делу. Вам как раз предлагают и место в тёплом бронированном автомобиле, и ружьё, даже пулемёт, чтобы от названных волков отстреливаться. Но самое-то главное — что вы должны понимать без специального разъяснения — к моменту, о котором мы говорим, вы подошли самостоятельно, без всякого с нашей стороны вмешательства. Хотите, я поясню? Не люблю, знаете ли, недоговоренностей. За время вашего правления вы успели: первое — разочаровать «демократически настроенную» публику своим нежеланием сразу и в полном объёме внедрить в стране стопроцентно «европейский образ жизни». Как это у них? «Независимый суд, свобода прессы, отставка Президента и роспуск Государственной думы, новые честные выборы под международным контролем, свободу всем политическим

и вообще неправосудно осуждённым узникам, абсолютный приоритет прав меньшинств над большинством, иностранных законов над внутренними...» Так, кажется?

— Вы что, ежедневно наши оппозиционные СМИ изучаете?

— Служба такая. Вы ведь, наверное, хоть краткие экспозе по вопросам международной политики ежедневно просматриваете? Ну и я, соответственно. Оно бы мне сто лет не нужно, так обстоятельства вынудили. Государь поручил мне личное кураторство над операцией, а я спустя рукава работать не привык. И, простите, — это Россия ведь рядом, «за забором», униженная, искромсанная, погибающая, не какая-нибудь там Швеция или Персия...

Но продолжим. Итак, вы пожеланий «демократически ориентированной» части общества не выполнили, и теперь все ценители «прав и свобод» с восторгом поддержат ваше свержение и даже механическую ликвидацию. Не задумываясь при этом, что аналогичный период и в вашей и в нашей истории уже был. Февраль семнадцатого и так далее.

Так называемый «консервативный» политический фланг вас ненавидит по строго противоположной причине. Растолковывать не буду, сами всё понимаете. Но он тоже принял активное участие в подготовке вчера случившегося.

Так называемые «силовые структуры» недовольны, что им не предоставлена вся политическая и экономическая власть в стране. «Бизнес-класс», капиталисты и буржуазия по-нашему, возмущены как раз тем, что «правоохранительные органы» вообще до сих пор существуют и мешают «конкретным пацанам» хоть в Думе, хоть в Правительстве

всё решать «по понятиям», до сих пор, хоть иногда, пользуются каким-то там «уголовным кодексом». Их устраивает только раннее средневековье с собой в качестве баронов и баронскими дружинами в виде личных «ЧОПов», так эти банды у вас называются?

И куда вам бежать при таком раскладе, ваше высокопревосходительство? Я вам так скажу — нельзя пытаться сидеть сразу на четырёх стульях с подпиленными ножками и при этом жонглировать взведёнными гранатами. Определяться надо с приоритетами и потом уже идти до конца.

Президент был поражён даже не темой и тональностью разговора, а тем, насколько этот генерал владеет не только обстановкой, но и терминологией, принятой в совсем другой стране. Но надо держать себя в руках, продолжать делать вид, что их беседа имеет исключительно академический характер. Беседа, так сказать, в кулуарах двух участников научно-политического симпозиума.

— И какой же приоритет в моём положении избрали бы вы?

— А что тут избирать? Всё уже, путём длительных экспериментов, с привлечением исторических аналогий, изучено и приведено в соответствие с нашим, российским «модус вивенди»¹. Самодержавная власть при полном комплекте общедемократических свобод в жёстко обрисованных и всенародно одобренных рамках. Мощный полицей-

¹ *Modus vivendi* — образ жизни, способ существования (лат.). В дипломатии — фактическое состояние отношений, признаваемое заинтересованными сторонами, или — временное соглашение по какому-то международному вопросу, заключённое сторонами в расчёте на его окончательное урегулирование в неопределённом будущем.

ский аппарат и армия, способные решать любые задачи в любом уголке Земного шара, если потребуется, без оглядки на «привходящие обстоятельства». Вся суровость законов для тех, кто не желает жить по правде и справедливости, и полная преференция благонамеренному обывателю. Вы, наверное, не знаете, что у нас для лиц, занимающихся любыми разрешёнными промыслами и не использующими наёмный труд, вообще никаких налогов не предусмотрено? Ни с прибыли, ни с оборота, ни подушного даже. Такого, кстати, нигде в мире не практикуется. А если ещё законопослушный гражданин знает, что власть *всегда* будет на его стороне в конфликте с «сильными мира сего», чего же ради ему против такой власти бунтовать в голову придёт? А в вашем случае я вот что ещё скажу — если бы за три дня до отречения Николая Второго комендант Петрограда прекратил начинающуюся смуту *любими средствами*, так не было бы ни в моей, ни в вашей истории всем известных и крайне трагических моментов. Всё та же непосильная для *интеллекта* дилемма — сейчас своими руками несколько сот человек *устранить* или потом десятилетиями по миллионам невинно погибших и об упущенном историческом шансе слёзы лить...

Игорь Викторович откинулся на спинку стула, выпил пятую рюмку и принялся задумчиво жевать солёный груздь.

Он явно давал возможность Президенту обдумать озвученный ультиматум (чего уж тут деликатничать) и принять решение здраво, не теряя при этом лица.

Вот в чём сейчас главное — не потерять лицо. Георгий Адрианович всё уже решил. Вариантов

ведь действительно не было — сдать страну подонкам общества, ничуть не лучшим, чем большевики в семнадцатом, а самому «из уютного далёка» наблюдать, что там происходит — это кем же надо быть? У врангелевцев хоть одно оправдание было — они покинули Родину, исчерпав все силы и средства для сопротивления, а у него? А самое-то главное, судя по решительности этого Чекменёва, и Фёста, Секонда, каждой из девушек-«печенегов», наконец, они не отступятся. Сами с мятежом покончат и уже собственную власть установят, без оглядок на него или «общественное мнение», которого в России как не было, так и нет. Чем этот самый Фёст-Ляхов не кандидат в президенты? Мало ли, что всего капитан, или даже полковник. Наполеон тоже ни в МГИМО, ни в Госакадемии управления не обучался, без революции так бы и остался в капиталах до пенсии.

Так что жить и работать вместе, хочешь не хочешь, придётся, и не один, будем надеяться, год. А пока придётся соглашаться на предложенные условия. Но так, чтобы стыдно потом не было.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Если утром, вернее, ближе к обеду, Фёст с Людмилой встали, так и не прикоснувшись друг к другу (что не помешало им чувствовать гораздо большую близость, чем накануне), то Мятлеву на этот раз повезло.

После того как они с Гертой оказались связаны общей, так сказать, судьбой и вместе побывали на краю смерти, не уронив в глазах друг друга собственного достоинства, Леонид Ефимович осмелел. Вернее, решил, что прежние условности мож-

но забыть. Они теперь настолько нечужие люди, что стесняться уже незачем, можно называть вещи своими именами. Тем более из самых первых своих контактов с женским полом он вынес чёткое убеждение, что девушки в большинстве своём хотят того же самого, просто у них сильнее развиты кое-какие предрассудки, ну и осторожности больше в силу известных причин. И, значит, чтобы добиться желанной цели, не нужно обращать внимания на ритуальные заклинания: «Не надо», «не смей», «не хочу», «что ты себе...»...

Как-то по молодости он поверил, что подобное говорится взаправду, и был крайне удивлён, разочарован и расстроен, когда через некоторое время девушка, которую он «не тронул», досталась приятелю, с которым Лёня соперничал за её внимание. Вот тогда знакомая постарше и поопытнее объяснила, что в большинстве случаев «синдром недотроги» — разновидность церемониала, ибо, как учил Конфуций: «Искренность без церемониала — просто хамство». Девушки сами во время такой игры боятся перестараться и потерять поклонника.

Мятлеву очень ярко вспоминался момент, когда Герта позволила ему почти всё и оттолкнула в самый последний момент. Правда, оттолкнула очень убедительно. Ну, так то были совсем другие обстоятельства.

После вечерней прогулки, когда в квартире стихли голоса и прекратилось хождение, он очутился возле комнаты Герты и бесшумно приоткрыл дверь, проскользнул внутрь и материализовался возле валькирии, как раз начавшей раздеваться перед раскрытыми, зеркальными изнутри дверцами платяного шкафа. Оттого и не сразу заметила

(или — сделала вид) появление поклонника. Обернувшись, изобразила полное недоумение и даже смущение, попыталась прикрыться платьем, только что стянутым через голову.

— О! Ты откуда взялся? Тебя в школе не учили, что нехорошо за девочками подглядывать? Давай, иди отсюда. Правда-правда, я спать хочу. Набежала за весь день с вами...

Мятлев же уходит категорически не пожелал. Невзирая на слабое сопротивление, отнял у Герты и отбросил в сторону платье, сжал девушку в объятиях и принялся её целовать, бормоча бессвязные слова любви. Убеждал, что пережитое сегодня заставило его пересмотреть всю предыдущую жизнь. Побывав на грани смерти, он стал другим человеком и теперь полностью принадлежит Герте, а она, соответственно, ему. Прямо сейчас и навсегда. Разумеется, высказывались эти истины не сразу, а частями, без логического и стилистического порядка...

Какое-то время Герта стояла, опиралась спиной о зеркало, запрокинув голову, прикрыв глаза ресницами, со смутной полуулыбкой на губах. Буря мятлевской страсти словно не имела к ней никакого отношения. Она никак на неё не отвечала, но и не препятствовала ласкам, моментами переходящими всякие приличия. Потом они каким-то образом очутились уже сидящими на кровати валькирии, и Мятлев снова рискнул, как три дня назад, достичь окончательной цели, тем более она была близко, как никогда. Девушка всё ещё не позволяла опрокинуть себя на пёстрый плед и сдёрнуть последний предмет туалета, но делала это как-то не всерьёз. Леонид знал, что при желании она могла бы отшвырнуть его до самой входной двери, размазать

по стенке, вообще нанести любые несовместимые с жизнью повреждения.

Понимание этого факта особенно заводило Мятлева. Не то чтобы он принадлежал к подвиду мазохистов, скорее наоборот, но гладить плечи, спину, ноги Герты, только что, на его глазах убивавшей людей, было невероятно приятно. Возбуждало совершенно особым образом, а при мысли, чем это, наконец, может закончиться, он терял остатки здравомыслия. И даже приличий.

Герта вела свою партию безупречно. Сейчас, пожалуй, самый подходящий момент, чтобы уступить притязаниям до потери самоуважения влюблённого в неё сорокалетнего мужчины. Он не был ей неприятен, и этого достаточно, не всем же так везёт, как Насте и Людке — (с первого раза найти своего единственного, полюбить их именно как полностью подходящих тебе мужчин). Кроме того, ей было просто интересно — так ли увлекателен предстоящий процесс, как утверждали теоретические труды и рассказы наиболее искушённых сослуживцев вроде Полинки Глазуновой, которая могла рассуждать на эту тему часами, причём без всякой скабрёзности, просто как об одном из приятнейших времяпрепровождений. И ещё Герту крайне занимал вопрос — что и как получится дальше. После того, как... И в личном, и в чисто служебном плане.

Похоже, пылкость и немалый опыт Леонида начали и на неё оказывать нужное действие. Девушке не потребовалось играть, она просто отпустила тормоза, позволила телу вести себя, как ему хочется. Дыхание у неё зачастило и стало неровным, по телу разлилось странное, неиспытанное ранее ощущение, ей хотелось, чтобы он продолжал делать то,

что делает, и сама начала ловить губами его губы, больше не протестуя против того, что его ладони скользнули, наконец, под широкую кружевную резинку и потянули тугие панталончики к коленям и ниже. Тут помешали перламутровые открытые туфли на высоченных шпильках, пристёгнутые к щиколоткам ремешками. Герте пришлось движением ног помочь Мятлеву. Тут же она откинулась на подушки, прикрыв глаза и целомудренно сжав колени.

— И на сегодня всё, — почти прошептала она. — Побаловались и хватит. Я никому ещё такого не позволяла... Уходи...

Леонид, конечно, не послушался, слишком долго он ждал этого момента и воображал его во множестве вариантов. Целуя снизу вверх загорелые бедра девушки, он попытался их раздвинуть, и тут с ним случилось то, что бывает с каким-нибудь девятиклассником, вдруг попавшим в подобную ситуацию с девушкой постарше, вдруг предложившей «взять у неё самое дорогое»...

Но ведь взрослый мужчина, соблазнивший, по его собственным словам, не меньше сотни женщин, из них чуть ли не треть — девственниц, на самом пороге сорокалетия должен получше владеть собой?

Однако случилось то, что случилось. Мятлев был раздавлен, опозорен, и Герта, как опытный психотерапевт-сексопатолог, утешала впавшего в отчаяние, бормочущего какие-то оправдания генерала.

Раскрыла постель, дала выпить большую стопку коньяка, сама легла рядом и довольно долго шептала ему какие-то пустяки, пока Леонид вновь ощутил в себе желание и силы. Но за время её осторожных ласк и ободряющих намёков он сам наделал ей

столько обещаний, что обратно пути теперь, пожалуй, и не было.

Наконец она, убедившись, что с приятелем всё в порядке, позволила ему вторую попытку. И всё получилось у них совсем не так, как совсем недавно воображалось Леониду, а спокойно и нежно, по-семейному, можно сказать.

Только в самом конце оказалось, что Герта отнюдь не «снежная королева». Вспышка получилась совсем короткой, но яркой. Вовремя сообразив, к чему идёт, она закусила нижнюю губу, чтобы не переполошить криком, который, оказывается, сдерживать невозможно, весь дом.

Придя в себя, Герта подумала, что не обманывали Дайяна и старшие подруги — это стоит того, чтобы им заниматься, не по работе, конечно, а для души, как, например, Сильвия. Впрочем, та, кажется, разницы между этими понятиями не делает.

Мятлев с удивлением заметил, что в отличие от многих подобных случаев, у него не возникло чувство безразличия к соблазнённой им девушке. Скорее наоборот. Ему почти сразу же захотелось повторить то же самое, но он понимал, что для первого раза она и так слишком уж *выложилась*. Стоит дать ей день-другой, чтобы прийти в порядок и осмыслить новый жизненный опыт. Тогда всё будет совсем хорошо. Леонид собрался вернуться во-свояси, дать возлюбленной отдохнуть, ведь вторые сутки на ногах, да ещё и на войне.

Его остановил удивлённый и снова чуть насмешливый голос валькирии:

— Куда же ты? У нас ведь, кажется, уже решено? Значит, имеем полное право спать в одной постели и ничего от людей не скрывать...

— Конечно-конечно, я просто тебя не хотел компрометировать, а так, конечно...

— Вот и прекрасно. У нас здесь ханжей нет, все всё понимают, так сказать, по факту. Ложись и спи. Для «первого знакомства» мы даже перешли некоторые границы...

«Уж ты-то — безусловно», — подумал Мятлев, но сказал другое:

— Что ты, родная? Я никогда не испытывал ничего подобного! Дай бог нам прожить вместе много-много лет и каждый день так наслаждаться друг другом...

— Кажется, ты уже заговорил слащавым языком бульварных романов. Я такого не люблю. Как будет, так и будет. Спи.

Он заснул почти мгновенно, а сама Герта пролежала целый час, а то и больше, глядя в потолок и перебирая в памяти подробности своего первого любовного эксперимента. Нет, на самом деле получилось очень и очень неплохо, только вот она отнюдь не предполагала, а тем более не собиралась сколько-нибудь надолго становиться женой или даже постоянной любовницей Мятлева. Гомеостат гомеостатом, но всё равно ему через двадцать лет будет шестьдесят — немыслимый для короткоживущего земного человека возраст! А там и восемьдесят. Не в том смысле, что она (они, валькирии) не сможет поддерживать жизнь и здоровье своих друзей и старших товарищей на должном уровне, а в том, что двадцатипяти-, ну, пусть двадцативосьмилетней (это максимум возраста, переступить ко-

торый баронесса Виттефт не собиралась, Сильвия уже казалась ей пожилой), светской (а то и *свитской*) даме жить со стариком... Нонсенс! Анна Каренина, как известно (и Толстой вместе с ней), тоже называла Каренина стариком, а он ведь был всего на два года старше нынешнего Мятлева!

Так что у неё ещё все впереди, но год-другой она согласна исполнять роль верной жены и подруги. Нет, жены — нет! Это нужно специально оговорить.

Она встала, покурила у окна, глядя на едва забрезживший рассвет, и направилась в туалет. Во время придержала шаг и увидела, как из комнаты Людмилы выскользнул полуодетый Фёст. Хорошо, коридоров и комнат в квартире было много, они разминулись, Вадим не услышал её босых шагов по ковровой дорожке, и она успела отступить за угол.

Герта порадовалась за подругу, та относилась к своей влюблённости гораздо серьезнее, чем следовало, и раз пустила к себе мужчину, значит, определилась окончательно. В то же время ей стало немного грустно. Как ни крути, а теперь уже точно не узнать, каков в постели её крестник (т.е. спасённый ею командир), а каков он в бою — она хорошо узнала и запомнила. Целых два раза. Как ни сложись, у Людки-то он точно на всю жизнь, и варианта, в котором они с Вадимом Петровичем могли бы пересечься, Герта не видела. За пределами это её нравственных установок. Тут ей даже Сильвия не пример и не образец для подражания.

Подремать удалось чуть больше часа. Потом она услышала, как вышел из комнаты проснувшийся Президент, и снова подскочила. Накинула прямо

на голое тело халат и отправилась на кухню. Пора было приступать к исполнению своих обязанностей — сегодня она дневальная, а Людка пусть поспит, у неё день ещё напряжённее выдался, да и «ночь любви», наверное, тоже.

Проводив Президента, Герта вернулась к себе и увидела, что Мятлев всё же сбежал. Не набрался духа, когда все проснутся, гордо выйти из её комнаты с победительным видом. Ну и хорошо. Теперь Герта сразу провалилась в сон. Разбудила её тихая музыка, доносившаяся из гостиной. На днях Людмила накупила в той Москве невиданных здесь лазерных дисков по 10—12 часов звучания и к ним хороший проигрыватель с большими стереоколонками. Фёст ей всё это установил, и сейчас она наслаждалась мелодиями, которые, несомненно, произвели бы фурор в их музыкальном мире. Сейчас, например, исполнялся фокстрот «Дым в глаза», от звуков которого у девушки сладко засосало под сердцем, и не только...

Подруга сидела на глубоком кожаном диване, положив ноги на соседнее кресло, неторопливо пускала в потолок дым длинной ментоловой сигареты, слушала музыку и чему-то улыбалась. Можно было бы подумать, что заново переживает случившийся ночью «фазовый переход» — от безродной девчонки-подпоручика без особых карьерных перспектив, начавшей перезреть девственницы — к настоящей женщине и в недалёком будущем — жены одного из самых могущественных людей на целой планете. Если захочет, конечно, жить там, а нет — и на этой неплохо устроится. В Кисловод-

ске, скажем по соседку со *свояченицей* Майей, тоже Ляховой.

Герта подсела на подлокотник дивана, внимательно посмотрела на подругу. А ведь непохоже, чтобы у ней сегодня *это самое* случилось. В глазах нет этакой счастливой *сумасшедшинки*, почти обязательной для женщины, всего час-другой назад задышавшейся от восторга в объятиях любимого. И губы — ну совершенно не те. Герте достаточно было мельком взглянуть в зеркало, чтобы увидеть, как *это* должно выглядеть. Они обе подумали об одном и том же, Людмила первая сжала левую руку подруги выше локтя и шепнула, лучась улыбкой:

— Поздравляю!

— И я тебя, — не осталось ничего другого сказать Герте. И еле-еле пробилась через наслоения куда более *дежурных* чувств мысль — а она ведь как-то по-особенному рада, что её *крестник* всё же не «соблазнил» её же лучшую подругу. Ну, неприятно ей было, при всём отсутствии сексуального влечения к Фёсту, представить, как они с Людмилой сегодня ночью... И одновременно радовало, что здесь она Людку обогнала.

Вместо того чтобы обсудить куда как животрепещущую тему, дневальная баронесса Витгефт сообщила, что объект *номер раз* с утра пораньше отправился прогуляться. И для сублимации, так сказать (об этом говорить можно, не задевая ничьих чувств), Герта рассказала, как она на рассвете выскочила на кухню *без ничего*, только в халате, заметила, что Президент как-то слишком пристально к ней приглядывается. Решила позабавиться, присела у печки, ну, как учили, и вроде бы солидный

человек, Президент великой державы, *потащился...*
Было бы отчего!

Похихикали, слегка развив эту тему в разных направлениях...

Тут и Фёст объявился, по-свойски приобнял за плечи обеих девушек сразу, без всякого *патологического* любопытства заглянул в вырезы халатиков каждой, то ли сравнивая, то ли просто проводя инвентаризацию — не исчез ли за ночь вверенный его попечению ценный продукт. Это, кстати, и Люда, и Герта, да и вся рота целиком, на девяносто три процента составленная из местных девушек, понимали. Если командиру уже за тридцать, а им и двадцати пяти никому нет, и врач он по образованию — так стесняться нечего. Тем более Ляхов никогда себе ничего такого не позволял, ни с кем, о чём, кстати, многие девушки очень жалели. Отдаваться или нет — каждая сама решит (если вдруг попросит), но мужское внимание каждой приятно.

— Так что наш Президент? — спросил Фёст, а Герту уже поднесла ему чашку кофе, а Люда прикурила и подала тонкую сигару.

— Ох, если б был я султан, я б имел трёх жён...

Этот фильм девушки тоже видели. Людмила исподтишка показала *вроде бы* мужу кулак, а Герта очень живо заинтересовалась:

— И что бы ты с ними делал? Когда двести — ясно, сачковать запросто, а трёх?

— Вам кто-нибудь разрешал обсуждать эту проблему старшего комсостава, подпоручик? — добавив в голос нужных обертонов, спросил Фёст. — На непосредственный вопрос ответьте.

— Доложила, как положено, своему прямому начальнику, за отсутствием непосредственного, и

Вадим Петрович мне сказали, что всё правильно сделала, и остальное — его дело, он распорядится.

— Ну, если его, так и пусть, — с видимым облегчением ответил Фёст. — Тогда давайте завтракать. Голоден, и выпить хочется. Если б не наш инвалид детства (это он Воловича имел в виду), поехали бы в приличную точку общепита, именуемую, например, «Артистический трактир», а так — здесь придётся.

На его слова внезапно приковывал и обозначился в дверях, как чёрт из табакерки, означенный господин, выглядящий довольно прилично. Умытый и причёсанный даже.

— Во-первых, я тоже хочу в «точку общепита», а во-вторых — полученное в бою лёгкое ранение никак не повод называть меня так, как только что прозвучало.

— Это я твою политическую позицию имел в виду, — достаточно грубо, хотя и с добродушной улыбкой, сказал Фёст. — Таких, как ты, добросердечные родители в роддоме оставляют, чтоб всю жизнь не мучиться...

Волович ещё больше обиделся и начал много-словно объяснять суть своей позиции, время от времени перебиваемый репликами со стороны Фёста, причём такими, что на сей момент *штатские* девицы жеманно опускали глазки и смущённо хихикали. Не в казарме они сейчас, чай, не при исполнении...

Господин отставной капитан не страдал даже самым отдалённым намёком на политкорректность, охотно согласился даже на титул «латентного фашиста», немедленно пояснив, что случилось бы с «господином либералом», будь Ляхов на самом деле хотя бы отдалённо близок к таким взглядам. Напри-

мер, вчера. Относительный мир навела Людмила, подав всем по чарочке и кое-что закусить.

— Вот видишь, — не преминул уязвить оппонента Фёст, — вы, либералы, националисту, монархисту, фашисту и антисемиту не только бы стопарь не налили, вы меня письменно и устно извалили бы в смоле и перьях с последующим сожжением на костре у позорного столба.

По счастью, тут появились проснувшиеся, одевшиеся и даже побрившиеся (дамы ж вокруг!), Мятлев с журналистом Анатолием. И тоже немедленно спросили про своего Президента.

— Да если я правильно понял — он сейчас окончательные переговоры заканчивает.

— Что значит — окончательные? — не понял Журналист.

— То и значит. Либо договорится, либо вернётся с ним туда, где были за минуту до нашего приезда, и станете ждать, чем для вас этот эксиденс закончится. Вариантов — масса!

— Жестоко, — сказал Анатолий, но с таким видом, что ясно было — ни на грамм он не верит словам Вадима. Мятлев вообще промолчал. Просто смотрел на Герту. Мол, как она скажет, так и будет. Фёст про себя усмехнулся. Перестаралась баронесса. Им всё же авторитетный, с высоким положением сотрудник нужен, которого и Министром Госбезопасности поставить можно, а то и повыше. Никак не телок, самостоятельные решения принимать не способный. Он сделал Герте незаметный со стороны жест, и она встала, направилась к выходу в коридор, попутно указав Мятлеву глазами, чтобы шёл следом. Ну, даст бог, сделает приятелю краткое

внушение, как себя в офицерском обществе вести положено.

— Отчего жестоко? — удивился Фёст. — Готов принять любой упрёк, кроме того, что мы вас в эту заваруху втравили. Да, вмешались, но не согласитесь ли, что ситуацию вы сами сумели довести до такого градуса, что без нашего появления от любого из вас только малоароматный дым бы пошёл? Начинайте загигать пальцы, что случилось бы вчера с каждым, хоть по очереди, хоть кучей...

В кухне Мятлев, невзирая на своё генеральство, получил от подпоручицы, как Фёст и рассчитывал, хорошо замаскированное внушение с объяснением, что «до особого распоряжения» должен играть в своей команде, причём оставаясь «Самым большим роялистом»:

— Можешь не скрывать, что ты меня уболтал, или я снизошла, но в любом случае это только чистая физиология. А ты сейчас прокололся, хорошо, Волович с Анатолием на тебя не смотрели. Ты пока — высокая договаривающаяся сторона, а не «чего изволите»...

Журналист не успел ответить Фёсту, как Волович радостно захохотал:

— Вот вам ещё одно подтверждение бессмертности великой прозы! Что ты ещё, друг Толя, можешь ответить, кроме как насчёт «великой сермяжной правды»?!

— Она же домотканая, посконная и кондовая, — добавил Вадим, знающий названную книгу практически наизусть.

— Нет, господа, так ставить вопрос просто некорректно, — собрался с мыслями журналист.

— Некорректно или «неполиткорректно?» — иезуитски осведомился Фёст. — Как раз с точки зрения «политкорректности» всё нормально. Меньшинство решило доступными ему средствами избавиться от гнёта большинства... Что вы имеете возразить? Помнится, года два назад некоторые ревнители «прав и свобод» решили устроить в здешней, где ты сейчас находишься, Москве маленькую заварушку с целью недопущения к власти самодержца и узурпатора и, напротив, внедрения самой что ни на есть либеральной демократии высшего британского розлива. Правда, демократия подразумевалась чуть-чуть другая, чем коренные обитатели Островов пользуются. А та, что в Индии для сипаев предназначалась...

И ты бы видел, друг Анатолий, какой искренний протест и возмущение среди выживших вызвал малозначительный, в рамках мировой истории факт — поголовное уничтожение всех, выступивших против законной (в нашем понимании) власти с оружием в руках. То есть мы, слуги деспотии и реакции, против двух батальонов чеченских террористов (тогда у них ещё батальоны были, а не отделения), батальона УНА-УНСО и подготовленного немцами в ливийской пустыне танкового батальона «Леопардов», мечтавших всего лишь с применением всей огневой мощи *другого* двадцать первого века избавить просвещённый мир от узурпатора, выставили сводную пехотную дивизию из трёх полков — Корниловского, Дроздовского и Алексеевского. Прямо оттуда, с мест постоянной дислока-

ции, и со штатным для конца Гражданской войны оружием... Ты бы видел результат!

— Какие ещё корниловцы и дроздовцы? — окончательно потерял нить рассуждений Журналист.

— Да самые нормальные. Оттуда, оттуда, с самой Гражданской. Ты думаешь, лишь тебе жить хочется, а остальные так... Покурить выходили? Им тоже интересно, как через сто лет потомки живут. Тебе ведь наверняка захочется узнать, что будет твориться в две тысячи сто каком-то... Ну вот... А будешь сильно принципиальничать, всяко может случиться. Учти, мы не всех воскрешаем, а только за *специальные заслуги*...

Излишняя резкость слов была вызвана исключительно тем, что Фёсту не понравилось, как Анатолий смотрел на его невесту. Мало ли, что они вдвоём на опасное дело ходили и сейчас Журналист никак не может привыкнуть к её естественному облику. Вообще, чертовщина какая-то творится — любая из валькирий отчего-то оказывает на мужиков нашего мира гораздо более убойное действие, чем в своём. Неужели действительно всё дело в том, что в Императорской России у людей иные взаимоотношения генотипов с фенотипами, и нету сложного коктейля шизофрении, паранойи и маниакально-депрессивных психозов, присущего почти каждому россиянину сформированному почти вековым воздействием советской власти? От этого и не вызывает вид красивой женщины «бунт гормонов», не провоцирует вспышку низменных инстинктов и неконтролируемых эмоций.

— Ребята, ребята, не спорьте. Давайте, действительно, соберёмся, и тяжелораненого с собой возъ-

мём, и поедем знаете куда, — вмешалась Вяземская, — в тот самый «Яр», про который вы только в песнях слышали да у Гиляровского читали.

— Не имеющий никакого отношения к гостинице «Советская»¹, — веско добавил Волович. — Интересно бы увидеть в натуре. Будем считать, что у меня просто воспаление седалищного нерва... Кто из здесь присутствующих наименее брезглив, чтобы мне повязку на надёжный пластырь сменить?

— Герта вам первую помощь оказывала, вот пусть и продолжает, — отмахнулась Вяземская. Её данное занятие совсем не привлекало, и вообще она с момента первого знакомства испытывала к репортёру отчётливую антипатию, не идейного, а физиологического происхождения.

— Да ладно, я сам посмотрю. Может, там уже гангрена началась, — сказал Фёст, — а Герта со своим неполным средним медицинским и не сообщила... Ни за грош потеряем ценного кадра.

У Виттефт, как и у остальных валькирий, медицинских познаний (теоретических), было не меньше, чем у выпускника Первого медицинского, но возражать она не стала. Командир знает, что говорит.

...— Нет, всё нормально, — успокоил Вадим Воловича, — заживает, как на собаке. Ты только всей задницей на кресло не плюхайся, аккуратно садись, на краешек...

¹ Гостиница «Советская» построена на месте сгоревшего деревянного ресторана «Яр», куда почти все персонажи великой дореволюционной русской литературы ездили кутить и слушать цыган, находится на Петроградском проспекте, в описываемой реальности фактически в пригороде Москвы, которая там гораздо компактнее, в основном ограничивается линией Окружной железной дороги.

Он не стал говорить, что всё же надевал после полуночи крепко спавшему репортёру гомеостат на руку. Не хотелось ему неделю, а то и больше, возиться с пострадавшим. Но и нескольких часов работы аппарата хватило, чтобы края открытой раны сошлись и заживление пошло стремительно, первичным натяжением, без всяких швов и скобок. Ещё день-другой, и останется просто свежий шрам. И некому будет удивляться столь бурной регенерации. Исходной-то раны кроме Герты и Фёста никто не видел, даже и сам Волович, вот пусть и думают, что была просто глубокая царапина.

— Жить будешь, обормот, — грубо, как и положено военно-полевому хирургу, сказал Фёст. — Натягивай штаны. С девочками две недели забавляться не получится — шов разойдётся, и даму кровью измажешь. В остальном — противопоказаний нет.

Ляхов закурил, по извечной привычке отойдя к окну, за которым теснились крыши и внутренние дворики квартала между Дмитровкой и Петровкой.

— А как теперь жить? — неожиданно тихим и несколько даже робким голосом спросил Волович.

— Вот ты сам и подошёл к нужному вопросу, — усмехнулся Фёст. — Спрашиваешь, будто ничего не читал, «от Ромула до наших дней»¹. В твоём возрасте пора бы достаточно устоявшуюся точку зрения на эту тему иметь. Но если не обзавёлся — скажу. Выбора у тебя ровно столько, сколько у Президента с его друзьями. Даже меньше, пожалуй. Они всё же личности самостоятельные, а ты...

— Зачем ты меня всё время стараешься оскорбить? — жалким, будто Акакия Акакиевича взялся играть в клубной самодеятельности, голосом спро-

¹ Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

сил Волович. Неужто и ему не чужды движения души и понятие «совести»?

— Я — тебя — оскорбить? — вразбивку произнёс Фёст, искренне удивившись. — Не делайте мне смешно, как говорят в той Одесе¹, куда я иногда собираюсь перебраться на полупостоянное жительство. Куплю «дачу Ковалевского» над морем и буду проводить там осенние и зимние дни. Удивительно хорошо на мою психику влияют одесский ледяной ветер и зимние туманы... Впрочем, тебя это никаким краем не касается. Согласно избранному тобой амплуа оскорбить тебя так же невозможно, как девушку из борделя народным обозначением её профессии. Это, дорогой мой Миша, просто констатация факта, не более. Упомянутые девушки могут быть вполне милыми существами со своей нелёгкой биографией, заслуживающей сочувствия, но не презрения. Всё это относится и к тебе, ибо ты — живая аллегория, олицетворение прямой связи между двумя древнейшими... Разве та же Герта или моя Людмила становятся хоть чуточку хуже оттого, что их нынешняя служебная обязанность — убивать? Причём делать это они должны предельно эффективно и безэмоционально. Не забывая об общепринятых в цивилизованных странах нормах гуманизма.

— Да уж, насмотрелся я на их гуманизм, — лишённым всякого энтузиазма голосом ответил Волович.

— Вот это ты зря. Зря столь пессимистично смотришь на вещи. Будь Герта хоть немножко менее профессиональная в своём нелёгком ремесле, где

¹ В устной речи местные жители произносят название города с одним «с». Так принято.

бы ты сейчас был? Правильно, как говорил Рошин в бессмертном романе А. Эн. Толстого, валялся бы сейчас на навозной куче без сапог и в одних подштанниках... Поэтому нехрен обижаться. Выбор у тебя, как и у всех присутствующих — грандиозный. Получив ложку, кружку и сухой паёк на три дня возвращаетесь домой, где пользуетесь всеми плодами вновь обрётённой свободы. Причём можете посмотреть на то, что там делается и будет делаться хоть со стороны «узурпатора и тирана» (так он, повторяя газетные штампы Воловича и его единомышленников, назвал Президента), но не возбраняется и с противоположной стороны баррикады... На этот случай могу выдать справку, что свою рану ты получил от рук кровавого ОМОНа...

Тон у Фёста был одновременно и весёлый, и крайне многозначительный, такой, что изошрённое политическое и чисто шкурное чутьё «звезды демократической прессы» не могло не сработать.

— Я ж тебя знаю, Вадим, — сказал он как бы на равных, — ты не на ту карту не поставишь. А если я захочу с тобой и Милой паранормальными явлениями заниматься...

— Понимаю, — кивнул Фёст. — «В случае чего — моё дело шестнадцатое. Помогал детям. И дело с концом»¹. Не смею запретить. Такой человек, как ты, нам сгодится, ибо сам ты представляешь собой одно сплошное паранормальное явление. Только одно условие. Ну, помнишь, такое Бендер Балаганову поставил?

— Это насчёт каждой скормленной калории и массы мелких услуг?

¹ См. И. Ильф, Е. Петров. «12 стульев».

— Конгениально, Миша! Сегодня лишь один человек из ста уловил бы и продолжил мою мысль. Именно это я и имел в виду. Если ты останешься со мной, у тебя больше не будет «левых» источников доходов. Всё, что ты получишь, ты получишь только от меня. Но зато часто и много. При одном условии — писать будешь только то, что я скажу, и печататься только в указанных мною изданиях. Если зачастую это будут взаимоисключающие вещи — тебя заботить не должно. Каждый человек имеет право на плюрализм, хотя если он гнездится в одной голове, его чаще называют шизофренией. Ничего, — успокоил он бывшего властителя дум, — псевдонимами обзаведёшься. Станет у нас много «прогрессивных»... Один дарю прямо сразу — «Старик Саббакин»¹.

— А чего? Мне нравится. Спасибо. Если интелю попадётся — усмехнётся лишний раз. Одним словом — я теперь с вами...

Фёст улыбнулся смутно, взял из коробки новую папиросу, прикурил, пыхнул большим клубом душистого дыма.

— С нами — это хорошо. Станешь работать, и никто из нашей компании тебя не попрекнёт ни словом, ни взглядом. А на остальную часть населения тебе так и так глубоко плевать было. Нет? Только вот, Миша, одну вещичку прямо сейчас сделать придётся — присядешь на целую половинку своей задницы и напишешь справочку — кто в вашей коdle непосредственно отвечал за распределение грантов, отечественных и зарубежных, какие суммы проходили, и от кого конкретно, кому сколько и

¹ Один из псевдонимов В. Катаева в 20-е годы, когда он писал юмористические рассказы и фельетоны.

за какие именно материалы полагалось, кто в правительстве и «неправительственных организациях» вас курировал, госпремии оформлял, на зарубежные конгрессы и выставки именно из вашей стаи гениев, а не, упаси бог, каких-нибудь «деревенщиков» и «патриотов» посылал. Это, конечно, на тот случай, если мы сумеем поразить врага и займёмся настоящей чисткой авгиевых конюшен... Часика за два, думаю, управишься, вон ноутбук лежит, можешь пользоваться. К Интернету не подключён, не надейся, нет в этой стране пока ещё Интернета.

О, что это ты побледнел вдруг. Тебе нехорошо? Кровяное давление враз упало? Ну, ничего, оклемаешься. Это у тебя просто нервное. Ты же, Миша, думал — об этом не спросят? Правильно — власти не спросят, им не до того. А я уже спросил. Врать не советую, выгораживать кого-то. Другие всё равно стуканут, а тебе обидно будет. Как *опоздавшему*... И суммы гонораров не занижай — это лично в твоих интересах, я жалование твоё к этим исходным суммам привязывать буду. Грантик или «барашка в бумажке» от американского посла скроешь — на столько же и пролетишь. А ты ведь деньги любишь? Так что работай творчески и с огоньком. Вот сигареты, вот бутылка коньяка, шоколадка — все условия. А хоть в слове sluкавишь — повторяю, вон бог, а вон порог. Едва ли тебе в посольстве, хоть США, хоть Буркина-Фасо, убежище предоставлять станут, или спецрейсом переправлять на солнечные пляжи Майями. Останешься ты наедине с суровой действительностью российского бунта... Дальше сам продолжи... В «Яр» мы тебя возьмём в следующий раз, если правильно себя вести будешь.

★

Вызванное Людмилой такси уже стояло у подъезда, девушки были одеты по-дневному, но почти празднично. Мятлев и журналист Анатолий тоже не выглядели особенно озабоченными случившимся вчера. Такова, к сожалению, или к счастью, человеческая натура. Сиюминутные радости ей намного дороже вчерашних забот, если, конечно, они не относятся к вещам по-настоящему трагическим, вроде скоропостижной смерти очень близкого человека.

Президентским же приятелям вообще горевать было не о чем. Леонид наконец-то достиг вершины своих притязаний и, не взирая на недавний выговор, не сводил глаз с Герты, что бы она ни делала в данный момент, Анатолию, пожалуй, тоже интересней был мир за окнами, нежели судьбы того, что остался, как выражаются американцы «по ту сторону радуги».

Несколько волновал их вопрос — где сейчас находится и что делает Президент, но тут очень кстати позвонил Секонд, сообщил, где, и добавил, что занят «высокий гость» будет до вечера. Сейчас с ним общается лично Чекменёв, а на четырнадцать ноль-ноль назначена встреча в Управлении с Тархановым и с ним тоже, очевидно, в качестве консультанта. Потому что весь проект «Мальтийский крест» генерал взял в свои крепкие руки и более выпускать не намерен, да ещё с флота интересная информация пришла, пока на уровне слухов, но касающаяся каких-то непонятных военных девушек.

— Что они там ещё натворили? — удивился Фёст. — Их вроде совсем в другие края послали...

— И тем не менее... Слухи — они и есть слухи, но когда достаточно серьёзный человек из «мокро-

го» разведуправления спрашивает, не задействовали ли мы своих «печенегов» женского пола в операциях против британского флота, причём на другой стороне шарика, как-то странно себя чувствуешь...

— Твои кадры, вот ты за ними и присматривай. А то непорядок — в белый Крым послал, а они где-то не там оказались... Выясняй срочно. А мои, за кого я отвечать взялся — вот, прямо передо мной навтыяжку стоят, тебе воздушные поцелуи шлют и готовы выполнить любое новое задание партии и правительства. В моём, подразумевается, лице...

— Трепло ты, и ничего больше. Тут ведь правда что-то совсем непонятное. Хоть к Воронцову обращайся. Или опять Сильвию искать?

— Можно и проще. Выходи по блок-универсалу на Вельяминову, да и всё. Если они в этом мире проявились — ответит. И доложит. Дальше сам решение принимай, а меня хоть часика четыре не дёргай больше, а? Я, может, с Людмилой обручиться собрался. Прямо сейчас и при свидетелях...

— И меня не позовёшь?

— Как можно? Если имеешь возможность — по машинам! «Эй, ямщик, гони-ка к «Яру»! Лошадей, брат, не жалеи!»...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На ходовом мостике всё тоже шло своим чередом, то есть никак. После срабатывания генератора Френча все приборы, кроме традиционного устанавливаемого на самых современных кораблях магнитного компаса (как бы запасное колесо на автомобиле), прекратили свою деятельность, в том числе и телефоны, так что приказ, отданный вахтенным начальником, был последним, который эки-

паж услышал с мостика. И теперь каждый человек на крейсере был предоставлен самому себе. Или — сохранял связь с товарищами только внутри своего маленького коллектива, в пределах отсека, каземата или артиллерийской башни. Хорошо было там, где имелось естественное освещение, а ведь большинство оказалось в полной темноте, под многими этажами палуб, в глубине лабиринтов отсеков, переборок и трапов.

Когда погас свет и одновременно прервалась связь, множество групп и группок, от двух-трёх до полусотни человек, оказались в критическом положении. Остаться там, где требовало боевое расписание и устав, или выбираться наверх? Что, если приказ «покинуть судно» уже поступил, а они его просто не услышали, и через несколько минут крейсер начнёт тонуть, унося с собой сотни задраенных в артиллерийских погребах, машинных и котельных отделениях, трюмах людей? Умирать придётся долго и мучительно, особенно в водонепроницаемых отсеках.

И наоборот — как можно покинуть свой пост без приказа? Может быть, в следующую минуту от каждого потребуется исполнить свой долг на том месте, куда он поставлен. И свет сейчас загорится, и связь восстановится — а ты уже сбежал! Трагическая дилемма.

Кое-кто естественным образом поддался панике (что интересно — паника вообще гораздо более заразительна для армий наёмных, нежели призывных, а английские и армия, и флот последние девяносто лет были исключительно наёмными) и начал пробираться наверх, в большинстве случаев на ощупь, поскольку ещё с семнадцатого века на фло-

те Его Величества матросам и офицерам категорически запрещено иметь при себе спички или зажигалки, вообще любые устройства для добывания открытого огня. Деревянные парусники и откупоренные бочки с чёрным порохом на батарейных палубах давным-давно исчезли, а традиция осталась.

Куриль матросам разрешалось только на баке, у тоже традиционного «фитиля», теперь, правда, электрического, а офицерам — в кают-компании и нигде больше. Впрочем, можно ещё и с матросами, в общей курилке, но какой же джентльмен позволит себе такое? Это вам не российский императорский флот, где межкастовое общение, напротив, всемерно поощрялось и нередко были даже и адмиралы, мастерски «травившие» солёные байки под одобрительный хохот матросов. Разумеется, только после особой боцманской дудки (в новые времена дублируемой по общесудовой трансляции): «Команде песни петь и веселиться». В России до сих пор были сильные пережитки военно-феодалного строя, и матросы и офицеры одинаково считались «слугами царя и Отечества», служащими общему долгу, а европейцы уже «цивилизовались», у них не служба, а оплачиваемая работа. Какое уж тут чувство боевого братства.

Многие, конечно, сохраняли дисциплину и верность уставам, но всё же минут через пятнадцать на открытых палубах и платформах появилось больше сотни по преимуществу «нижних чинов», быстро понявших, что крейсер фактически никем не управляется и наступило нечто вроде безвластия или, точнее, междувластия. А что ещё можно подумывать и сказать, если корабль стоит без хода, никаких осмысленных команд с мостика и центрально-

го поста не слышно, да и любой моряк прекрасно видит, что крейсер, а точнее его командование, охвачено параличом. Ощущение для военных людей несколько странное, поскольку совершенно непонятное. Большинство ситуаций представимо и поддается набор стандартных действий. Поход, бой, шторм, столкновение с айсбергом и тому подобное. Здесь же ничего похожего.

Все видели быстротечный бой с русскими воздушными разведчиками, но «Гренвилл» в нём не участвовал. Потом эскадра полными ходами ушла, крейсер остался на месте. Почему без хода и нет никаких общесудовых команд, кроме отмены «боевой тревоги»? Так на то начальство имеется. Можно бы на всё наплевать и заняться своими делами, пока никто не мешает, однако большинство моряков не оставляла смутная тревога. Она началась с самого выхода в море. И две сотни штатских русских, погружённых на крейсер неизвестно зачем, как-то не прибавляли здорового оптимизма.

Но безвластие есть безвластие. И среди моряков, и среди «волонтёров» нашлось достаточно людей, сообразивших, где и чем на корабле можно поживиться. А поскольку в английском флоте нет запрета на призыв ранее имевших судимости, да и вообще, почти как во французском Иностранном легионе, предъявить вербовщику можно почти любой документ, даже без фотографии, достаточное количество моряков вспомнило о своих прежних склонностях. Кому-то подумалось об офицерских каютах, где многие джентльмены хранят и деньги и часы, кому-то — о серебряных вещах в застеклённых витринах кают-компаний, а многим —

просто об уставленных самыми соблазнительными бутылками стойках офицерского бара.

На крейсере было и ещё много разных мест, где кое-что можно прихватить на память. Возникали даже стычки между моряками и «пассажирами», не поделившими добычу. В них русские обычно выходили победителями. Ничего странного — на их стороне моральное преимущество, способность к стихийной самоорганизации для таких именно дел, причём в большинстве они были вооружены хотя бы ножами, а «лаймы» могли полагаться только на кулаки и подручные предметы.

Потом, наконец, началась стрельба. Из автоматов и пистолетов преимущественно, чего в нормальном морском бою просто не бывает. Кто услышал — предпочли переместиться подальше от источника потенциальной опасности. Беспорядки по уставу должна устранять судовая полиция, а вот её как раз и не осталось в дее- и боеспособном состоянии.

Часть моряков предпочли попрятаться в достаточно надёжных местах, но нашлись и такие, у которых пробудилась боевая и двигательная активность. Не меньше полусотни человек рванулись к мостику, рассчитывая, что там они получат более осмысленные команды, чем от старшин своих постов или плутонговых мичманов, в текущей обстановке совсем ничего не понимающих. А на мостике есть и командир, и старпом — уж что-то они прикажут.

Анастасия подняла руку. Её тонкий слух раньше, чем у Кристины, не говоря о Бекетове, уловил всё, что сопровождает передвижения группы людей —

нездоровое и шумное от непрерывного курения дыхание, шаги, пусть и мягких резиновых подошв по бамбуковым циновкам, произвольное побрякивание деталей оружия о металлические и даже пластмассовые детали одежды. В общем, как написано в одной интересной книге: «Бесшумных засад не бывает». А Шурлапов организовал именно засаду — он очень точно рассчитал, что захватчики крейсера, тем более — соотечественники, пойдут именно этим путём. Национальная психология, можно сказать, грязными вонючими отсеками придонных помещений они пробираться не станут, пусть это почти безопасно, и верхом тоже не попрут — если разведчики, десантники, то осторожность проявят. А этот коридор в самый раз. И для них, и для него.

Так бы и случилось, командуй группой Юрий, а не Вельяминова.

И слух у неё был лучше, и все остальные, необходимые для такой работы качества, — тоже. Противник находился в параллельном коридоре, метрах в двадцати от неё, но это не имело значения. Они с Кристиной преодолеют это расстояние и захватят неприятеля врасплох раньше, чем он успеет об этом догадаться. Ну а если немного позже — возможно, умирать ему придётся не так спокойно и безмятежно. Одно дело — пуля в затылок или нож под лопатку, так что и почувствовать этого не успеешь, другое — во встречном бою. Тут и страха полно, и разящее оружие врага может оказаться не таким быстрым и гуманным... Экспансивная пуля в кишечник, допустим, а потом помирай так долго, на сколько жизненных сил организма хватит. Ни добивать, ни лечить не станут, вот что главное!

Валькирии, двигаясь по-настоящему бесшумно, вышли в поперечный, идущий строго по мидель-шпангоуту¹ коридор, с выступающим посередине каким-то коробом или кожухом. Справа двери офицерских кают, слева — переборка, вся покрытая разветвлениями разноцветных трубопроводов.

Анастасия проскользнула до этого кожуха, используя его как прикрытие, изготовив автомат не для стрельбы, а для рукопашной, затыльником вперёд. За ней Кристина, вообще с голыми руками, автомат на ремне наискось груди, слева на бедре открытая пистолетная кобура, справа — штурмовой нож, чуть короче плоского австрийского штыка к винтовке «Манлихер» 1888 года. Пожалуй, и Юлу Бриннеру² с его двумя «Писмейкерами» с такой мисс связываться не стоило бы. Не успеет и руки до кобуры донести, хотя в кино делал это быстро и красиво.

Вяземская вдруг снова замерла. Будто кошка, услышавшая шорох мыши в глубине норки. Пальцем указала на дверь, которую только что миновала.

Бекетов, шедший последним, кивнул, сместился вправо и начал медленно опускать дверную ручку.

¹ Теоретически — центральный шпангоут, на самом деле воображаемая плоскость, делящая набор корабля строго посередине конструктивной ватерлинии.

² Американский киноактёр русского происхождения, Юлий Борисович Бриннер (швейцарец по предкам, если кто что подумал), наиболее знаменит ролью ковбоя Криса из к/ф «Великолепная семёрка» (в советском прокате с 1962 г. по личному распоряжению Н. С. Хрущёва, которому этот фильм очень понравился во время визита в Америку в 1960 г.). Персонаж Бриннера славился пулемётным темпом и снайперской точностью стрельбы. «Писмейкер» — револьвер системы «Кольт» 1872 г. одинарного действия, калибр от 45 до 32.

Опустил и резко дёрнул на себя. В шаге перед ними стоял весьма представительный молодой человек в отлично сшитом синем мундире, хорошо причёсанный и побритый, несмотря на творящийся на крейсере с утра бардак. Можно подумать — он собирался нанести визит адмиралу, как минимум. Слегка портил образ пистолет, который офицер держал в руках. С пистолетом на визиты не ходят. И держал он его не совсем ловко, вроде и за рукоятку, стволом вперёд, но с таким видом, словно не очень понимал, зачем его достал, да и мысль о том, что придётся стрелять, казалась ему как минимум нелепой.

Подготовка у обычного морского пехотинца не отличалась тонкостью и изысканностью «печенеговской». Увидев перед собой вооружённого человека, Бекетов сделал то, что представлялось наиболее быстрым и рациональным: сначала ударил автоматом сверху вниз по запястьям офицера, и тут же — в солнечное сплетение, так что и вскрикнуть у Строссона — а это был именно он — никак не получилось. Ещё секунда — лейтенант-коммандер уже лежал на боку, в позе эмбриона. Ему было очень больно, но сознания он пока не потерял.

Анастасия одобрительно кивнула, жестом показала, что надо пленному ещё по затылку добавить, чтобы выключился, а то связывать и кляп в рот вставлять некогда. Бекетов замахнулся, но тут офицер, кое-как вдохнув, прошептал, но вполне разборчиво, на приличном русском языке:

— Не надо. Я сам собрался сдаться. Я имею очень важные сведения для вашего командования. Я тот, кто знает больше всех о том, что вас интересует. И я буду молчать, пока вы делаете своё дело...

— Юра, стоп! — Вельяминова стала между Юрием и англичанином, так быстро, что Бекетов и не заметил, как она переместилась почти на три метра вбок от того места, где только что стояла. — Если не врёт — это то, что нужно.

Штабс-капитан сдержал замах. Она командует, ей и виднее.

— Ты, — это уже Строссону, — ляг на койку лицом вниз, руки за голову. Шевельнётся или вякнешь — конец!

Бекетов пожал плечами, поднял с палубы пистолет англичанина. Симпатичная игрушка, испанская «Астра 600/45», девятимиллиметровая, в подарочном исполнении, с гравировками, золотыми насечками и щёчками резной слоновой кости. В самый раз будет сувенирчик для Маши, как он уже называл для себя и про себя Варламову. Выйдет у них что-нибудь или нет, но память о нём останется.

Теперь оставались вооружённые люди в коридоре. С очень малой долей вероятности можно допустить, что это — кто-то из самостоятельно включившихся в игру волонтеров. Но нет — те бы вели себя гораздо шумнее, а эти передвигаются там, где им почти ничего не грозит, весьма профессионально. Значит, или из корабельной полиции, или бери повыше — какой-нибудь спецназ военно-морской разведки. Для той операции, что планировалась, без подобных специалистов не обходится.

— Стрелять нельзя, — вообще без голоса, одними губами изобразила Анастасия. — Нам сейчас толковые «языки» — как воздух. Чем больше, тем лучше...

— Сделаем, — кивнула Кристина. Чего проще — включить блок-универсал на режим парализатора,

и «языки», сколько бы их там ни было — вот они, готовенькие. Но, увы — та же проблема! У флотских контрразведчиков, что совсем скоро займутся трофейным крейсером, возникнет слишком много вопросов. «Что это за устройства такие, способные мгновенно обездвиживать любое количество вооружённых людей, да откуда они у сотрудниц «Печенега», и как эти сотрудницы вообще появились на крейсере?» А это плохо — когда возникают вопросы у десятков, вскоре — и сотен людей, поставленных на то, чтобы как раз ответы на подобные вопросы и искать. Пусть все эти вопросы рано или поздно стекутся в ведомство Чекменёва, где и погаснут, как «не имеющие отношения к делу», но, сами понимаете, «осадочек останется». Не зря К. Прутков писал: «Бросая камешки в воду, смотри за кругами, ими образуемыми, иначе такое бросание будет пустой забавою». А желающих посмотреть на «круги» всегда будет предостаточно.

Вельяминова и так уже всерьёз задумалась — «как хвосты зачищать»? Её научили в Управлении — не оставлять никаких следов, способных даже своих, но не имеющих «допусков», наводить на ненужные мысли. На крейсере, после их ухода, останется лишь Юрий, знающий какой-то кусочек «правды». Карташов и Егор Кузнецов, увы, погибли. Значит, братьев унтера придётся забрать с собой и пристроить в такое место, где их рассказы о странном «Замке» и прочем будут никому не интересны, или — восприниматься лишь пьяной болтовнёй. В родной деревне, к примеру. То же и с захваченным Марией инженером (если его вообще удастся довести живым хотя бы до мостика, что пока не факт).

Все остальные, и волонтеры, и офицеры крейсера, в крайнем случае смогут упомянуть о неких лицах, участвовавших в захвате корабля, «предположительно женского пола». Но это уже, как говорится «ля-ля», «неосязаемый чувствами звук». Ты их голыми видел? Руками трогал? Хотя имя назвать можешь? Мало кому что могло примерещиться, вплоть до явления Христа народу, призраков замка Морисвилл и привидений замка Шпессарт¹.

Как говорил один вор из старого советского фильма: «Вещей нет — кражи не совершал».

Но сейчас у Анастасии оставалось всего несколько секунд, чтобы принять решение. Главный вопрос — сколько людей в засаде? Если меньше пяти — говорить не о чем. Если больше, и значительно — будет много покойников и получится ли взять «языков» — неизвестно. Ни резиновых пуль, ни светошумовых гранат при себе нет, не рассчитывали на их необходимость.

Идея пришла внезапно. Им ведь нужна всего секунда, от силы две, чтобы оценить силы врага и начать действовать.

А вот такое никому в голову не придёт, или она совсем не знает мужскую психологию. Вроде бы в школе у Дайяны девушка, тогда ещё просто «двести восемьдесят седьмая», ходила в отличницах, да и постоянное общение со старшими подругами из роты тоже снабдило кое-какими полезными сведениями.

Он сунула Бекетову в руки автомат, рывком сбросила жилет-разгрузку, за ним плотную зеле-

¹ «Призрак замка Морисвилл», «Привидения в замке Шпессарт» — весьма популярные в СССР в начале 60-х годов заграничные кинокомедии пародийного плана, обыгрывавшие тему всевозможных потусторонних явлений.

новато-песочную рубашку, осталась в одном форменном, с кевларовыми чашками и титановыми вставками бюстгальтере. На то и рассчитан, чтобы сотрудница без последствий перенесла удар почти любой силы в уязвимую и чересчур выступающую за контур фигуры часть организма.

Не растёгивая, стянула его через голову. На вытаращенные глаза Юрия внимания не обратила. Вернее, обратила в том смысле, что и от неприятеля должна последовать та же реакция, только сильнее.

Кристина без команды повторила действия командирши. Поясной ремень, пистолет и прочее снаряжение снимать не было необходимости — на них просто никто не обратит внимания. Мужики ведь вторую неделю в море, у них реакция на такую картинку поострее будет, чем на сухопутном фронте!

— А этот? — едва шевеля губами, спросил Юрий, тоже попавшийся на психологический крючок.

— Поставь ему гранату в стакане на спину. Шевельнётся — сам будет виноват. Да не пялся ты так, Юра, мы на работе, — прошипела Анастасия. — Идёшь следом за нами, в трёх шагах. До поворота. Без команды не высываешься. Как только мы обнаружим засаду, тут же, пользуясь их обалдением, оцениваем обстановку, принимаем решение. Когда я крикну — «вперёд» — исполняешь. И, как учили, приводишь тех, кто тебе достанется, в нерабочее состояние. Нам с Ингой не мешаешь. По возможности — без стрельбы. Пошли!

Бекетов тоже больше двух недель не видел вблизи себя ни одной женщины. Никакой. И тут вдруг

сразу... Просто удивительно, как независимо от смертельной опасности бурно среагировал организм. А может быть, именно поэтому.

Отогнал наваждение и тут же начал действовать уже как специалист, офицер, а не оголодавший мужик.

— Ты куда!? — дёрнул он Вельяминову за руку. — С какого голым девкам по кораблю разгуливать? Соображай!

Сунул ей и Кристине в руки полотенца, больше не фиксируя внимания на анатомических подробностях. Солдаты получили задание, солдаты его выполняют. И точка!

— Головы хоть чуть намочите, — указал на раковину умывальника в выгородке возле двери.

— А ведь и точно, — сообразила Анастасия. Так они не две, не меньше десяти секунд выиграют, другие импровизации, глядишь, не потребуются.

Девушки сначала осторожно выглянули в коридор, потом шагнули смело и сразу заговорили громко, только на всякий случай по-французски. Ещё запас времени, если противники кроме русского и английского другими языками не владеют. В руках они несли банные полотенца, Настя через плечо, Кристина просто в руках перед собой, но пониже, чтобы грудь не заслонять.

Шурлапов был очень доволен собой. Рассчитал он необыкновенно точно. Сейчас поперечным коридором выйдут в тыл продвигающейся по правому борту разведгруппе, перестреляют их в спину, одного оставив живым, чтобы успел сказать, где у них точка randevu с «девицей» и пленным инженером. А что потом... Потом и станет ясно. Какой-то там

страшно важный «процессор» — найдутся люди, чтобы за него хорошо заплатить. И полсотни тысяч фунтов наличными, прихваченных в каюте ревизора. На первое время хватит, особенно если ни с кем не делиться. Приятели приятелями, но война — это такое дело! От шальной пули никто не застрахован.

Внезапно он насторожился. Чутьё у него было, как у таёжного следопыта, от природы, скорее всего, да ещё развитое обстоятельствами жизни. Звуки голосов и шагов вдруг куда-то делись. Не удалились, как положено, а исчезли вообще. Будто люди остановились в своём коридоре и прислушиваются. Или — если у них там, к примеру, оказался сходной трап, то спустились палубой ниже. Чёрт, он совсем не помнит, есть там трапы или нет. На этом грёбаном корабле можно проплавать целый год и не запомнить, где что находится.

Выждав секунду, анархист собрался осторожно выглянуть за угол, и, если всё чисто, быстро перебежать на ту сторону. Терять «объект» ему совершенно не хотелось, как и разминуться с первой парочкой — девкой и инженером с процессором. В итоге можно не поймать ни одного зайца, мать-перемать... И взятый им для огневой поддержки морской пехотинец выглядит совершенным тупарём, от него бессмысленно ждать помощи. Он и сейчас пялится в бортовой иллюминатор, будто его происходящее совершенно не касается.

И вдруг Юджин услышал хлопок закрываемой двери и звонкие женские голоса, громкие, совсем рядом. Будто они взялись в полном смысле ниоткуда. Только что тревожная тишина, а сейчас — будто на прогулочном лайнере. Говорили явно по-французски. Языка он действительно не знал,

просто догадался — эти интонации и фонетику ни с чем не спутаешь. И бабы (что-то здесь неправильно, кольнула интуиция, слишком много то там, то тут возникает баб!) ведь явно приближаются. Что за чёрт?

Шурлапов выглянул за угол и увидел то, чего уж никак не предполагал. Точно — круизный лайнер, и не иначе. Высокие, загорелые девахи, наверняка спортсменки или как их там, бодибилдерши, вышли из душа, не дав себе труда даже приодеться, прикрыть свои нагло торчащие сиськи, и направляются в его сторону, оживлённо щебеча чёрт знает о чём! В прошлом году Юджину довелось прокатиться на прогулочном теплоходе от Чивиттавеки до Гавра, и там с утра до вечера сотни полторы похожих девиц загорали вокруг бассейна именно топлесс. Это у них мода такая последнее время появилась, но самое паскудное то, что они богатствами своими перед массой мужиков трясли, ничуть не значило, что на всё согласные. Скорее наоборот: потеряешь самообладание — и огребёшь по полной. В Британии таких свободных нравов ещё не было, вот он и балдел целых два дня, пока слегка не привык.

И вот сейчас снова. И куда же красотки направляются, приняв душ и не удосужившись должным образом прикрыться? Всё же на военном корабле, а не...

«Не в ту ли каюту нацелились? — осенило Шурлапова, заметившего не только то, на что, по мнению Анастасии, должно было сосредоточиться всё его внимание, но и приоткрытую дверь Строссона. — Ещё интереснее, там ведь, кажись, тот хмырь из Адмиралтейства обретается, про которого Эванс с большой злостью отзывался. Он что же, двух сразу шлюшек с собой везёт? Забавляется? Да не мо-

жет быть! И чтобы никто, даже главный разведчик, об этом не догадывался? Другое тут...»

За какие-то секунды всё это проскочило в голове Юджина, причём мысли неслись параллельно, обгоняя друг друга, словно рысаки на ипподроме. Он успел даже сообразить, что как раз ничего не стоило провести на корабль этих самых девиц из какого-нибудь сверхсекретного подразделения... Слышал он о таких. Там и телохранительниц для высших лиц готовили, и киллерш из девок такого положения в обществе, что с винтовкой в руках на деле возьмут и тут же с извинениями выпустят...

Глядя на этих — можно поверить. Шурлапов не успел додумать до конца и побочную мысль — о том, что когда всё закончится, можно потратить несколько минут и как следует попользоваться хотя бы вот эту, светленькую, что идёт первой. Эта приятная картинка возникла перед его внутренним взором — и погасла. Волей судьбы отпущенное ему время (а мог бы успеть спусковой крючок ППД нажать) утекло между пальцев без пользы. Вколачиваемая с первых дней службы в каждого «разведчика переднего края» истина — и мига нельзя уступать врагу в разгар «острой акции» — осталась и Юджином и его командой так и не понятой, потому что разведчиками они не были. Высококвалифицированными террористами, уголовниками по совместительству, специалистами по «мокрым делам» и «эксам» — но не более.

Анастасия метнулась вперёд чуть быстрее стартового на перехват антилопы гепарда. Связки и мышцы девушки выдержали, но уже на пределе. Почти десять метров между собой и Шурлапов-

вым она преодолела быстрее, чем за полсекунды. Если бы так «сотку» бежать, чемпион мира ещё бы только разгоняться начал. Бить его было просто некогда, да и рискованно, для себя в том числе, и Вельяминова только слегка задела его плечом. Восьмидесятикилограммовый мужик впечатался в переборку, мгновенно потеряв сознание от удара затылком о сталь. Второго валькирия, уже погасив инерцию броска, свалила толчком локтя под сердце.

Кристина так же быстро привела в длительно-неподвижное состояние двух других соратников Шурлапова, используя, как говорят японцы, «совсем другую школу». Этой самой «школы», да и вообще взмахов рук девушки почти не было видно со стороны. Только туманный след мелькнул по сетчатке «стороннего наблюдателя».

На что Бекетов изучал всякие виды «рукопашек», учился сам и учил матросов, но не доводилось ему видеть, даже в клубах Владивостока, где много всяких азиатов любит похвастаться своими способностями, чтобы девушка, в которой едва шестьдесят килограммов наберётся, уложила без звука двух парней, на голову её выше и вдвое шире в плечах.

Будь он знаком с валькириями поближе — сообщил бы, что все существующие, а также и «несуществующие» виды боевых искусств вроде придуманных лично Шульгиным и разработанных далее роботами — инструкторами рейнджерского дела нужны им просто для антуража. Как всякие там пудреницы, тюбики с губной помадой и прочая ерунда, регулярно покупаемая в самых дорогих парфюмерных магазинах Москвы и почти ежедневно демонстрируемая подругам по роте.

Главное в боевой работе девушек были скорость и четырёхкратная (примерно) в сравнении с человеческой эффективность мышц, сравнимая с таковой у лучших представителей одного из четырёх родов семейства кошачьих. Всё остальное использовалось в основном для маскировки. Почти любой человек готов поверить, что «вся такая воздушная, к поцелуям зовущая»¹ девушка способна сокрушить гору мяса, типа Шварценеггера, каким-нибудь таинственным приёмом «кунг-фу» или экзотического, в природе не существующего «древнеславянского спаса», но будет крайне шокирован, увидев, как она, без всяких ухищрений, небрежным ударом руки, типа подзатыльника или пощёчины, способна переломить такому бугаю позвоночник или вообще снести голову с плеч. (Для таких упражнений, правда, лучше специальные перчатки надевать.)

На исходе третьей секунды девушки уже стояли в расслабленных позах, приводя в нормальное состояние перенапряжённые мышцы, нервы и за пределами колотящийся пульс, а Юрию осталось только, беззвучно про себя матерящемуся, направить ствол автомата на совершенно по-библейски обратившегося в соляной столп морского полица.

Анастасия посмотрела на Бекетова, поняла по его виду, что ближайшие полчаса их с Кристиной груди будут интересовать его меньше всего, вроде как поручика Полусаблина, но всё же прикрылась полотенцем и взглядом велела подруге сделать то же самое.

— Поработай, Юра, — сказала Кристина, — перетащи эту публику в каюту. Если кто способен шевелиться — сделай так, чтобы они не шевелились

¹ См. «Ильф, Петров. «Двенадцать стульев».

слишком активно, и до нашего возвращения можешь поговорить с искалеченным тобой каплейтом и этим беднягой... Слушай, Настька, я в натуре первый раз вижу, чтобы мужик от страха... это самое...

Действительно, вокруг мягких корабельных ботинок «шипполиса» растеклось порядочное мокрое пятно. И синие с красными лампасами штаны от промежности и до колен сухими не выглядели.

— Я, подруга, тоже. У моих предыдущих клиентов сфинктеры потуже были... Давай, неси бегом рубашки, а то и вправду не совсем удобно так вот... Ты, капитан-лейтенант, действительно допроси своего коллегу, а мы скоро вернёмся, — сказала Вельяминова.

До отсека, где ждали помощи Маша с Майкельсоном, они добежали мигом. Что такое сотня метров туда-сюда и вверх-вниз по трапам? Через десять минут вернулись уже вчетвером — три подруги-валькирии и вообще переставший что-либо понимать Майкельсон. Одно дело — если ты встретил первую и, возможно, последнюю в своей жизни красавицу, достойную резца Фидия. Тут можно немедленно превратиться в Пигмалиона, тоже раз и навсегда. А если за полчаса таких девушек уже трое... То, что в России иносказательно называется крышей, начинает многозначительно и зловеще потрескивать, собираясь в путь.

Басманов с Уваровым на занятой ими фок-мачте, с её комплексом боевой, ходовой и штурманской рубок, с тремя ярусами соединённых трапами мостиков и мощным зенитно-артиллерийским

прикрытием, чувствовали себя достаточно уверенно, хотя им хотелось, чтобы военно-морская часть сюжета побыстрее закончилась. Особой угрозы своей позиции они не чувствовали — отсюда почти полностью наблюдалась и перекрывалась огнём большая часть верхней палубы, а Бекетов с Карташовым (пока он был ещё жив), понимающие в морском деле, сразу объяснили, с каких «неявных» направлений можно ждать вражеской атаки.

Пятнадцать освоившихся с ролью морского спецназа волонтёров и Марина с Ингой легко перекрывали огнём любое открытое пространство, откуда могла бы начаться атака, а внутренние люки и двери со всех направлений были наглухо задраены. У Михаила Фёдоровича и молодого графа был очень разный жизненный опыт и уровень тактической подготовки, но здесь у них разногласий не возникало. Ни тот, ни другой вполне обоснованно не верили, что противник способен собрать минимум роту, поддержанную снайперами, которым требовалось бы занять господствующие высоты, то есть грот-мачту, и суметь замаскироваться так, чтобы хоть до первых выстрелов оставаться для противника ненаблюдаемыми. Только такими силами имело смысл отважиться штурмовать нечто, напоминающее донжон¹ средневекового замка. А корабельная фок-мачта с двухсотмиллиметровым бронированием рубки куда прочнее и удобнее для обороны, чем каменная башня.

Проще говоря, у той части экипажа, которая собралась бы силой вернуть себе власть над кораблём, шансов на успех было очень и очень мало. С парус-

¹ Д о н ж о н — отдельно стоящая главная башня феодального замка, обычно — последний опорный пункт защитников.

ных времён абордажные бои на палубах не практиковались, причём по чисто техническим причинам — гладкие палубы в сочетании с тогдашним рангоутом, стоячим и бегучим такелажем¹ давали возможность сражаться, имея достаточный манёвр по вертикали и горизонтали, с появлением же паровых судов их архитектура сделала прежние тактические приёмы абсолютно бессмысленными. Примерно так же, как стипль-чез² в заводском цеху.

Однако нашёлся некий brave офицер, наверняка мечтавший о лаврах лорда Кардигана³, полтора-два года спустя и в совсем других условиях. Около полусотни матросов и офицеров, возглавляемых решительным, но крайне глупым в такого рода делах квартирмейстером⁴ Стрэтфордом-Радклифом, лордом, кстати, выбрав удачный, по их мнению момент, скопились у основания мачты, в «мёртвом пространстве». Атаковали оба трапа, ведущие на нижний ярус штурманского мостика и к площадкам двух зенитных батарей. Вооружены они были преимущественно пистолетами и лёгким автома-

¹ Имеется в виду сочетание мачт, бушпритов, вант, иных снастей, предназначенных для крепления неподвижных деталей оснастки парусника и управления подвижными.

² В конном спорте скачки на дистанциях 4—7 тыс. метров со сложным рельефом местности и большим числом искусственных препятствий.

³ Лорд Кардиган, в сражении под Балаклавой (13/25 октября 1854) командовал сводной бригадой лёгкой кавалерии англичан, во время фронтальной атаки русских позиций попавшей в артиллерийский огневой мешок и практически полностью уничтоженной.

⁴ Квартирмейстер — в ряде европейских армий с XVI по начало XX века — начальник штаба, в данном случае его скорее можно назвать флаг-офицером контр-адмирала Эванса (когда он выступал в этой роли, а не маскировался кэптэном).

★ тическим оружием, всё из той же брошенной без присмотра и охраны крюйт-камеры. Единственно, что было соображено действительно грамотно (но не Стрэтфордом-Радклифом, а обычным артиллерийским старшиной), — это огневая поддержка 37-мм спарки с кормовой площадки КДП главного калибра. Самое интересное, что штурм в принципе мог бы и удался, будь в распоряжении англичан не малокалиберный автомат, а универсальная двадцатисемимиллиметровка, стреляющая шрапнелью и осколочно-фугасными снарядами. Несколько выстрелов почти в упор, со стометровой дистанции, и сразу, пока дым от разрывов не рассеялся — рывок. Пан или пропал.

Беда моряков заключалась и в том, что подобные авантюры требуют чёткого плана, предварительной подготовки и боевой слаженности личного состава. Тогда «стратегия чуда» бывает и срабатывает. Ничего этого в реальности не было и быть не могло.

Поэтому, когда по надстройкам фок-мачты загрохотали два зенитных автомата, дырявя навывлет тонкие листы обвесов мостика, разрываясь о недоступную этому калибру сталь рубок, рикошета от скошенных и наклонных поверхностей, Басманову с Уваровым и задумываться особенно не пришлось. Враг сделал то, что от него следовало ждать, и схема действий на этот случай имелась у каждого в голове, а также и в подсознании. Вот только личный состав подвёл. Командиры и Инга с Мариной физически не могли непрерывно наблюдать по всем азимутам горизонтали и вертикали, а волонтёры элементарно прозевали момент, когда начали двигаться стволы автоматов. За что и поплатились —

двое или трое из них были убиты сразу, несколько человек ранены.

По счастью, из «британских королевских комендоров» стрелки тоже были те ещё, на ежегодный приз имени ЕГО Величества, разыгрываемый на Спитхедском рейде, явно не претендовали. Да и торопились очень. Человеку часто кажется, что чем быстрее он начнёт стрелять, тем всё будет проще и понятнее. А ведь даже вдоль ствола охотничьей шомполки целиться надо уметь, а уж посмотреть, в каком положении находятся прицельные и наводящие приспособления целой спаренной зенитки сам бог велел. Иначе снаряд чёрт знает почему летит совсем не туда, куда хочется стреляющему, а чуть ли не в противоположном направлении. А в принципе полусотни правильно попавших снарядов хватило бы, чтоб на фок-мачте через минуту живых и боеспособных людей не осталось.

Впрочем, впоследствии выяснилось, что среди англичан настоящих зенитчиков вообще не оказалось. Старшина, вообще не фейерверкер, а по хозяйственной части, ухитрился выдернуть из толпы матросов хоть и с артиллерийскими нашивками, но специалистов совсем по другим калибрам. О «бофорсах» знали только то, что в учебке в плане «общепартиллерийской подготовки» разъясняли, то есть куда кассету со снарядами совать и где нажать, чтоб выстрелило.

Зато Михаил Фёдорович впервые за бог знает сколько лет всерьёз вспомнил свою сто лет назад минувшую юность, Михайловское артиллерийское училище, конную Гвардию и бескрайние поля Первой Мировой! Жестом приказав Уварову действовать по обстановке и руководить уцелевшим

личным составом, сам он заскочил в левую ору-
дийную полубашню, где тоскливо ждали решения
своей участи четверо комендоров, которых Бас-
манов дальновидно не отправил вместе со всеми
изображать бабуинов на прожекторных площад-
ках и салингах. Была у полковника выработанная
ещё сражением под Каховкой мысль, а можно ска-
зать, и привычка — нельзя оставлять трофейные
пушки без расчётов¹. Это только дедовской бер-
данке одного «номера» для обслуживания хватит,
а даже самой простенькой «трёхдюймовке» образ-
ца 1902/30 хоть из трёх человек расчёт необходим.
Это только в кино один человек сам себе снаряды
подаёт, маховики крутит, в прицел смотрит и шнур
дёргает. Вот и пригодились «коллеги».

Сейчас Басманову не пришлось прибегать к
сильнодействующим средствам, чтобы заставить
пушкарей исполнять свою работу. Ему, наоборот,
сделалось весьма неприятно на душе, когда, пови-
нуясь его подкреплённому многозначительным по-
качиванием пистолета в руке, англичане кинулись
по уставным местам. Времени было очень мало.
Сейчас англичане перезаряжают свой «Бофорс», по-
правят прицел, и... Ну, понятно, что может сделать
ещё одна серия хорошо направленных. Командо-
вал он по-английски, но, ему казалось, русские ко-
манды англичане поняли бы так же отчётливо. «Уж
ежели дело до петли-то доходит...»

Комендорам помирать не хотелось, что от «дру-
жественного огня», что от пули русского офицера.
Прицелились они как следует. Левая сторона задне-
го мостика от прямого попадания фугасного снаряда
сразу окуталась огнём и дымом, а всё, что осталось

¹ См. роман «Разведка боем».

от орудийной площадки, повисло, перекошенное, на уцелевших балках. С основной угрозой было покончено.

Басманов приказал опустить стволы до крайнего предела (– 15 градусов от горизонта) и дал серию — по пять выстрелов из каждого ствола вдоль шканцев. Как именно легли эти снаряды, роли уже не играло. На корабле выше ватерлинии достаточно металлических и деревянных предметов, плюс двадцатисантиметровый тиковый настил палубы. И всё это от взрыва фугасно-осколочного, вполне крупнокалиберного снаряда превратилось в жуткую тучу убойных элементов. Да ещё ударная волна. После такого и подметать не надо.

Басманова по-настоящему удивило только одно — с каким абсолютным равнодушием английские матросы стреляли по соотечественникам. Именно что в упор — на пять вёрст не разберёшь, куда попал и что на месте разрыва образовалось. А на полста метров — отлично видно, и кровь, и мозги, и руки-ноги оторванные.

Полковник несколько раз сглотнул, вполне бесполезно, после близкого артиллерийского огня любому до завтра в голове звенеть будет и чужую речь в основном по губам разбирать придётся.

Ладонью убрал из пышного чуба несколько щепок, перешагнул через высокий комингс полубашни. Осмотрелся. Уваров опустил автомат, которым целился на площадку ближайшего трапа, махнул рукой. Всё, мол.

Валькирии, слава богу, живые, но тоже оглушённые, поднялись из-за барбета. Успели залечь, кажется, быстрее, чем вражеские снаряды до них долетели.

— Посмотрите, что там наши гвардейцы, — крикнул полковник, едва услышав сам себя, махнул рукой в сторону позиции волонтёров. Похоже, большинство шевелятся. Только потом сунул папиросу в зубы, закурил, протянул портсигар (обычный), довольно растрёпанному Уварову. Считай, ему тоже повезло, могло бы так об железо припечатать или вообще за борт сбросить. Некогда было графа предупредить.

Подполковник взял папиросу, потом показал рукой на южную часть горизонта.

При зрении Басманова, иногда позволявшем корректировать артогонь без бинокля, он отчётливо увидел несколько целлулоидных, голубых на голубом силуэтов военных кораблей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Собственно, «сохранить лицо» Президенту можно было одним-единственным и давно известным способом — сделав вид, что сам исходно не хотел ничего другого, а если и возражал по ряду частных, так только из желания поглубже разобраться в проблеме.

Совершенно очевидно, что вариант «короля в изгнании» Георгия Адриановича совершенно не устраивал, возможность возвратиться к началу вчерашней истории — ещё меньше. Он в развитие темы, спросил у Чекменёва: а что произойдёт, если сам он действительно решит, устранившись от дел, вдруг остаться *здесь*? Каким образом господин генерал представляет себе развитие событий *там*?

— Проще всего, как вы понимаете, предоставить всё свободному течению обстоятельств... — Закончив, наконец, свой графинчик, Игорь Викторович

достал из нагрудного кармана приличной длины алюминиевый пенал. Спешить вроде как некуда, а удовольствие от хорошей сигары можно получить именно не торопясь.

— Каким-нибудь способом всё образуется. Претенденты на власть в процессе соперничества перебивают друг друга, из всей их толпы выделится так называемый «крысиный волк», который и наведёт свой порядок. И едва ли он будет лучше прежнего. В то, что, избавившись от вас, конфликтующие стороны мирно, по-джентльменски договорятся и проведут честные и независимые выборы по лучшим европейским стандартам, я, признаюсь, вот ни на столько не верю, — Чекменёв показал треть фаланги указательного пальца. — Очень может быть, что удивительное российское везенье наконец закончится, и мы получим некую дикуую помесь махновского Гуляй-поля с Афганистаном. И очень надолго... Причём никакая гуманитарная западная интервенция не поможет. Станет только ещё хуже. Россия, милейший Георгий Адрианович, это вам не Латвия и даже не Хорватия. Скорее можно представить нечто вроде вашего нынешнего Сомали.

Президента передёрнуло. Да, перспективка! В то же время он внутренне соглашался с генералом — сколько же может везти? Сорвётся наконец страна в пучину бессмысленно-кровавого хаоса, и кто её сможет от этого удержать? Один из тех, кто претендует сейчас на его место? Вряд ли. Критическая масса деструкции почти достигнута, и явится на смену какой-никакой цивилизации нечто такое, что и вообразить трудно... Сомали? Афганистан? Судан? Почему бы и нет? Три раза на протяжении века катастрофу кое-как удавалось отодвинуть, но

сейчас из хаоса грядущей гражданской войны страну вытаскивать просто некому. Ни Корнилов, ни большевики с Лениным — Сталиным, даже Ельцин в очереди за званием спасителя России больше не стоят. Их время кончилось...

— Но мы, как вам очевидно, на произвол судьбы события не пустим, — продолжил Чекменёв. — И жизни соотечественников нам дороги, и российскую территорию, российские богатства мы на разграбление не отдадим. Не по-людски это будет... Предки полторы тысячи лет собирали, строили, и всё на ветер?

— Значит, так или иначе — интервенция?

— Любите вы, интеллигенты образованные, словами бросаться, — скривился, как от приступа зубной боли, Чекменёв. — Интервенция, как мне из курса Академии Генерального штаба помнится, есть «насильственное вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого. Интервенция может быть военной, экономической, дипломатической. Все виды интервенции несовместимы с уставом ООН и международным правом...». Я, кажется, достаточно точно пункт из учебника процитировал...

— Куда уж точнее. Оказывается, в вашем мире такой же взгляд на эту проблему, как и в нашем. Следовательно...

— Абсолютно ничего не «следовательно», — генерал прямо-таки засветился радостью, как студент, взявший билет с вопросом, о котором он знает всё и многое сверх того. — Мне удивительно интересно будет услышать из ваших уст, или от самого председателя Высшего Совета Объединённых наций разъяснение, каким образом вы готовы дока-

зять, что ваша и моя России являются по отношению друг к другу «иностранными государствами». И каким образом одно совершило агрессию против другого, не пересекая его внешних, общепризнанных мировым сообществом границ? Да-да, — оставил он пытавшегося что-то сказать Президента движением руки, — я знаю ваши обстоятельства... Что ж, в этом случае мы до поры до времени стараемся не нарушать границ так называемых «постсоветских государств». Но на коренной-то русской территории мы в полном своём праве...

Попытки спора и кое-какие доводы, говорящие о том, что здешняя Россия и та, руководить которой был избран самым демократическим путём Георгий Адрианович, всё-таки разные, самостоятельные государства, Чекменёв отмёл сразу, используя вполне сократовский приём.

— Никаким путём мы с вами, да и целый синклит знатоков международного права, не сможет доказать недоказуемое. Моя-то страна не является «правопреемницей» вашей, как вы объявили себя «правопреемниками СССР», и даже подтвердили это выплатой внешних долгов. Глупейшая, кстати, идея, не знаю уж, чью светлую голову она посетила. Надо было сразу признавать себя правопреемниками Российской Империи, признав нелегитимными решения так называемого Второго Всероссийского съезда советов и роспуск Учредительного собрания. Вот тут у ваших дипломатов и юристов хватило бы увлекательной работёнки не на одно десятилетие. Попробуй-ка привести хоть в какую-то систему накопившийся за восемьдесят лет ворох внутренних и международных нормативных актов, ни один из которых не правомочен по определению... Даже ни

одно ново-европейское государство фактически не существует, ибо *настоящая* Россия ни Брестского мира не заключала, ни в Версальской конференции не участвовала...

Генерал представил себе эту картину и даже прижмурился от удовольствия.

— Особенно забавным мне кажется момент, когда все ваши союзники и противники начали бы доказывать легитимность именно Октябрьского переворота, законность террористической большевицкой власти и правомерность в нынешнем мире именно такого решения вопросов смены общественного устройства...

Президент тоже представил, и ему тут же захотелось обрушить на собеседника массу, даже лавину доводов «против».

— Нет, ну вы точно «Историю КПСС» вместе с «Кратким курсом»¹ проштудировали. Так вот я вам отвечу...

Только не так прост был Чекменёв. Он ловко совершил следующий финт, словно слаломист на спуске, а то и сёрфингист на склоне волны.

— Не надо мне отвечать, я, собственно, не об этом речь веду. Ваших «Курсов» я, естественно,

¹ «Краткий курс истории ВКП (б)» — можно сказать, Библия сталинской эпохи. Написанная, по некоторым данным, им самим (или переписанная и отредактированная в 1937—1938 гг. по заготовкам группы историков-марксистов), она содержала в себе не только собственно историю, как её следовало представлять гражданам СССР, но и популярное изложение всей марксистско-ленинской философии, тоже в достаточном для повседневной жизни объёме (см. Глава 4). С момента издания и до 1953 г. изучалась постоянно и непрерывно во всех кругах, слоях и ячейках советского общества, общий тираж книги за 15 лет превысил 40 млн экз. только на русском языке.

не читал, знающие люди составили мне выжимку всей вашей истории, политики и философии в сотню страниц, с картами, схемами и иллюстрациями. Вот историю Второй мировой войны — да, изучил очень внимательно, точки зрения всех противоборствующих сторон рассмотрел помимо всякой идеологической и националистической окраски. Стратегию, тактику и геополитику — соответственно. И сейчас продолжаю заниматься близкими мне проблемами, так что здесь говорить мы легко можем на равных. В этом как раз случае — как соотечественники.

Вы, ваше высокопревосходительство, никак одной простейшей вещи не уловите, на чём вся моя стратегия и тактика строится. Ваша и моя России — это не разные страны, не близнецы даже однойцевые, как можно было бы применительно к людям сказать в подобном юридическом казусе. Нет, это просто один и тот же человек, просто в разном возрасте. И именно поэтому никакие правовые подходы здесь невозможны. Вы же не возьмётесь в суде опротестовывать сделку, заключённую вами же хоть десять, хоть сорок лет назад? Или судиться с самим собой за десятину земли, некогда использованную не на те цели, что вам сейчас в голову пришли...

— Неожиданный поворот, — выразил не столько недоумение, как определённое даже пренебрежение к столь одновременно и дилетантскому, и демагогическому подходу. — С такой идеей выходить на суд мирового сообщества...

— Да кто же на какой-то там суд собирается, Георгий Адрианович! — едва не всплеснул руками Чекменёв. — Не вижу я в пределах планеты Зем-

ля органа, чью юрисдикцию согласился бы принять даже ваш покорнейший слуга, не говоря о Высочайшей особе!

При этих словах генерал весьма многозначительно воздел к потолку указательный палец, и Президенту стало совсем непонятно, дурака ли он сейчас валяет, или действительно демонстрирует особое почтение к своему сюзерену.

— То есть, о чём вы? Мы же ведь состоим в Совете Европы, в ОБСЕ, во всех организациях ООН и её Совете Безопасности... С 1991 года мы полностью признали приоритет всех подписанных международных соглашений над национальными. Как вы себе можете представить такую, как вы обозначили, коллизию? Особенно в ситуации, когда Соединённые Штаты...

Чекменёв, вообще человек крайне владеющий собой, даже с Катранджи, Ибрагим-беком и Уваровым с его девицами умевший говорить столь же вежливо и деликатно, как Воланд с клиентурой, не выдержал. Очевидно, упоминания о международных организациях ему и в этой реальности надоели до крайнего предела. Уж лучше, правда, с графом Уваровым разбираться...

— А вы не пробовали — наплевать? — с крайним трудом сдерживаясь и напоминая уже не автора книги «50 лет в строю», а подполковника Рощина из трёхсерийной версии фильма (1957 г.) в момент его застольного разговора с Лёвой Задовым в поезде, едва сдерживая раздражение, спросил Игорь Викторович.

— Как — наплевать?

— Да очень просто — слюнями. Вам продемонстрировать?

Он даже сделал намекающее движение щеками и губами.

— Вот представьте — кого вы там для себя самым главным считаете — Генсека ООН или Президента США — вдруг *этот* заявляет *вам* (именно с такой форсировкой интонации генерал выделил это слово), что вы не вправе использовать на своей территории с этой же территории пришедшие войска, не можете обменивать свои русские рубли на русские же, но золотой чеканки, выпущенные в том же самом от Рождества Христова году, из золота, добытого на тех же самых, русских месторождениях... Не дозволено *вам* (он снова подчеркнул) торговать своей собственной нефтью и газом с теми, кому вам хочется и по назначенным вами ценам. Нет уж, простите, — Чекменёв из графинчика Президента налил себе и ему, дождался, когда визави опрокинет рюмку, после чего медленно, с явным удовольствием выцедил свою.

— Нет, это вы меня простите! — с неожиданной, возможно, подогретой прогулкой и полутора сотнями граммов «Особой очищенной» ажитацией вскинулся Президент. — Да вы себе представляете, что *после этого* начнётся в мире?

— Мне кажется, ничего особенного, — неожиданно мягким голосом ответил генерал, снова беря с края пепельницы свою сигару. — Это вы всё сами себе придумали. Вроде того чудовища, что обязательно приходит по ночам в палатки младшей группы кадетского корпуса и непременно съедает, с особым цинизмом тех, кто не укрылся с головой одеялом. А ведь на самом-то деле... Милейший Георгий Адрианович, ни хрена они вам сделать не могут, даже пальчиком погрозить осмелятся только

в том случае, если не заметят в ваших глазах того блеска, что присутствовал в глазах Никиты Сергеевича накануне Кубинского кризиса...¹

— Вы и о Хрущёве знаете? — совсем уже нелепо удивился Президент.

— А вы о Катоне Старшем, Аларихе, Карле Великом, Наполеоне, Бисмарке, Соломоне Рубашевиче и генерале Поволоцком знаете? Откуда?

— Последние два — кто?

— Ну вот, — облегчённо вздохнул генерал, — кое-чего и вы не знаете. Это слегка утешает. Первый — первый Президент Израиля, подписавший с Россией договор о дружбе, сотрудничестве и взаимном гражданстве. Второй — израильский Главком, бывший генерал-лейтенант Российской армии, Герой России, жесточайшим образом в Шестидневной войне разгромивший коалицию арабских государств в тысяча девятьсот сорок седьмом году. Куда там Наполеону при Аустерлице...

¹ «Кубинский кризис» 1962 г. возник после того, как американцы отказались убрать из Турции нацеленные на СССР ракеты средней дальности. В ответ тогдашний Председатель Президиума ЦК КПСС и глава советского правительства Н. С. Хрущёв распорядился немедленно направить на Кубу и развернуть там советские ракеты с ядерными боеголовками. Принято считать, что в этот момент мир стоял на пороге тотальной ядерной войны. На самом деле тогдашний Президент США Д. Ф. Кеннеди с помощью своего брата, министра юстиции Р. Кеннеди сумели договориться с Хрущёвым о взаимном выводе ракет, причём СССР получил от США гарантии впредь не предпринимать против Кубы никаких агрессивных действий. То есть часто изображаемый «недалёким простачком» Хрущёв вчистую переиграл «самого интеллектуального президента» державы, которая в 1962 г. гораздо больше превосходила СССР по всем показателям, чем США — нынешнюю Россию (кроме, может быть, выплавки чугуна на душу населения).

— Вот странно. И у нас была Шестидневная война. Только на двадцать лет позже, командовал войсками Моше Дайян, и евреи были геостратегическими противниками СССР...

— Как интересно, — деланно удивился Чекменёв. — Значит, вы с ними с самого начала не так обращались. Это, знаете, как с девушкой. Она, может, в душе уже была согласна, а вы слишком рано её руками хватать начали. Или похвастались раньше времени тем, что ещё не случилось...

Разговор Президент с Чекменёвым продолжили уже в машине, доставившей их в Кремль, в помещения генерала, которые он занимал, исполняя обязанности по линии государственной безопасности. Для других должностей имелись другие резиденции, с иным штатом и иным, само собой, статусом.

Президенту стало не по себе, когда простенький, отнюдь не представительского класса «Руссо-Балт» «Двина» на секунду всего притормозил перед Спасскими воротами. Ворота выглядели несколько иначе, чем в его время. Они оставались такими же массивными и способными выдержать удары не только средневековых таранов, но и техники более *рабочими*, что ли. Видно было, что открывались они по многу раз в день и, так сказать, *без церемониала*. Игорь Викторович, подъезжая, коротко нажал кнопку сигнала, часовой за окном караульного помещения его узнал, и полотнища мягко начали распахиваться, не вызвав этим ни малейшего любопытства у многочисленной публики, прогуливавшейся или просто спешащей по своим делам через

площадь. Редкие парадные выезды автомобильных кортежей через эти же ворота в *грутой* Москве вызвали гораздо больший интерес.

— А что, если бы за рулём сидели не вы, а хорошо загримированный под вас человек? — спросил Президент, не в силах подавить профессиональной заинтересованности.

— Не считайте нас такими уж профанами в охранном деле, — усмехнулся Чекменёв. — Эта машина с другим человеком просто вообще никуда бы не поехала, а попытка занять моё место окончилась бы для экспериментатора весьма печально. Меня вот гораздо больше забавляет ваша страсть кататься на автомобилях размером с товарный вагон, причём в сопровождении двух десятков таких же. А рискнули бы проехаться отсюда до своей загородной дачи верхом, в сопровождении лишь ординарца?

Уловил краем глаза гримасу на лице Президента, снова слегка хмыкнул.

— А Государь проделывает это довольно часто. И по вечерам иногда любит пешком по Бульварному кольцу пройтись... Возвращаясь из театра, например. И это при полном отсутствии в стране *демократии*...

Президент решил не поддаваться на провокации, то есть просто промолчал, про себя подумав, однако, что *эта* Россия — действительно совсем другая страна, если Первое лицо совсем не озабочено поддержанием той своеобразной формы авторитета, сложившейся, кажется, где-то в двадцатые годы. Ленин, по слухам, тоже среди народных масс не брезговал появляться, пока с пулями Каплан не встретился...

О том, что способность гулять по Бульварам или ездить верхом, без охраны, сквозь подмосковные леса, требует, скорее всего, каких-то особых черт характера и личности, он задумываться не стал.

По совершенно не похожему на те, что у него, площадям и аллеям Кремля Президент прошёл, всё время вертя головой по сторонам, словно экскурсант, впервые приехавший в столицу из пресловутого Урюпинска. Не так, всё не так, не считая нескольких центральных корпусов. Не хуже, не лучше — просто иначе. Теснее, пожалуй, из-за многих *лишних* церквей и зданий. Вот то, что не громоздится здесь стеклянная коробка Дворца съездов, — это, конечно, правильно.

Встретив на пути всего несколько офицеров в незнакомой форме, подчеркнуто чётко отдавших честь генералу, хоть и был он в штатском, Президент с Чекменёвым с бокового крыльца вошли в окружённый вековыми елями приземистый двухэтажный корпус наискось от Арсенала. По широкой чугунной лестнице, слабо освещённой через наглухо затенённые мохнатыми лапами окна поднялись на второй этаж.

— Прошу, располагайтесь, — провёл генерал Президента в свой огромный кабинет, отделённый от приёмной дверью, замаскированной шкафами с пачками «дел». Кабинет тоже выглядел невероятно старомодно, как на дореволюционных фотографиях. Но внушал осязаемое уважение к месту и его хозяину. Нечто подобное Президент ощущал и в квартире на Столешниковом. Самовнушение или действительно магия места и времени?

— Сейчас подойдут несколько моих офицеров, — сказал Чекменёв, указывая на массивное,

почти неподъёмное полукресло у стола, — специалисты в своих вопросах, обсудим кое-что.

Он снял с рычагов тоже раритетную, такие Президент видел только в Политехническом музее, телефонную трубку.

— Но это при условии, что мы в принципе договорились. Если продолжаете испытывать сомнения — позову только одного...

Что означают последние слова, объяснять Чекменёву не потребовалось. Президент даже догадался, кем окажется этот «один». Уже хорошо знакомым Вадимом Ляховым-местным. Появится сейчас в кабинете флигель-адъютант Императора, и обсуждать придётся только одно — место, куда Президент хотел бы отправиться со своей семьёй, чтобы в покое и безопасности провести оставшиеся годы. А где найдёшь сейчас на *той* Земле такое место, если не менять имя и внешность? На Кубе, разве что, или в Северной Корее, там журналисты, да и более серьёзные люди, вроде Романа Меркадёра¹, хоть первое время надоедать не будут...

Президент вздохнул и взял из коробки на столе папиросу. Надо же попробовать, что царские генералы курят.

— Зовите всех...

Оказалось, что не знаком был Президент только с одним из трёх прибывших буквально через пять минут после звонка полковников. Тот, высокий, с за-

¹ Хайме Рамон Меркадёр дель Рио Эрнандес — испанский коммунист, агент НКВД, в 1940 г. убил в Мексике Л. Д. Троцкого, осуждён на 20 лет заключения, освобождён в 1960 г., вернулся в Москву, где был удостоен звания Герой Советского Союза. Умер в 1978 г. на Кубе.

горелым, слегка мрачноватым и замкнутым лицом, с Георгиевским крестом на кителе цвета «морской волны», назвался Тархановым Сергеем Васильевичем и добавил, что в ряде случаев может называться и Арсением Неверовым.

— Но это если нам с вами и дальше плотно работать придётся, документами за личной подписью обмениваться. А пока — Тарханов. В настоящее время числюсь начальником Управления спецопераций. Так что все основные вопросы со мной будете решать.

Второй полковник действительно, как и ожидал Президент, оказался Ляховым, а третий — тем самым Фёдором Фёдоровичем фон Ферзенем, круглощёким немцем с улыбчивым лицом, отнюдь не похожим на потомка суровых рыцарей Ливонского ордена, что докладывал на первом совещании на даче Президента, в присутствии Императора. Он по должности оказался начальником Оперативного отдела Штаба Гвардии.

Отчего все эти люди оставались полковниками, Президент не понял. У него каждый наверняка носил бы к основному званию приставку «генерал». Видимо, принципы здесь такие, не любит Император чинами разбрасываться.

«А у нас наоборот, — с грустью подумал Президент, — не станешь каждый год генералам очередную звёздочку *подписывать*, так разобидятся, что вообще на службу ходить перестанут. Однако, выходит, и щедрость не помогла, всё равно взбунтовались при первом удобном случае...»

Он обратил внимание, что все три офицера держатся с ним абсолютно ровно. До неестественности. Всё ж таки не просто кто-нибудь, а глава па-

раллельного государства прибыл с визитом. Или, наоборот, для них — проигравший полководец явился для подписания капитуляции. Вроде как Кейтель в Карлсхорст. А этим — без разницы. Пришёл и пришёл, гостем будешь. Ещё, глядишь, как равного и к буфетной стойке пригласят.

Он не мог как следует понять — задевает его такое отношение или, наоборот, успокаивает.

— Так, Сергей Васильевич, — сказал Тарханову, устраиваясь за огромным письменным столом Чекменёв, — все вводные вам, надеюсь, от Вадима Петровича и иных источников известны. Откройте карту и доложите свои предварительные соображения...

Все остальные, включая Президента, разместились по правой стороне длинного стола для совещаний, напротив стены с традиционно, как в любом приличном генеральском кабинете, задёрнутой шторкой картой. Здесь план-карта Москвы, хоть и огромная, почти от пола до потолка, была обычной, бумажной или пластиковой, до всяких интерактивных штучек в этом мире не додумались. Хотя, с другой стороны, техника, что использовал Фёст и его напарница Сильвия, далеко превосходила какой-то там компьютерный монитор или самый совершенный ноутбук.

— То, что сейчас доложит нам господин полковник, вы, Георгий Адрианович, можете воспринимать просто как часть командно-штабных учений. Никакого окончательного решения пока не принято, вы в полном праве согласиться с разработкой Управления, внести необходимые на ваш взгляд изменения и дополнения или даже наложить своё «вето». Всё же вы лучше нас в некоторых мо-

ментах разбираетесь, — счёл нужным подчеркнуть Чекменёв.

— В последнем случае события будут развиваться без моего участия? — стараясь быть твёрдым, спросил Президент.

— Вам бы не стоило сразу на пессимистический лад настраиваться, — ответил генерал. — Мы же здесь действительно собрались проблеме решать, а не глупыми конфронтациями заниматься. Вот и давайте работать дружно и продуктивно. То, что порядок в Москве и стране мы намерены навести быстро и эффективно — это, как говорится, однозначно. Никаких колебаний и надежд, что «само рассосётся», никто испытывать не собирается. Другое дело, что мы ждём от вас плодотворного сотрудничества и надеемся услышать нечто полезное и конструктивное. Вы там у себя Верховный Главнокомандующий и вообще...

Чекменёв вдруг потерял нить слишком длинного периода.

— И вообще — местный уроженец, — без тени иронии в голосе продолжил фон Ферзен. — Способ ориентирования «путём опроса местных жителей» — самый надёжный.

— Можно и так сказать, — кивнул Чекменёв. — Итак, приступим?

— Раз будет решаться столь важный вопрос, я бы хотел, чтобы на совещании присутствовали мои коллеги. Те, что остались... — с вымученной улыбкой сказал Президент. — Их ведь не долго будет сюда доставить?

— Пятнадцать минут максимум, — ответил на вопросительный взгляд Чекменёва Ляхов. — Могу распорядиться.

— Да уж распорядитесь. А вы пока начинайте, Сергей Васильевич, — сделал жест в сторону Тарханова генерал.

Президент слушал доклад о пока ещё гипотетической обстановке в его столице. Если верить вчерашним словам Ляхова-Фёста и теперешним — полковника Тарханова, в *той* России длилось «*время ноль*». То есть та самая секунда, в которую последний боец, защищавший дачу Президента, покинул тот мир, поставив заговорщиков в тупик как фактом своей крайне успешной обороны, так и бесследным исчезновением. Впрочем, продолжая ту же логику, *там* ещё никто ничему не удивляется, и удивляться начнёт только в тот момент, когда кто-то вновь *запустит плёнку*, перейдя из одного мира в другой.

Как при этом осуществлялась возможность якобы параллельного существования миров, каким-то же образом сумевших отдельно развиться до нынешнего состояния, Президент не понимал и старался в этом направлении вообще не думать. В конце концов свет — это одновременно волна и частица, так в школе учили, и все относились к этому странному утверждению предельно равнодушно.

Тарханов, видимо не спавший всю ночь, как только получил информацию от Ляхова и «исполнительную» команду от Чекменёва, успел проделать колоссальную аналитическую работу. Дело не в том, что он сличил и сопоставил всю информацию, полученную при допросах пленных и подобранную «Шарами», это, как говорится, дело техники. Главное, он сумел с помощью куда лучше знакомого с некоторыми реалиями Вадима создать

целостную, хотя тоже пока виртуальную, модель заговора. Здесь ему пригодились многие тщательно зафиксированные, но до конца не расшифрованные «непонятности» прошлогодней операции «Мрак и туман». Той самой, завершившей подавление «антиологовского» заговора, направляемого и снабжаемого из России Президента.

Тогда удалось сделать очень много¹, но так и не был выявлен и обезврежен, по-медицински выражаясь, «возбудитель», а на юридическом языке — «заказчик преступления». Такое, кстати, часто случалось до открытия, к примеру, «фильтрующихся вирусов», случается и до сих пор. Поскольку удалось отследить все цепочки, все контакты и связи «исполнителей высшего уровня», но никакими имевшимися в распоряжении Братства методиками не получилось выявить организаторов и даже самую *технология организации* этой масштабной и многоплановой акции, совет магистров и гроссмейстеров (он же называемый иногда Комитетом по защите реальности) решил, что замешаны здесь либо Игроки, либо Держатели, и задача не имеет решения по определению.

То есть можно достаточно успешно бороться с видимыми результатами делаемых «противником» ходов, причём с крайне серьёзными последствиями вроде мировых войн и социальных революций, но абсолютно невозможно понять как цели происходящих событий, так и предугадать хотя бы следующий ход партнёра. Особенно принимая во внимание (хотя это тоже гипотеза), что «правила Игры» (ещё одна абстракция) могут меняться произвольно после каждого хода. Или же — изменяться эво-

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

люционно, подчиняясь какому-то недоступному осмыслению даже на уровне *кандидатов в Держатели* алгоритму.

Собственно, по этой самой причине бо́льшая часть Братства и решила на какое-то время отстраниться от *текущих проблем*, ибо нет ничего глупее и скучнее, чем тупо реагировать на действия противника (если он вообще существует), без надежды перехватить инициативу поскольку элементарно непонятно, *как это может выглядеть*. Перехват инициативы, то есть. Если у Новикова, Шульгина, Сильвии, Ирины, Воронцова хватало совокупных сил создавать и удерживать *мыслеформы*, парирующие ходы противника в пределах одной реальности, то на то, чтобы осознать, осмысливать и удерживать в равновесии все бесчисленные связи, причины и следствия, пронизывающие многомерную конструкцию данной ячейки Гиперсети, уже нет.

По выражению одного из них: «Я ещё могу отслеживать аналогии между разнопричинными явлениями, но аналогии между аналогиями — уже нет». Оттого «старшие братья» и решили в полном соответствии с то ли бывшей, то ли пригрезившейся договорённостью с Игроками оставить текущую реальность в покое и заняться исследованиями в куда более интересной, сулящей очередные нетривиальные открытия области. Предоставив всем желающим право вести себя в оставшемся на их попечение мире (тем более якобы полностью отключённом от Гиперсети) как им заблагорассудится. Тоже исходя из просочившейся от кого-то из Игроков информации: «Реальность, данная вам в ощущениях, никаким образом не зависит от вашего к ней отношения, и если вы не захотите «играть»

далее, Игра всё равно продолжится, но вы в ней будете уже не субъектами, а объектами».

О том, что всё происходящее в текущей и параллельных реальностях есть только результат срабатывания Ловушки Сознания и к действительности никакого отношения не имеет, предпочитали вообще не говорить. Как известно, избежать создаваемых Ловушкой угроз можно единственным способом — до последнего в неё не верить.

Вот так и получилось, что роль «игроков районного масштаба» взяли на себя Фёст и Секонд в компании с *как бы* не имеющим заметных трансцендентных способностей Тархановым. И при нерегулярной, но существенной *технической поддержке* Сильвии, Воронцова и Левашова. Ну и профессор Удолин продолжал интересоваться происходящим, выстраивая одну за другой увлекательные и временами жутковатые гипотезы, исходя из собственных, некромантских представлений о действительности. Вполне материалистических, к слову сказать, поскольку даже самые чудовищные порождения фантазии, вроде гоголевского «Вия», например, способны физически взаимодействовать с иными обитателями Земли, людьми в том числе, и, следовательно, к объектам идеальным причислены быть не могут. Но это тоже лирическое отступление, пока что не имеющее отношения к докладу Тарханова.

Не касаясь моментов и ситуаций, чуждых ему в силу образования (Ставропольское горно-егерское военное училище) и нынешнего рода занятий (политическая разведка, контрразведка, силовые акции и тому подобное), полковник излагал выстроенную за ночь реконструкцию имевших место в соседнем мире событий.

— В данном случае мы сталкиваемся с довольно интересно продуманным заговором, принципиально непохожим на обычно устраиваемые в *той* России. Я подразумеваю тщательно изученный мною промежуток между тысяча девятьсот семнадцатым и текущим годами. До этого, как вы понимаете, никаких отличий в теории и практике нет и быть не может. Но то, с чем мы столкнулись сейчас, отличается от большинства реально осуществлённых акций, чисто военных, военно-политических и, так сказать, гражданских, своей, я бы сказал, комплексностью и *многоуровневостью*. Что и позволяет мне провести отчётливую параллель между позапрошлогодними событиями у нас и *там*.

Если угодно, обе эти операции можно рассматривать в рамках единого стратегического проекта, как его последовательные фазы. Вторая, то есть теперешняя, можно условно обозначить её как «Кремль-два», очень похожа на доигрывание отложенной партии. Игроки отдохнули, провели подробный домашний анализ с помощью всего синклита своих тренеров, помощников и консультантов, и с новыми силами приступили...

Здесь Тарханов упомянул термин «игроки» в самом расхожем смысле, но только для Секонда он прозвучал *знаково*.

— Используемая нами *аппаратура*, — Тарханов не сказал, какая именно, но по интонации Чекменёв понял, что речь идёт о той, что Сергея с Вадимом могли снабдить только *грузья*, об обычных электронно-вычислительных машинах не стоило бы упоминать, — позволила определить более десятка точек, которые на графиках «Кремля-один» и

«Кремля-два» полностью совпадают, что говорит о едином использованном алгоритме планирования...

«Надо же, какой терминологии Сергей набрался, общаясь с этими самыми «друзьями», — с некоторой, смешанной с удивлением ревностью подумал генерал. — Талант всё-таки. За два года от командира батальона до начальника управления, и постоянно продолжает «расти над собой». Ясно же, что мог всё поручить Ляхову, и они с Бубновым и Ферзенем разрисовали бы эту историю не хуже. Нет, на себя предпочитает брать, хотя славы в этом деле можно заработать куда меньше, чем шишек набить...»

Тарханов в отличие от всех прочих сотрудников сопоставимого уровня с первого дня знакомства пользовался у Чекменёва полным доверием и обычной человеческой симпатией. Всё в нём совпадало с представлениями Игоря Викторовича об идеальном офицере — и храбрость, и ум, и дисциплинированность. Принципиальность в отстаивании своего мнения, не переходящая, однако, в страсть к препирательству с начальством просто ради самоутверждения. Да вдобавок и скромность — фактически ведь все его подвиги числятся за неким Арсением Неверовым, сам же Сергей Васильевич Тарханов — чуть ли не канцелярская крыса, извлечённая Чекменёвым неизвестно откуда и пристроенная к делу в основном для того, чтобы исполнять скучные для самого генерала бюрократические процедуры.

Ну и, конечно, «по-настоящему информированные люди» относят причину стремительного карьерного роста полковника на счёт его красавицы жены. О том, что она вызвала искренний интерес и симпатию Государя (с последствиями или без —

это уже другой вопрос), известно всем, знающим привычки Олега. Вот о том, дошла ли эта информация до самого Тарханова, Чекменёв не знал. Впрямую ведь не спросишь ни у него, ни у Вадима. Единственное, за что можно зацепиться, — за то, что слишком много времени его супруга, кавалерственная дама Татьяна, проводит вдали от мужа, на кисловодской вилле. Так ведь не одна проводит, в компании безупречной во всех отношениях Майи Ляховой, и замотивирована у друзей-полковников такая полухолостяцкая жизнь очень даже убедительно, очень грамотно, не подкопаешься. Только братья за подобные «раскопки» генерал не имел никакого желания. Если кого это дело и касается, так только самой Татьяны, Государя, ну и Тарханова в какой-то степени.

«Так что он там говорит?» — спохватился Чекменёв, заметив, что мысли его незаметно соскользнули совсем не в ту сторону.

— То есть мы в данном случае можем предположить наличие координирующего центра, некоего подобия «военно-революционного комитета», осуществляющего общее руководство, имеющего, так сказать, гражданское и военное крыло, внешнеполитический отдел и подразделения массовой пропаганды, дезинформации и противодействия организационно-пропагандистским действиям власти. Кроме этого, предполагается существование финансового центра и подразделения по связям с любыми иностранными представительствами и агентствами...

— И — «научный центр», — добавил с места Ляхов, — аналогичный тому, что мы разгромили и захватили в ходе «Мрака и тумана». Достоверно

установлено, что определённое количество «фигурантов» операции было явно запрограммировано...

— На эту тему я как раз и хотел попросить высказаться тебя, сам я недостаточно в таких вещах разбираюсь, — кивнул Тарханов. — Но это уже не так существенно. Интересна сама применённая здесь схема. Попросту говоря, какая-либо возможность неудачи исключалась даже теоретически. Вы, господин Президент, при всех ваших возможностях и решимости пресечь начинающуюся смуту, если бы она и присутствовала, не имели никаких шансов...

— Поподробнее, пожалуйста, — привстал с места Георгий Адрианович, — тут моё мнение кардинально расходится с вашим... докладом.

— Нет ничего проще... — начал говорить Тарханов, но в этот момент в кабинет вошли, сопровождаемые адъютантом, Фёст, Мятлев и Журналист. И, что весьма удивило даже Секонда, господин Волович. Уж ему, казалось бы, здесь делать было совершенно нечего, с какой стороны ни взгляни.

Но Фёст сделал Вадиму успокаивающий знак, мол, всё идёт по плану, всё под контролем.

Новые участники заняли предложенные места, причём адъютант, видимо, выполняя указание Фёста, посадил Воловича поблизости от стола заседаний, но и чуть в стороне, за отдельный журнальный столик у окна, даже сам подвинул ему просторное кресло, якобы заботясь о его раненой филейной части.

Чекменёв распорядился доставить из буфета бутербродов, включить большую кофеварку и разрешил присутствующим курить без особых приглаше-

ний. Разговор начинался уж слишком серьёзный и интересный.

Адъютант распахнул в дальнем углу створки одного из окон более чем трёхметровой высоты, снабжённые для открывания шпингалетов начищенной медной арматурой довольно сложной конструкции.

И снова Президенту подумалось, совсем вроде бы не по теме, что странно современному человеку представить вполне благополучно функционирующую цивилизацию, в которой не то чтобы отключён, а вообще не существует «двигатель прогресса» в виде неостановимой и как бы совершенно необходимой в современном мире «индустрии потребления». Чем же тут заняты промышленность, торговля, миллионы людей и тысячи всевозможных торгующих, распределяющих, изобретающих и продвигающих всяческое барахло организаций, если большинство вещей специально задумано и сделаны так, чтобы служить десятилетия, а то и столетия? Как вот эти стулья, например, и оконные рамы, продающиеся в ювелирных магазинах золотые часы девятнадцатого века с безупречным и сейчас ходом. Вообще всё, что он видит вокруг себя. Тогда ведь, получается, и реклама на девяносто процентов не нужна? А за счёт чего существуют средства массовой информации и тьма-тьмущая людей при них? Надо бы спросить у господина Ляхова-Секонда.

Каким-то образом, то ли потому, что довелось повоевать вместе, или после вчерашней экскурсии по Москве Президент испытывал к этому полковнику наибольшее доверие и искреннюю симпатию. А вот его «близнец» вызывал скорее негативные, пусть и не прорывающиеся наружу, эмоции. На-

верное, потому, что они с ним из одного мира, но тот одинаково легко и свободно чувствует себя и в этом. А ещё, тут уже почти по Фрейду — ощущает этого самого Фёста как психологического антипода и человека (как это ни глупо звучит), лично винного во всём случившемся. Совершенно чингисхановская логика: «Гонец, принесший дурную весть, должен быть казнён».

Вот и сейчас он выглядит, даже здесь, слишком уверенным в себе. Президенту ещё неизвестна была ситуация с взаимоотношениями между мирами через Братство, и истинные роли каждого из присутствующих именно в таком преломлении. А так он всё понимал (ощущал) правильно — именно Фёст был здесь и сейчас самым свободным и могущественным человеком. Хотя бы только потому, что из двух аналогов Шульгин, а за ним и другие (Сильвия, кстати!), признали именно эту реинкарнацию Ляховых Фёстом (то есть — Первым!), а Секонда, пусть и весьма приближённого к Императору, — Вторым. По гамбургскому, что называется, счёту.

— Я пока что не сказал ничего такого, что требовало бы повторения для вновь прибывших, — отметил Тарханов, когда суэта и шевеление были закончены. — Имела место только затянувшаяся сверх меры преамбула...

— А вот теперь начнётся «амбула» — неожиданно подал голос Волович, и только Фёст и Журналист посмотрели на него одобрительно-понимающе, остальные — с недоумением¹.

— Если угодно — да, — вдруг ставшим достаточно жёстким голосом сказал Тарханов, и под его взглядом, очень похожим на тот, каким он смо-

¹ См. А. и Б. Стругацкие. «Полдень, XXII век».

трел в прорезь пулемётного прицела перед началом первой очереди из последней ленты в отеле «Бристоль», репортёр непроизвольно съёжился. Этого человека он видел впервые, но предпочёл бы не видеть вообще. Уж они-то с полковником точно были из разных серий.

Из дальнейшего доклада Тарханова следовало, что главная особенность мероприятия, условно именуемого мятежом или путчем, заключалась в том, что обычными способами полицейского или жандармского (тут он машинально употребил привычные термины) сыска даже и сам факт его подготовки было невозможно обнаружить и тем более доказать. Соответственно, к господину Президенту и его сотрудникам (лёгкий поклон в сторону Мятлева), никаких претензий предъявить нельзя...

— А почему это вообще вы, полковник, заговорили о «претензиях?» — спросил Мятлев с излишним душевным подъёмом, проще говоря — с вызовом, свидетельствующем о том, что Герта недосмотрела и пару чарочек генерал изловчился пропустить лишних.

— Только потому, генерал-лейтенант, — очень резко ответил Тарханов, — что вы сейчас сидите у нас в Управлении, а не мы у вас, и помощи понятно кто у кого ждёт. Так что я попросил бы...

«Молодец, Сергей, научился кое-чему. С этими, бывшими советскими, так и надо...» — злорадно подумал Фёст. Тут вообще интересная мозаика начала складываться не только из событий, но и из людей, в них участвующих.

Президент тоже не совсем дипломатично взглянул в сторону Мятлева, даже губами пошевелил беззвучно, но понятно. Тот покаянно кивнул голо-

вой и замолчал, нервно сминая мундштук длинной «корниловской» папиросы.

— ...Нельзя, — как ни в чём не бывало, продолжил Тарханов, — поскольку вот что у нас получается. Имеется *ядро заговора*, состоящее из людей, которые всё это просчитали, организовали, привлекли необходимые силы и распределили между собой высшие государственные посты. Самое интересное — все фактические материалы существования и деятельности этого *ядра* у нас есть, а персоналий — нет. Точно как и в прошлый раз.

Далее идут *исполнители*, из числа высших руководителей МГБ, армии, милиции и тому подобных военизированных ведомств. По большей части все они получали приказы, не очень понимая от кого, и исполняли, не слишком соображая зачем. Никто полностью общей картины не представлял, более того, приказы поступали зачастую намеренно противоречивые, словно бы в целях помешать, а не облегчить достижение общей цели.

— Управляемый хаос, — снова вставил с места Фёст, — достаточно известный, но отнюдь не бесспорный приём, вроде жертвы тяжёлой фигуры в обмен на темп...

— Похоже, — согласился Тарханов. — Это укладывается в нашу картинку. Третий слой — силы, оппозиционные власти. Независимо от их политической направленности и программных целей. Все они обработаны, профинансированы и мотивированы на саботаж любых провластных мероприятий. Здесь предусмотрены и спланированы уличные выступления, провокационные или сеющие разброд и смуту дестабилизирующие вбросы информации по Интернету, телевидению, любыми другими спосо-

бами. Без всякой, казалось бы, осмысленной цели. Разнонаправленные, противоречивые, откровенно глупые, на первый взгляд, но в любом случае — деструктивные.

Четвёртое — привлекаются и даже стимулируются организации и движения, которые вроде бы ориентированы на поддержку режима, но самыми внеправовыми методами. Цель та же — дезорганизация, провокации, устрашение. При этом план предусматривает также вовлечение в беспорядки широких масс обывателей. Среди них распространяются слухи о грядущей «революции», негативные и позитивные в равной мере, организуется точечный, но тщательно спланированный дефицит наиболее популярных среди населения «в эпоху войн и революций» товаров, от табачных изделий и спиртного до круп и даже хлеба. Вплоть до кровавых, не преследующих никаких рациональных целей терактов. Рассчитанных на усиление хаоса, но уже в головах.

Ну и, наконец, широкое привлечение к информационной войне иностранцев всех мастей, национальностей и статусов. Дипломатов, журналистов, туристов, всяческих «наблюдателей», которых уже завезли в Москву как бы не несколько тысяч. Кто-то будет убит, в достаточном для «взрыва всемирного протеста» количестве, кто-то, наоборот, получит возможность вести прямой репортаж с самых психологически выигрышных точек...

Фёсту было жалко смотреть на Президента и Мятлева. Гораздо более тяжёлое зрелище, чем даже сюжет с мужем, внезапно узнавшим, что его любимая жена, мать троих общих детей — одновременно популярная звезда столичного дома свиданий,

где пользуется вниманием в том числе и его лучших друзей. Поскольку Тарханов в ходе своего доклада называл множество имён, цитировал выписки из документов тайных и не очень совещаний, где и сам Президент, и каждый из его друзей и соратников получал самые нелестные, моментами прямо оскорбительные характеристики.

— Именно потому, что существует эта самая «демократия без границ», «гражданское общество», свобода слова и прочее, заблаговременно разоблачить такую схему практически невозможно. Пока всё в стадии разговоров — привлекать некого, когда началось — поздно. Особенно если в заговор практически или латентно вовлечена большая часть структур, поставленных действующую власть защищать...

Один Журналист сохранял видимость спокойствия:

— Ну, а что? В общем, ничего особенного. Достаточно мастерски сконструированная *реплика* февральского переворота семнадцатого года, будапештского пятьдесят шестого, пражских событий, ГКЧП и московского путча девяносто третьего. Вы бы распорядились, Вадим Петрович, такой доклад без рюмки коньяка *позитивно* воспринимать невозможно...

— Распоряжусь, — ответил Фёст, посмотрев на Чекменёва, — он тут хозяин. Просимое немедленно появилось прямо из тумбы письменного стола.

— Хорошо, — кивнул Анатолий. — Под наркомовские и на фронте воевать веселее было. Сообщение господина полковника, безусловно, произвело на нас ожидаемое впечатление. Он совершенно

прав — своими силами с подобным *проектом* нам никак было бы не справиться.

— Как и мадьярам в том же Будапеште, — согласился Фёст. — Там ведь до сих пор не соглашались признать, что никакая не «народная революция», жестоко подавленная советским режимом, случилась, а имел место почти аналогичный, правда, фашистский, при поддержке «антифашистских США и Европы» мятеж, также замаскированный «студенческими демонстрациями» и лозунгами о борьбе за «демократию», против «коммунистической оккупации»¹. Ну, здесь на два уровня сложнее, так и мы чуток не те, что Хрущёв в пятьдесят шестом. Мы и поаккуратнее умеем, без ввода в город двух танковых армий. Тут вон у нас сидит-сучает твой коллега, господин Волович, сейчас ему слово дадим...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Все взгляды обратились к Воловичу. Он с растерянным видом вертел в пальцах только что полученную рюмку.

— Ну, а что я? Я что знал, рассказал, а так... — словно ища помощи, посмотрел на Фёста.

— Да не тушуйся ты, *золотое перо демократии*, — ободряюще сказал Фёст. — Чего тебе бояться? Ты теперь по моему ведомству проходишь, даже господин Президент и товарищ генерал Мятлев не станут твоей крови требовать. Тем более как всякий порядочный штрафник, ты её уже пролил

¹ Наиболее подробное и достоверное описание венгерских событий 1956 г. см. А. Беркеши. Опасный водоворот (Oktoberi vihar). М. 1961 г.

и посему — чист. Просто людям, которым предстоит вскоре заниматься сложным и не всегда весёлым делом, хотелось бы из первых рук (или уст, черт его знает, как правильнее), получить живую, так сказать, даже — животрепещущую информацию...

Фёст опять начал валять дурака, всё по той же методике учителя и наставника Александра Ивановича. Вроде как типичное словоблудие, а там, глядишь, любая следующая фраза может *выстрелить* так, что мало не покажется.

— Знаешь, оперативная информация, собранная *инструментальным способом*, это одно, а живое, понимаешь ли, слово — совсем даже другое. Фактами мы располагаем, и здесь прозвучала только сотая доля того, что мы успели *накопать*, но кое-какие моменты чересчур наивным товарищам лучше вживую услышать...

При этих словах и Президента, и Мятлева опять *передёрнуло*, но Фёст не обратил на это никакого внимания. При всей врождённой лёгкости характера он за последние пару лет приобрел ранее несвойственные ему черты, в том числе и злопаметность. Не захотел Президент в то время, когда всё обстояло гораздо проще, можно было обойтись без серьёзного хирургического вмешательства, принять здравые советы и предложения — пусть теперь не обижаются. Тогда захотел ручки чистенькими сохранить, а другим теперь пачкаться? Как говорил один из приятелей Ильфа и Петрова, прототип О. Бендера: «Ну, я не Христос».

— Скажи товарищам, Миша, отчего ты не захотел наше с Людмилой предложение принять, от целого миллиона евриков отказался?

— Да что тут говорить? Ну, действительно, все люди, которые могли бы поучаствовать в намеченном тобой *мероприятии*, уже были кем-то задействованы как раз для организации тех *беспорядков*, о которых здесь было сказано. И деньги были получены и розданы. Не мог же я *на ходу* всё переигрывать? Даже несколько тысяч плакатов с лозунгами на противоположные поменять... Тем более я ведь не организатор...

— Ты — вторая половинка тезиса, только «вдохновитель», — усмехнулся Журналист.

— И это неправильно. Я, в общем-то, над схваткой. И то, что я брал деньги и там, и там, и там, ничего особенного не значит. Зарабатывать никому не запрещено, и все мои действия, по сути, столь же правомерны, как и ваши. Я на самом деле считал, что вы со своими обязанностями не справляетесь, даже авторитаризм ваш — беззубый, а России нужна *настоящая демократия*... И ничего больше. Оппонируя вам, я действующих законов не нарушал. Более того — в какой-то мере исполнял свой гражданский долг.

— Как генерал Власов, — негромко сказал Журналист.

— В том и беда, что слишком часто законотворчество опаздывает, — заметил вроде бы рассеянно слушавший спор людей из постороннего ему мира Чекменёв. — Если бы у нас до семнадцатого года было чёткое, юридически оформленное понимание разницы между «демократическими взглядами» и «антигосударственной деятельностью», всё могло бы сложиться совсем иначе. И особенно — у вас. Соответственно — во всём остальном мире. К примеру, получи Гитлер и его подельники за свой

«Пивной путч» не по году тюрьмы, а по бессрочной каторге, а прочие «штурмовики» — хоть по десять... Но это дело прошлое. Я думаю, нет нам особой необходимости развивать дискуссию. Давайте лучше Фёдора Фёдоровича послушаем, он военной составляющей нашей проблемы занимался, как генштабисту и положено.

Фон Ферзен вышел на место Тарханова, похлопывая по ладони складной лазерной указкой, что однажды привёз ему в подарок из другого мира Ляхов-Секонд. Она барону чрезвычайно нравилась и очень помогала на лекциях. И к картам и схемам, развешанным по стенам, не нужно слишком близко подходить, и цвет луча можно менять, и диаметр — то в точку его сводить, то расширять, показывая не отдельные объекты, а целые районы и абзацы текста.

Вот и сейчас он немедленно её включил и обратился к плану Москвы.

Суть его доклада сводилась к расчёту сил и средств, необходимых для наведения порядка в городе, при тех-то и тех-то условиях. Исходя из признаний, сделанных бывшим начальником одного из главных управлений МГБ Стацюка, реально мятежники опирались только на одно специально подготовленное к вооружённому захвату власти подразделение «Зубр», устроенное по типу детской игрушки «Лего». То есть оно существовало как бы только в сфере представлений его анонимного главнокомандующего, в реальности воинского формирования с таким названием, местом постоянной дислокации, определённым числом личного состава, штатным вооружением и средствами усиления вовсе и не

было. Было *ядро кристаллизации*, учебный батальон вроде бы вполне аполитичного ведомства.

Не зря даже Мятлев, по идее осуществлявший контроль и надзор за всем *силовым блоком* государства, ничего о нём не слышал. Это, конечно, вчера инициировало у Леонида Ефимовича вспышку комплекса неполноценности, от которого его очень удачно и вовремя отвлекла Герта. Но, с другой стороны, он не мог не восхититься красотой замысла, как при разборе хитроумной шахматной задачи, что в своё время регулярно публиковались в журнале «Наука и жизнь». Такого, конечно, не мог придумать ни сам Стацюк, ни кто-либо из его подчинённых. Не знал Мятлев в министерстве таких офицеров — гениев комбинации и одновременно убеждённых врагов существующей власти.

На самом деле в распоряжении мятежников была целая *разобранная* армия, обитающая в компьютерных файлах, но состоящая из вполне конкретных взводов и рот. Батальонных структур, усложняющих механизм на порядок и расширяющих круг посвящённых, у «Зубра» не предусматривалось. Все его мнимые подразделения реально имели место, входили в состав самых разных частей и подразделений армейских спецназов, в том числе и ГРУ, ВДВ, особо подготовленных ОМОНов и СОБРов. Плюс к этому — разнообразные ЧОПы, которые при наличии подходящей «крыши» (а куда уж лучше — целый Главк министерства), вполне могли содержать внутри себя особого рода боевые единицы. И — разного рода клубы, пейнтбольные, охотничьи, военных реконструкторов и тому подобные.

Много чего интересного можно найти или создать в пятнадцатимиллионном городе, даже не привлекая подкреплений со стороны. Вышеупомянутая Венгрия, к примеру, во время Второй мировой войны насчитывала меньше десяти миллионов населения, а имела армию, достаточно успешно воевавшую против СССР на стороне Германии до последнего дня. И сохранила достаточно кадров, чтобы через десять лет, стремительно мобилизовавшись, больше двух недель вести в Будапеште уличные бои против регулярных дивизий Советской Армии. С этим «подпольным войском» не справились ни собственная армия, ни МВД и АВХ¹.

Штаб, имея полный комплект комсостава, мог объявить «всеобщую мобилизацию», и по условным сигналам боевые группы, не вступая в непосредственный контакт, в течение полусуток могли занять определённые дислокацией и текущими приказами места и тут же приступить к выполнению элементов единого плана. До последнего момента рядовые бойцы и младшие офицеры понятия не имели, что служат в части «двойного назначения», а потом получали подкреплённый волновым импульсом приказ, не выполнить который не могли физически. Не требовалось ни «боевого сколачивания», ни совместных манёвров — каждый исполнитель получал расписанный по минутам график действий, а старшие командиры лишь занимались корректировкой взаимодействия, исходя из требований могущей непредсказуемо меняться обстановки.

¹ АВХ — «алламведelmi хиватал» — с 1945 до 1956 г. наименование органов госбезопасности ВНР.

★ Фон Ферзен отметил, что в данном случае методика должна была применяться такая же, как и во время антикняжеского путча, только с гораздо более высокой степенью мотивации, если можно так выразиться. Но этими делами занимались люди выше и посерьёзнее, чем какой-то генерал МГБ. Один из них — тот, что приезжал вместе со Стацюком на дачу Президента. Ещё одного, по имени Вячеслав Борисович, форбсовского уровня бизнесмена и одновременно председателя одного из думских комитетов, координировавшего этот этап акции из своего секретного офиса на Мясницкой, вычислила и изрядно напугала Герта.

С помощью всё тех же пресловутых Шаров всю эту работу по выявлению аналогий и сопоставлению однотипных элементов плана «Форос», как назвал его Фёст, проделал он с валькириями, а результаты для обработки передал Секонду с Тархановым. Точнее сказать, то был не план, а как бы вирусная программа, запустившая будто бы очередной уровень компьютерной игры. Тем более что у них уже имелись предварительные материалы, собранные Вяземской по собственной инициативе, и все разработки по результатам «Мрака и тумана».

— Таким образом мы на сегодняшний день можем предполагать наличие в Москве около двух — двух с половиной тысяч полностью замотивированных и готовых исполнить любой, я подчёркиваю — любой приказ бойцов. Судя по тому, что нам известно — какие бы то ни было переговоры с ними бессмысленны, они подлежат поголовному уничтожению или... В общем, это уже не моё дело. После завершения операции пусть законная власть решает, исходя из целесообразности и ре-

альных возможностей, — лицо у полковника Ферзена стало жёстким, несмотря на природную округлость, и стало понятно, что он на самом деле из тех средневековых рыцарей ливонского ордена, сначала полтысячи лет яростно воевавших с восточными славянами, а потом более трёх сотен — верой и правдой служащих Российской Империи. Очень хорошо служащих, надо сказать. В отличие от немцев из Германии их давно уже не волновал вопрос «крови»: в Империи нет национальностей, есть только подданные, служащие общему делу и, разумеется, имеющие полное право в «нерабочее время» разговаривать на каком угодно языке, соблюдать близкие им обряды и исповедовать практически любую религию. Но именно — тогда и в тех объёмах, пока это не препятствует общему делу.

— Значит, для этого мы должны задействовать, по моим расчётам, двукратно превосходящие силы частей Отдельного корпуса, штурмгвардии и «печенегов», разумеется. Мы не имеем возможности, к счастью, гипнотизировать своих солдат, поэтому нам потребуется сотня, а то и две *ваших* людей, — сделал Фёдор Фёдорович лёгкий поклон в сторону Президента. — На должности советников и дублёров командиров подразделений от взвода и выше. Наши бойцы, как вы понимаете, не владеют обстановкой, не знают местных особенностей, обычаев и обстоятельств. А им предстоит деликатная работа, не просто захват вражеского населённого пункта и нейтрализация гарнизона...

— Найдём людей? — спросил Фёст прямо у Мятлева. — Требования тебе понятны, так что вопрос чисто технический.

— Должны найти. Если бы только получить возможность гарантированно определять, зомбирован человек или нет...

— Думаю, такая возможность есть? — повернулся Фёст к Секонду.

Он имел в виду не только Людмилу и Герту с Шарами, вдвоём бы они и за неделю не справились, а и Максима Бубнова с его отделом и верископами, усовершенствованными, в том числе и с использованием аппаратуры НЛП, захваченной во время операции «Мрак и туман». Но вслух об этом говорить не хотел даже и в этой аудитории.

— Немедленно проверим. Прямо сейчас позвоню Вяземской, пусть они на Стацюке и том капитане попробуют.

— Подполковника Бубнова привлечь? — вопросительно приподнял бровь Чекменёв, догадавшийся, о чём говорил Фёст. — Вы же там чего-то такого экспериментировали?

— Обязательно, — ответил Ляхов. — Я хотел сразу после совещания его пригласить. Потребуется с полсотни его полевых аппаратов, но для начала — хоть десяток, с операторами, естественно. А стационар — это уже на следующих этапах. Там о сотнях весьма важных персон речь пойдёт и крайне глубоком зондировании¹.

Президент с Мятлевым и Журналист переглядывались, потеряв нить разговора, но вопросов не задавали, просто не понимая, о чём следует спрашивать.

— Да вот мы сразу, как закончим, с господином Воловичем в отдел к Максиму и съездим. На нём и потренируемся...

¹ См. роман «Дырка для ордена».

— А может, лучше на кошках? — с улыбочкой, долженствующей означать, что он здесь вполне освоился и претендует на равные хотя бы со своими соотечественниками права, спросил репортёр.

— Так ты как раз кошкой и будешь, — без тени иронии ответил Фёст. — Волки, барсы и шакалы потом пойдут, а в ходе беседы с тобой доктор Максим просто подрегулирует настройки, приведёт в соответствие с особенностями психики наших современников. Наверняка ведь имеются различия. Это, знаешь, как разница в проценте алкогольдегидрогеназы у европейцев и азиатов.

— А что же на тебе не проверили? Время было...

— Наглеешь, Миша, а я этого не люблю. — Ляхов-первый встал и очень многозначительно пошевелил пальцами правой руки, словно прикидывая, сжимать её в кулак или не стоит. — Очень свободно могу засветить сейчас в зубы, чтобы сначала думал, а потом говорил. Раз тебя в приличное общество начали пускать, так вообразил, что и двухпросветные погоны на золочёном подносе вручат? Всё наоборот. Считай, что если у тебя какие лычки и были, их уже сорвали. Ты теперь, друг мой, по ту сторону добра и зла. Ни один излюбленный тобой принцип, либерте там всякое, эгалите и прочая галиматья, отныне не применяются. Просите, и воздастся вам... по шее. Так что при каждом удобном случае будешь щёлкать каблуками, есть меня глазами и делать, что скажу. На известных тебе условиях.

И снова гости с удивлением смотрели на своего земляка. Очень естественно и убедительно выглядел он сейчас, чувствовалось, что ни капельки не играет. Было это как-то очень непривычно

даже военнослужащему Мятлеву. Та самая разница в психологии проявилась, которую до поры было почти незаметно. Некая *конкретность* и *окончателность*, от которой совершенно отвыкли и Президент, и его друзья за много-много последних лет. В их кругах слова сами по себе давно уже ничего не значили, и дураком считался тот, кто пытался воспринимать речи, обещания, даже угрозы собеседников в буквальном смысле. Обязательно нужно было искать подтекст, второй или третий смысл, аллегорию какую-нибудь, а сам по себе текст, не подтверждённый иными, *невербальными доводами*, не значил почти ничего.

Не могли же они знать, что после случившегося с ним на Перевале *духовного перерождения* Вадим Ляхов почти год проходил специальную подготовку кандидата в рыцари Братства, да и потом повидал столько всякого, что и слова для него теперь значили очень много, и часто — совсем не то, что для людей *постмодерна*.

Остальные сделали вид, что этот краткий урок, явно предназначенный не одному Воловичу, их не касается. Только Секонд подумал, что Фёст на своём посту чрезмерно ожесточился, не слишком много в нём осталось от того аналога, брата-близнеца, что было при первых встречах.

«То есть и я здесь смог бы стать таким же, если б иначе всё сложилось? Если бы мне вместо Академии, чина, флигель-адъютантства, Майи — то, что досталось ему...».

Секонд невольно передёрнул плечами. Ну, даст бог, всё у брата ещё наладится. И с Людмилой, и с общественным положением...

Барон Ферзен терпеливо дождался, пока стихийные прения прекратятся.

— Значит, для непосредственной работы в городе и ближних окрестностях нам потребуется пять-семь тысяч человек. Часть из них, пожалуй, нужно будет переодеть в аутентичную времени военную форму и вооружить так же. Остальные своим обойдутся. Решаемо?

— Так точно, — ответил Мятлев. — Я знаю, где находятся «базы хранения» с достаточным количеством обмундирования, оружия и техники, включая артиллерию и танки. Это у нас так называются места расквартирования бывших полков и дивизий, ныне сокращённых, — пояснил он для Чекменёва и Ферзена. — Их имущество должно быть использовано в случае объявления общей мобилизации. — И obsługi с охраной при них кот наплакал. Берусь организовать всё без бюрократии и прочих неприятностей.

— Очень хорошо, — кивнул Чекменёв. — Дальше...

— Дальше нам потребуется ввести в дело ещё одну или две вполне боеготовые, обстрелянные дивизии, на случай, если к мятежникам присоединятся регулярные воинские части или значительные массы вооружённого населения. Для них тоже — минимум по два-три консультанта на роту и советники командира и начштаба от батальона и выше. Чтобы вовремя подсказали, когда нужно использовать силу по максимуму, а когда — ограничиться переговорами или точечным воздействием.

— Найдём, — снова сказал Мятлев, а Фёст только кивнул, но чувствовалось, что на слова генера-

ла он полагается меньше, чем на собственные возможности.

Президент подумал, что сейчас запускается машина, результаты работы которой так же непредсказуемы и непредставимы, как решение Николая Второго поддержать Сербию в августе четырнадцатого или осенившая Горбачёва идея затеять «перестройку», не представляя реально даже *ближайшей*, не говоря о *последующих*, задачи. И точно так же, как в указанных случаях, нет никакой приличной альтернативы. «Дебют» его, как главы государства, всё равно проигран вчистую, а вот попытка «пересдать карты» сулит хотя бы некоторый шанс на успех, и в любом случае новый проигрыш не будет похож на предыдущий, зато выигрыш легко перекроет все издержки, моральные в том числе... Самое же главное — от него лично сейчас абсолютно ничего не зависит. Он, Верховный главнокомандующий, даже не знает, где найти несколько сот надёжных офицеров на должности военсоветников. Свадебный генерал, не более, или — Киса Воробьянинов на заседании «Союза меча и орала»: «Вы должны молчать, — сказал Остап. — Иногда, для важности, надувайте щёки».

— Последний вопрос — как быть, если в ответ на наши, вполне законные с любой точки зрения, действия, последует внешняя интервенция? С любого азимута? — этот вопрос фон Ферзен задал уже прямо Президенту. — Можете вы обеспечить лояльность и готовность выполнять приказы своего Верховного главнокомандующего войск Стратегической обороны?

Оказывается, этот полковник и о Ракетно-космической обороне осведомлён? Впрочем, чему же удивляться?

— Если вы доставите меня в распоряжение одной из таких частей, с достаточной группой поддержки — смогу. — Президент постарался ответить твёрдо. — Только неужели вы и такой вариант предусматриваете? Не слишком ли?

Вместо Ферзена снова ответил Фёст:

— Вам не кажется, что в любом ином варианте Россию ждёт судьба Ирака, а вас — Хусейна? Вообразите, что уже утром объявится какой-нибудь «Демократический комитет общественного согласия» или любая другая хрень? Провозгласит себя законной властью и немедленно обратится к НАТО, США и «всему мировому сообществу» с просьбой о немедленной помощи вооружённой силой? В обмен на то-то и то-то. Думаете, откажут? Друзья господина Воловича, — он ленинским жестом указал на Михаила — пообещают концессии сроком на 99 лет, совместное управление нефтегазовым комплексом, да вообще что угодно. В этом случае нам и придётся отчётливо и на весь мир заявить, что любая попытка вмешательства в наши внутренние дела получит именно такой ответ. «Неприемлемый ущерб» — это ведь не мы придумали. А возможность для вас выступить на всех мировых телерадиоканалах мы обеспечим, помимо любой Генеральной Ассамблеи. Впечатление будет очень яркое, и нужное нам время мы в любом случае выиграем...

Остальные разговоры носили уже чисто технический характер, и по завершении «Совета в Филах», как выразился всё тот же Фёст, Чекменёв ска-

зал, что отправляется на доклад к Императору, а все остальные немедленно должны приступить к работе в рамках намеченных планов.

— Только прошу иметь в виду, — добавил Фёст, — как только я перейду на ту сторону, время и там и здесь снова синхронизируется. И каждый час снова станет полноценным и невозвратным часом. Как ты считаешь, сколько времени потребуется на переброску из Москвы в Москву через Екатеринбург намеченных двух дивизий? — повернулся он к Секонду.

— Если приказ отдать немедленно — до начала ввода войск в тоннель — часов шесть. Если побатальонно, по готовности — чуть быстрее можно управиться. А вот потом... Свои самолёты на ту сторону не протащить, — развёл он руками. — Придётся что-то решать с транспортом. Это полностью на вас. Если не справитесь — нам что? Захватывать поезда или машины, автобусы... Тогда суток через трое передовые отряды, может, и доберутся, да и то могут сложности возникнуть...

Фёст и стоящий рядом Мятлев поняли смысл его эвфемизма. Секонд подразумевал, что по нынешнему времени попытка неизвестной принадлежности вооружённых формирований захватить транспорт для проезда в Москву может обернуться чем-то вроде Будённовска девяносто пятого года.

— Хорошо, — ответил Мятлев, — сделаю всё возможное и невозможное, но с утра с транспортом решим. Пошлю в Екатеринбург спецгруппу на самолёте МЧС и несколько человек с неограниченными полномочиями от лица Президента. Отменим все гражданские авиарейсы хотя бы на сутки. Думаю, с МПС тоже разберёмся.

— В общем, из этого и исходим, — подвёл итог Фёст. — Я имею ещё кое-какие соображения, к утру увидим, верные или не очень.

...Фёст уточнил текущее время за дверьми квартиры, выходящими в «первую реальность». Пока всё сходилось, почти сутки они «отыграли» — специальный хронометр в нише на стенке прихожей показывал, что там по-прежнему девятнадцать часов с минутами вчерашнего дня. Значит, никто из врагов, имеющих доступ к межвременным переходам, ими не воспользовался, туда и обратно переходов не совершал. В какой-то мере это было странно — самые чуткие, вроде одного из организаторов этой заварушки, вычисленного Гертой Вячеслава Борисовича, могли бы уже начать «эвакуацию». Ещё два года назад, в ходе «Мрака и тумана», Александр Иванович Шульгин по своим каналам выяснил, что не меньше сотни человек в Москве знали о существовании «прекрасного нового мира». Была даже организована торговля среди людей «своего круга», «визами» и «путёвками» на ПМЖ в Российскую Империю. Нашлось немало людей, не желавших жить здесь, но и не хотевших превратиться в «лондонских сидельцев», вроде Березовского, людей второго и третьего сорта, несмотря на свои миллионы и миллиарды.

А сейчас движения «через границу» не замечено. Возможно, просто не собрали ещё барахло в дорогу, туда ведь нужно являться с реальными ценностями, а не с платиновой «Визой». Или, что тоже возможно, пользуются какой-то другой методикой, на текущую хронологию влияния не оказывающей.

Вадиму захотелось, перед началом *дела*, посоветоваться хотя бы с Воронцовым, раз уж Сильвия со всей командой временно *недоступна*. Но он решил этого не делать. Может быть, просто поостерёгся. Он так ничего толком и не понял ни в хронофизике как науке, ни в мистике, с помощью которой Удолин добивался почти аналогичных результатов. Но с первых дней занятий в Форте Росс урок усвоил, сначала от Шульгина, потом от Левашова, да и Сильвия несколько раз говорила, что все эти «прыжки между уровнями Гиперсети» настолько же рискованы, как и любительские упражнения членов кружка «юных сапёров» с настоящими взрывными устройствами, и вполне подобны мотокроссам по минным полям.

Есть некоторое количество приёмов «техники безопасности», но и только. То, что никто ещё как следует не подорвался — дело случая. Да и что значит — «не подорвался»? Мало того, что в самом начале истории Шульгин, Новиков и прочие пусть и добрались до далёкой планеты, и сумели заглянуть в будущее и прошлое, так зато потеряли ориентиры «обратной дороги» и навсегда остались в этих, настоящих ли, «химерических» ли мирах. Да и у него самого, на пару с Секондом, очень всё интересно сложилось. И продолжается, кстати. Так что говорить — «ничего не случилось» — довольно опрометчиво.

Кроме того, каждый переход через пространство-время является ещё и демаскирующим фактором. Вроде кильватерного следа корабля в ночном фосфоресцирующем океане, хруста валежника и огонька сигареты в лесу, где тебя наверняка ждёт засада.

То есть пользоваться и СПВ и блок-универсалами всё равно пользовались, куда денешься, но всё время предостерегали друг друга и особенно неофитов об опасности и нежелательности такого занятия.

Выбор ведь невелик. Лететь, как Линдберг, через Атлантику на ненадёжном поршневом самолёте или месяц добираться на паруснике, смиренно сносая и штили и шквалы? Тогда проще всего сидеть у себя под кроватью и не высовываться, в рассуждении «как бы чего не вышло?».

Фёст почти год вёл себя подобным образом, и что? Стало только хуже. Занялся бы он «домашними делами» вплотную с момента, когда получил на это права и возможности — совсем по-иному всё могло бы выглядеть... Да что теперь...

Герту он пока оставил «на хозяйстве», присматривать за уже обжившимися гостями и ждать новых, долженствующих вскоре появиться. Секонд сейчас готовил первую «десантную партию». А с собой велел собираться Людмиле.

Сейчас ей нужно было снова переодеться и нарисовать себе чуть-чуть другое лицо. Так, чтобы получилось нечто среднее между той бабой, что ходила на встречу с Журналистом, и собой в том виде, что вчера был предъявлен Воловичу. Проще говоря, стать максимально похожей на обладательницу американского паспорта, залетевшую в Москву по делам этой самой «Комиссии паранормальных явлений». Повзрослеть лет на пять, потерять процентов сорок своей бьющей в глаза привлекательности — не Фай Родис всё-таки, прибывшая на планету Торманс¹ с дружественным визитом. Ну и одеться универсально, как сравнительно состо-

¹ См. И. Ефремов. «Час быка».

★ ятельная американка, знакомая со стилем нарядов *туземных женщин* и пытающаяся ему соответствовать, но при этом не отказавшаяся от намертво вколоченных в голову на той стороне Атлантики стереотипов. И одновременно чтобы наряд не мешал ей тут же вступить в бой, если придётся.

Ей потребовалось полчаса, чтобы Фёст, осмотрев плоды Людмилиных трудов, кивнул удовлетворённо. Да уж, получилось *нечто*. Довольно-таки глупо выглядевший *микст* из бежевого платья типа «сафари», растоптанных и уже не очень белых кроссовок, не то индейских, не то папуасских браслетов и ожерелья. Правда, надетый под платье кевларо-керамический корсет чересчур подчёркивал выразительную грудь. Американки в обычной жизни не любят себя стеснять, да и по их политкорректным убеждениям бюст должен выглядеть как можно непривлекательнее, такой, как у Вяземской, там носить неприлично. Могут счесть за вызов и упрёк всем прочим особям этого пола. Ещё на ней была совершенно никчёмная, если не сказать — дурацкая, леопардовой расцветки бандана, стягивающая желтовато-рыжие, прямые, похоже, неудачно покрашенные волосы. И — сумка через плечо из бизоньей кожи, украшенная кожаной бахромой и бусами. Чучело получилось, честно говоря, но для аборигенки Нью-Йорка или Сан-Франциско — всё равно чересчур симпатичное — ни ног ведь, ни гибкости фигуры, ни плавности движений не скроешь надолго.

— В общем, пойдёт, — оценил Фёст. — Особенно по вечернему времени. Кто-то вообще внимания не обратит, кто-то про себя дурой обзовет или догадается, что ты — не отсюда. «Понаехавшая». Глав-

ное — никакого связного впечатления у обычного человека о тебе не останется. Как говорил товарищ Сталин: «Сумбур вместо музыки». Нам того и нужно. Ну, значит, пойдём...

Фёст прикрыл за собой дверь, отделявшую основную квартиру от соседней, формально (в той РФ) принадлежащей гражданке Сильвии Берестинной — даме без определённых занятий, жене проживающего в Лондоне и весьма богатого русского художника. В отличие от «базовой» эта квартира, хотя и являлась её зеркальным отражением по планировке, обставлена и оформлена была совсем иначе. Леди Спенсер хоть и наезжала сюда эпизодически, то одна, то с Алексеем, желала, чтобы любой случайный (и не очень) посетитель сразу понял, насколько рафинированная, с особо тонким вкусом особа тут проживает. Только кабинет почти один в один повторял тот, что за капитальной, в аршин тёсаного камня, стеной. Это уже Берестин так распорядился, ему нравилось, бывая здесь, проводить выпадающие иногда часы уединения именно здесь, вспоминая свою словно бы уже и нереальную, так давно это было, прогулку в далёкий-далёкий, а всё же существующий по-прежнему на своём месте шестьдесят шестой год. Он даже поставил на стол изготовленную с помощью Шара фотореконструкцию той девушки, в которую он был влюблён тогда, за восемнадцать лет до появления в его жизни Ирины. Ради того, чтобы ещё раз увидеть её молодой, он, пожалуй, и согласился на ту авантюру. Так ему, по крайней мере, теперь казалось.

Фотографию было не отличить от подлинника, если бы он был, ну и то, что снимок цветной, — тоже редкость для середины шестидесятых. На ли-

сте несуществующего здесь формата 18х24 был восстановлен момент, когда Она появилась в своём дворе, а он, вернувшийся из будущего дядька почти вдвое старше, сидел на скамейке под липами и с замиранием сердца слушал звон её каблучков по асфальту и смотрел на вьющуюся вокруг загорелых ног клетчатую юбку¹.

В том, что Берестин держал на столе именно эту фотографию, был некий вызов и намёк. И Ирине, и Сильвии.

Но ни Фёст, ни тем более Людмила обо всём этом понятия не имели. Эти две вышеназванные дамы могли оценить изысканность ситуации, а Вяземская, мельком взглянув, отметила, что девушка хороша собой, но одета и обута, на её взгляд, совершенно ужасно. Однако занимало валькирию сейчас совсем другое.

Убедившись, что замок щёлкнул и они остались совершенно одни, она вдруг шагнула к Вадиму, сжала пальцами его плечи, запрокинув голову и зажмурив глаза, подставила губы. Ляхов, тоже изо всех сил обняв девушку, начал её отчаянно целовать. Вчерашняя ночь оказалась для обоих слишком серьёзным испытанием. Может быть, и полезным, но уж чересчур мучительным. Вадим-то вида не подавал, но чувствовал себя не слишком хорошо, пролежав полночи без сна рядом с обнажённой любимой девушкой, тем более — уже не только согласившейся идти замуж, но прямо сейчас готовой... Подобные упражнения в его жизни случались, но там было проще — он отказывался от девушек и женщин, которым по тем или иным причинам не

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку. Гамбит бубновой дамы».

хотел давать ни поводов, ни надежды... И не хотел связывать себя, разумеется, пусть в тот момент от него и не требовали признаний и обещаний.

Сколько-то времени они жадно, как в юности (впрочем, для Людмилы это как раз и была та самая, ещё *невинная*, юность), целовались, вжимаясь друг в друга телами. Потом она вдруг схватила его за руку выше локтя и потянула за собой, в глубь квартиры. Почти наугад толкнула дверь и попала куда нужно — в большой и вызывающе роскошный будуар Сильвии, скопированный с такого же в её лондонском семейном доме, лучше сказать — городском замке.

У широкой, застеленной причудливо раскрашенным индийским пледом XIX века кровати она подтолкнула Вадима, он присел на её край, а сама, стоя перед ним, покраснев и прикусив губу, торопливо снимала платье, говорила сбивчиво:

— Знаешь, я так не могу, не хочу... Мы снова идём на войну, и остаться... — Она чуть не сказала «вдовой нетронутой», но вовремя сдержалась. — Пусть будет как надо, как у всех... Можешь после этого считать меня по-настоящему женой или вообще никем не считать, а сейчас сделаем, как я хочу... Тебе же это не трудно? Ты ведь тоже этого хочешь? А я люблю тебя, люблю, пойми же...

На глазах у неё выступили слёзы, и в голосе они звучали.

Тут вышла заминка. Людмила и так была на пределе, а ведь она словно забыла, что не бальный или настоящий свадебный наряд на ней. И сам этот отчаянный порыв случился совсем неожиданно, иначе не стала бы она перед этим тщательно экипироваться для боя. И сейчас девушка нервно, зло

дёргала застёжки широкого кожаного пояса, к которому с двух сторон были подвешены пистолеты с запасными магазинами. Что-то, едва ли пристойное, шипя сквозь зубы, отцепляла нижние ремешки, фиксирующие кобуры вокруг бёдер чуть выше колен.

Само собой, снаряжение для «быстрой любви», когда достаточно просто упасть в объятия милого, а он сам сделает, что нужно, не очень подходящее.

В платье, что надела Людмила, с расклешённой юбкой, её арсенал был совсем незаметен, только нельзя позволять посторонним к тебе вплотную прижиматься и за ноги и грудь хватать.

Закончив с пятикилограммовой «упряжью», Вяземская чуть было не швырнула раздражённо всю эту сбрую прямо на пол, да вовремя опомнилась. Прежние уроки подействовали. Обошла кровать с торца, положила аккуратно на тумбочку, в пределах досягаемости. Потом, уже поспокойнее (методические, уставами предписанные действия весьма способствуют поддержанию душевного равновесия), сняла тугой бронекорсет и единственную чисто штатскую и эротичное вещичку.

— У нас сколько угодно времени, — шептала Людмила, вытягиваясь на постели, оплетая его шею и плечи руками, снова подставляя губы. — Нам совсем некуда торопиться, милый. Я тебя очень-очень люблю, ты же видишь. Я хочу, чтобы ты был совсем мой, а я твоя... Навсегда, да?

Потом она сидела поджав колени к подбородку и обхватив их руками.

— Видишь, я ждала только тебя. У меня ещё никогда ни с кем ничего не было... Меня учили ты даже не представляешь чему: как это делали в Ин-

дии тантристы и как «любили» ацтеки или майя, ещё до испанцев. И даже таким вещам, что люди на Земле вообще не представляют. Это... знаешь... Ну, вроде как умение ходить босиком по горячим углям или с завязанными глазами по канату... Или гипнотизировать настоящих ядовитых змей. Мы всё это должны были знать и использовать в работе. А я — хочешь верь, хочешь нет, когда это слушала и смотрела — ну до того противно было! Я ведь и книги читала, нам полагалось *всеобщее высшее образование*... Знаешь, у меня не накладывалось — про настоящую любовь читать, и — о том... Я с самого начала зареклась, ну, как только нас Левашов на Землю вернул и мы с Майей, Татьяной, Натальей Андреевной познакомились, — если сумею, любовь у меня будет только с настоящим мужем. Не знала, найдётся ли такой, но верила, ждала... И придумывала, как это сделаю... Вот видишь, повезло. Познакомились, на даче... Хорошее место и время, чтобы влюбиться, правда? А я вот влюбилась... — Она усмехнулась какой-то неожиданно растерянной, жалкой улыбкой. — Сколько раз воображала, как у нас получится, если... Ты не думай, мне с тобой сейчас очень хорошо было, а первый раз так не всегда случается... Мне только очень жаль, что у меня сейчас... не то лицо. Лучше бы настоящее... Чтобы ты на меня всё время смотрел, как первый раз на даче... Сейчас не то... Я помню, ты ведь играл тогда, для ментов. А вдруг взглянул — я и поняла, сейчас не играешь. Словно впервые увидел...

— Да какая разница, — сказал Фёст. — Ты лучше меня прости за вчерашнее. Понимаю — обидел... — Ему отчего-то было слегка не по себе. Как он сможет всё время быть достойным таких чувств

и таких слов? Нет, он тоже её любил, как понимал это чувство, но сейчас Вадиму казалось, что он слишком стар для неё, с не очень подходящим для «чистой любви» жизненным опытом, не способен отвечать представлениям и чувствам двадцатилетней девочки. Хотя никто из валькирий не знал своих дат рождения, и Майя с Татьяной придумывали им дни и месяцы из двух соседних лет, тоже исходя из собственных нумерологических пристрастий и чтобы знаки Зодиака как-то соответствовали внешности и характерам. Так что через месяц (кстати!) Люде будет уже двадцать два!

Она заметила на его лице отражение этих мыслей, потянулась к нему, снова обняла, прижалась всем вытянутым в струнку телом.

— Ты ни о чём не думай, всё будет хорошо, я ведь с тобой, я тебя никогда не оставлю, всё буду делать, чтобы нам... Чтобы мы... На этом свете — точно...

— А на том? — усмехнулся Фёст, глядя её по спине ладонью, слишком шершавой для её атласной (или — шелковистой?), кожи. Лицо-то она себе подправила, а тело осталось прежним.

— А того — просто нет! Мы всегда будем только на этом. Лет сто или двести. Как Сильвия. Не успеем друг другу надоесть?

— Как пойдёт, — снова улыбнулся он, повернувшись на спину, а Людмила, привстав на колени, погрузила пальцы в его волосы и подставила для поцелуев грудь.

Только часа через полтора они, наконец, вышли на лестничную площадку. Вяземская сверкала глазами, её прямо переполняли эмоции и избыток физической и нервной энергии.

Но сейчас двумя этажами ниже сидел весьма проникательный человек, с которым предстоял весьма серьёзный разговор, и Вадим строгим шёпотом, показывая, что романтика кончилась и начинается служба, велел ей собраться.

— Не то у нас сейчас положение, поручик Вяземская, чтобы светиться и порхать, понимать надо. Перенастройтесь. Вы иностранка, напуганы происходящим, в то же время вам очень интересно, заодно соображаете, можно ли на данных обстоятельствах подзаработать. Уловили вводную?

— Поняла, будет сделано, — заученно ответила Людмила, но не удержалась, ещё раз на мгновение коснулась губами его губ, провела ладонью по щеке и только после этого сосредоточилась. А уж играть она умела что угодно и в любых предложенных обстоятельствах. В Вахтанговском театре сразу бы на первые роли взяли, наверное.

И Вадим вдруг подумал, что где бы ещё он нашёл такую жену (впервые назвав Людмилу этим термином)? Слава богу, что военнослужащая. Попробовал бы он *штатской* жене сказать нечто подобное, да в таком тоне! Понеслись бы, как в сказке, клочки по закоулочкам...

Консьерж Борис Иванович был на месте, на что Вадим и рассчитывал. Увидев его, ушедшего всего несколько часов назад в приличной компании чёрным ходом через гаражи и неведомо как вновь оказавшегося дома, не проходя мимо вахты, отставной майор больше не стал удивляться. Надоело.

И баба с ним опять новая. Правда, всего через минуту наметанный взгляд офицера-разведчика засёк, а тренированный ум разложил по местам все приметы, признаки, неуловимые для непосвящён-

ного детали. Снова Любочка, школьница-выпускница. Ну, бля, артистка! Сейчас таких ни в кино, ни по телику не увидишь, если не старые фильмы, конечно. То лет восемнадцать, то тридцать пять, то двадцать пять — двадцать семь, как сейчас. И лицо ведь меняет, и выражение глаз... А вот с фигурой, походкой, всеми прочими движениями — хуже. Не получается совсем избавиться от *настоящего* стиля. Он-то знает, видел таких ребят, из *самого-самого* спецназа ГРУ. Правда, в том и дело, что ребят, как правило — капитанов, лет под тридцать. Те тоже умели так вот двигаться, даже в *нерабочее* время.

Он не совсем поверил тому, что наскоро, заскочив на минутку, рассказали Эдуард с Григорием. Подробнее обещали позже, когда он с дежурства сменится. Может, по фактам и верно, но вот детали... Уж больно круто, и в американском кино такого не увидишь. А сейчас вдруг поверил. Наступает, так сказать, момент кристаллизации. В настоящий момент — психической.

— Опять у вас что-то приключилось? — стараясь, чтобы звучало понебрежнее, спросил майор.

— Да я даже и не знаю, дядя Боря, — прежней улыбкой сверкнула Вяземская. — У нас или у вас. С тех пор как мы последний раз виделись, что-то интересное произошло?

А виделись они, «по прямой хронологии», ровно шесть часов назад.

— Я вот, честно сказать, после нашего разговора очень насторожился, — сказал майор, обращаясь уже к Фёсту. — Понял так, что вы очень надолго исчезаете и все *ожидаемые события* могут случиться без вашего участия. А сами — тут же...

— Обстоятельства, друг, обстоятельства, — как бы чуть ёрничая, ответил Вадим. — Думаешь одно, выходит по-другому. Значит, про нападение на дачу Президента и прочие события ещё не слышал?

— Какое нападение? И откуда бы я слышал? У меня весь доступ, — он кивнул на маленький приёмник, гонявший «Радио-шансон». — А остальное — по телику, когда сменюсь...

— Сменщика позови, — сказал Фёст. — Минут на двадцать разговор есть.

— Вон сменщик, в подсобке. И что? — спросил майор, выходя из-за своего бронированного стекла, привычным жестом чуть сдвинул назад по ремню кобуру с «ПМ-ом».

— Да вон там, наискосок, трактирчик есть. Его как, сильно *смотрят*?

— Не думаю. Некому и незачем. Здесь с самого девяносто пятого года, если не ошибаюсь, никаких сходов не бывало, ни «голубые» не собираются, ни либералы. Иногда удивляюсь, с чего они до сих пор существуют.

Фёст знал — с чего, только не время сейчас ещё и эту тему поднимать.

— Ну давай и зайдём, накатим по-офицерски, есть за что, поверь. Там и поясню *моменты*.

Трактир имени Гиляровского и вправду был неплох. Малолюдн и уютен. Тонкостями кулинарии ни один из трёх офицеров не озабочивался, а диапазон выпивки был как везде.

Только Люда вдруг блеснула эрудицией, наверное, обстановка подействовала.

— Я вот читала, что Владимир Алексеевич, «дядя Гиляй» то есть, если не в хорошем ресторане,

рюмку водки закусывал печёным яйцом, и ничем больше.

— Ну, девушка, с тех пор кое-что изменилось, — философски заметил майор.

— Никогда в жизни не ела печёных яиц, — сообщила якобы американка.

— Здесь тоже едва ли подадут. А вообще можно посоветовать, чтобы внесли в меню, — усмехнулся Фёст. И сразу перешёл к важному.

Не вдаваясь в звучащие слишком фантастически детали, он рассказал Борису Ивановичу всё, что случилось за минувшие несколько часов и на самом высоком уровне, и ниже.

— Да? Если так, то совсем интересно, — сказал майор, сохраняя невозмутимость. — А на земле тихо пока.

— А ты спрашивал? — спросил Фёст. — Позвони, если есть куда, я как раз покурю...

Им с Людой хватило времени на то, чтобы недолго подержаться за руки. Он перебирал её пальцы, а она вздрагивала, стараясь, чтобы чувства не отражались на лице.

— Да-а, товарищ командир, — с помрачневшим лицом протянул майор, засовывая в нагрудный карман телефон. — Интересные дела...

— Я другого и не обещал. Но выбор у вас остаётся. Можно и пересидеть. Только во что упрёмся, а, Борис Иванович? Мне отчего-то до сих пор вспоминается «Хождение по мукам». Если бы тогда все на Дон, к Корнилову пошли — как мой тёзка, Роцин, Вадим Петрович, — одно бы вышло. А нам всё вкручивали, что «Тихий Дон» гениальное произведение. Болтайся, мол, как Гришка Мелехов дерь-

мом в проруби, вот и будешь выражением народной души. И — Нобелевскую премию...

— Ты к чему это, Петрович? — насутился майор, успевший выпить свои «два по сто в одну посуду».

— Да к тому же. Ты, кажись, днём про «Чёрную метку» спрашивал. Так я как раз начинаю мобилизацию. Одни люди своё дело делать на казённых постах будут, другим — конкретная работёнка найдётся. Проще говоря — через день-два в Москве настоящая заваруха начнётся. За это время мы успеем подтянуть кое-какие части издалека, с ТОФ и КДВО¹ в том числе. А там очень много ребят, ни города не знающих, ни во многих других спецпроблемах не разбирающихся...

— Ну?

— Вот конкретно мне сегодня нужно начать, а завтра закончить подбор хоть сотни, для начала, настоящих офицеров, подходящих на роль военсоветников, проводников по городу, дублёров командиров. С настоящими навыками. Уловил?

— Чего тут улавливать. Займусь. Деваться и так и так некуда. Давай подробности, как Высоцкий пел.

— Сейчас. Чтобы стимул был, скажу — когда у нас получится, всех желающих снова на службу возьмём, по специальности или по желанию, на чин-два выше. И всё остальное, вытекающее. Вот, опять же, пойми правильно...

Он кивнул Люде, она открыла сумку на коленях.

Фёст достал оттуда три заклеенных пачки пяти-тысячных и пачку стодолларовых банкнот.

¹ ТОФ — Тихоокеанский флот, КДВО — Краснознамённый Дальневосточный военный округ.

— Это чисто на оргвопросы. Может, кому машину арендовать надо, кому из Рязани или Владимира доехать, семье на первый случай оставить. Насчёт оружия не беспокойтесь. Этого добра на любой вкус завтра, а то и сегодня к утру, будет — завались. Договорились, Борис Иванович?

— Куда ж от тебя денешься? Других вариантов — ноль. Правильно?

— Так кому как, я же сказал.

— Ладно, договорились. Сотня толковых будет. К утру, как ты и сказал. Мы насчёт быстроты и натиска кое-что понимаем. Потом — по закону домино... Только наоборот.

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

Том 1

СПОР СЛАВЯН МЕЖДУ СОБОЮ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Л. Козлова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 көңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,

факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан

Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 көңсе.

Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 18.02.2013.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 14 000 экз. Заказ № 1159.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-63451-4

9 785699 634514 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

Параллельные реальности пересекутся, если это потребуется для установления исторической справедливости или если вдруг всемогущие Игроки решат начать новый раунд своей бесконечной Игры в Гиперсети. Другим и единомышленникам из «Андреевского братства» в очередной раз приходится подтверждать это, сражаясь то по одну, то по другую сторону невидимой границы. Ведь противостоять врагам в России всегда было привычнее всем миром, объединив силы. Тем более нападение спланировано так, чтобы обескровить нашу страну сначала в одной исторической последовательности, а затем, используя ее как плацдарм, — начать атаку на другую! И план этот был почти безупречен. Но помощь пришла! Ведь русские своих не бросают, где бы и когда бы они ни жили...

